

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В.В. Виноградова РАН

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А.С. Пушкина

РУССКАЯ РЕЧЬ

НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

Издается
с января
1967 года.
Выходит
6 раз в год

2

МАРТ • АПРЕЛЬ

2018

ИНДЕКС 70788
ISSN 0131-6117

МОСКВА
"НАУКА"

В НОМЕРЕ:

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 3 *Н.В. Мадигожина. Стенанье как призванье* (Поэтическая декларация К.К. Случевского)
- 10 *А.А. Кожин. Орнаментальная проза В.В. Розанова*
- 19 *М.А. Бобунова. «Соловьями наш край знаменит...».*
-

КУЛЬТУРА РЕЧИ

- 25 *Е.А. Смирнова. Семантика и узус имен прилагательных со значением цвета*
- 33 *Е.М. Ручимская. Спряжение односложных глаголов на -ить и -уть в русском языке*
- 37 *Д.М. Дедковская. «Вкус огурец» и другие проявления аналитизма*
- 43 *Н.Н. Василькова. Бои без правил в политических ток-шоу*

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

- 52 *Н.В. Столярова.* Равноапостольный князь Владимир в «Памяти и похвале» мниха Иакова и проложном житии
- 60 *М.Ю. Осокин.* «Приезжий во всем как-то умел найтись...» (Хрисолог Ж.-Б. Руссо и Чичиков Н.В. Гоголя)
- 65 *П.Л. Чуйков.* Н.В. Гоголь и Ф.М. Достоевский о богатырстве, учении Христовом и европейской цивилизации

ОНОМАСТИКА

- 73 *С.А. Скуридина, В.В. Вязовская.* Именование юродивых в произведениях Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова
- 84 *В.О. Максимов.* Морозов и Холодов. Из истории русских фамилий

РУССКИЕ ГОВОРЫ

- 89 *Л.В. Недоступова.* Женские уличные имена в Воронежской области

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

- 96 *И.П. Черноусова.* Дары в былинах

ПИСАТЕЛЬ И ФОЛЬКЛОР

- 103 *Я.О. Дзыга.* Традиции фольклора в сказке И.С. Шмелева «Преображенец»

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

- 111 *И.С. Улуканов.* Обожатель. Поклонник. Рачитель
- 117 *А.С. Подчасов.* «От терпения опытность...»

ХРОНИКА

- 122 *О.В. Никитин.* Международная научно-практическая конференция «И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы»

Стенанье как призыв

Поэтическая декларация К.К. Случевского

© Н.В. МАДИГОЖИНА,
кандидат филологических наук

В статье анализируется стихотворение К.К. Случевского «Где только крик какой раздастся или стенанье...», которое содержит важные мотивы его творчества и яркие проявления его индивидуального стиля, сочетающие элементы романтической поэтики и разговорной лексики.

Ключевые слова: К.К. Случевский, «дума», поэтический жанр, мотив, пессимизм, дисгармония, страдание, романтическая метафора, прозаизм.

The article analyzes the poem by K.K. Sluchevsky «Where only the cry will be heard or groan...», which contains important motifs of his craft and striking manifestations of his individual style, combining elements of romantic poetics and spoken vocabulary.

Keywords: K.K. Sluchevsky, «duma», poetic genre, motive, pessimism, disharmony, suffering, romantic metafor, prosaism.

Одним из интереснейших лириков эпохи «безвременья» был К.К. Случевский (1837–1904), родившийся в год смерти Пушкина. В. Хлебников в своих «теориях чисел» на основании дат рождения поэтов устанавливал закономерности развития русской литературы и объявлял Случевского родоначальником нового поэтического этапа. Но и вне «магии чисел» многие исследователи и в XIX, и в XX столетии приходили к аналогичному выводу.

Еще в юности Случевский начал писать стихи и печатал их в малозаметных изданиях. Но его литературным дебютом все же считают публикацию нескольких поэтических произведений в некрасовском «Современнике» 1860 года.

Никому не известный писатель сразу стал знаменитостью: Ап. Григорьев, И.С. Тургенев называли дебютанта гением и по масштабу таланта сравнивали его с М.Ю. Лермонтовым. Демократический журнал, пустивший начинающего лирика на свои страницы, выразил возмущение столь неумеренным восторгом и «скомпенсировал» его градом издевательских пародий. Молодой поэт был не готов к «неистой травле» и замолчал почти на полтора десятка лет. Случевский уехал за границу, где изучал философию и естественные науки. По возвращении в Россию он сблизился с первыми отечественными символистами, которые через некоторое время провозгласили его Учителем и Предтечей. Так в середине 70-х годов XIX века его поэзия вновь привлекла внимание критиков и читателей.

В. Брюсов назвал Случевского «поэтом противоречий» и считал дисгармонию сутью этой «новой лирики». Мироощущение поэта, отличающееся глубокими противоречиями, в целом было пессимистичным. «Смысл земной природы», который он, как философ, хотел осмыслить и определить, ускользал от писателя. Брюсов отмечал, что жизнь его была «звонящей струной, которая могла только стонать от ужаса перед всем виденным...» [1]. Любопытна в этом смысле и точка зрения В. Ильина, утверждавшего, что «во всей мировой литературе нет писателей, которые бы уделяли в своем творчестве теме зла столько места, как Случевский и Достоевский» [2]. Подобно великому прозаику Случевский постоянно пытался определить границы Добра и Зла и отчаивался, видя, что Добро слишком часто оказывается бессильным.

Пик популярности Случевского приходится на рубеж XIX–XX столетий: в 1898 году появляются его «Сочинения» в шести томах, где стихи и поэмы занимают первые три книги. В моду входят «поэтические пятницы», хозяином и организатором которых он являлся. В конце XIX века, по свидетельству писателя В. Смиренского, над письменным столом А. Блока появляется портрет Случевского. А. Федоров, один из самых глубоких исследователей лирики Случевского, отмечал: «Как человек этот писатель был скорее религиозен, но в истории русской литературы он... сыграл скорее роль Мефистофеля, дав волю нотам скепсиса, сомнения, отрицания...» [3].

Случевский настойчиво декларирует свое гуманистическое жизненное кредо в целом ряде поэтических текстов, однако внимательный анализ любого из этих стихотворений показывает, что в них проявляются противоречия и диссонансы, о которых писал А. Федоров.

Предлагаем вниманию целостный анализ одной из подобных «дум». Это стихотворение в каком-то смысле является поэтической декларацией эпохи «безвременья». Приведем стихотворение полностью.

* * *

Где только крик какой раздастся иль стенанье —
Не все ли то равно: родной или чужой —

Туда влечет меня неясное призванье
Быть утешителем, товарищем, слугой!

Там ищут помощи, там нужно утешенье,
На пиршестве тоски, на шабаше скорбей,
Там страждет человек, один во всем творенье,
Крушась сознательно в волнении зыбей!

Он делает круги в струях водоворота,
Бессильный выбраться из бездны роковой,
Без права на столбняк, на глупость идиота
И без виновности своей или чужой!

Ему дан ум на то, чтоб понимать крушенье,
Чтоб обобщать умом печали всех людей
И чтоб иметь свое, особенное мнение
При виде гибели, чужой или своей! [С. 62]

Случевский почти все свои произведения разных лет распределял по циклам. Некоторые циклы и разделы состояли из «ролевых» стихотворений, то есть тех, где рассказчиком был персонаж, по мировоззрению, речевой манере и социальному статусу весьма далекий от автора. Стихотворение «Где только крик какой раздастся иль стенанье...», написанное в 1883 году, входит в раздел «Думы», где лирический герой напрямую отражает позицию автора. Именно «думами» Случевский обычно открывал свои сборники.

Популярный в ту эпоху критик С.А. Андреевский так писал о его творчестве: «Содержание его поэзии оказалось современным, оно соответствовало рефлектирующей и мечтающей, галлюцинирующей, разрозненной и хаотической современной душе... Содержание соответствовало. Да, но — форма?» [4].

Однако не только по духу, но и в области «формы» поэзия Случевского развивалась в общем русле поисков «восьмидесятников»-новаторов. Поэты этого поколения пытались сохранить формальные приемы пушкинской гармонии, но при этом понимали, что для выражения мыслей о дисгармоничности мира поэтика «золотого века» уже не подходила. Стилиевые диссонансы становятся главной приметой эпохи «безвременья». «Наш стих, как смысл людской природы / Обезобразишься и ты», — писал Случевский в стихотворении «Быть ли песне?» [С. 294]. Поэтому некоторые технические несовершенства, тавтология, сбой ритма, использование «прозаизмов» — это не случайные погрешности, а попытки создать стиль новой лирики.

«Форма» стихотворения «Где только крик какой раздастся иль стенанье...» на первый взгляд предельно проста: текст состоит из четырех катренов с перекрестной рифмовкой, рифмы точные, грамматически однородные, чередуются мужские и женские клаузулы, размер — шестистопный ямб с цезурой после третьей стопы — один из самых распространенных в 1880—1890 годы [5]. Каждое четверостишие равно по объему одной фразе, эмоциональная напряженность которой отмечена восклицательным знаком.

Однако простота организации этого стихотворения кажущаяся.

В первой строфе выражено творческое и жизненное кредо автора: если «ищут помощи» — быть «товарищем» или «службой», если нужно утешенье — быть утешителем. Лирический герой готов быть «утешителем» (сверху вниз), «товарищем» (на равных), «службой» (снизу вверх) — все три существительных располагаются в одной строке, перечисляются.

Цезура, то есть пауза, проходящая посередине текста, менее всего ощутима в первом стихе, однако слово «какой» с помощью инверсии все-таки выделено сильнее, чем в обычной речи, и звучит почти вопросительно: крик какой? Чей? И второй стих является ответом: «не все ли то равно: родной или чужой». То есть человек обязан помочь в равной степени и близкому, и другу, и незнакомцу. Эта вторая строка утверждает равенство и на звуковом уровне — ударный гласный [о] во всех значимых словах стиха одинаков.

В первой строфе мы видим два альтернативных ряда: «крик или стенанье», «родной или чужой». Обратим внимание на то, что прилагательные во второй строке вопреки грамматике относятся не к последнему слову первого стиха («стенанье»), а стоят в мужском роде, то есть согласуются со словом «крик», который слышен дальше.

В третьей строке первой строфы появляется единственное во всем тексте личное местоимение 1 лица — «влечет *меня* неясное призванье» (Курсив здесь и далее наш. — Н. М.). Личных местоимений в этом произведении довольно много, но все они стоят в третьем лице и служат скорее обобщению ситуации, ведь речь пойдет о судьбе Человека вообще, о его месте «во всем твореньи». В начале же стихотворения автор декларирует собственную ответственность за все происходящее в мире. Лирический герой считает *себя* обязанным спешить на помощь, услышав призыв или стон. В дальнейшем вместо ожидаемой помощи лирический герой лишь продекларирует неверие в то, что кто-то кому-либо вообще может помочь. Видимо, поэтому автор изначально назвал призвание спасителя «неясным».

Как мы уже сказали, в тексте есть довольно значительное количество местоимений и местоименных наречий. Вторая строфа начинается со слова «там», настойчиво повторяющегося трижды: «*Там* ищут помощи, *там* нужно утешенье... *Там* страдает человек...». В следующих строках объяснение того, где именно это происходит, весьма абстрактно: «на пиршестве тоски, на шабаше скорбей». Крик о помощи раздается со всех сторон, тоска и скорбь заполнили весь мир. Поэтому усиленное тройное «там» можно воспринять и как разнаправленное. И там, и там, и там — оглядываемся по сторонам — плохо и страшно Человеку.

«Голос» лирического героя приглушен, начиная со второй строфы появляется все больше глухих и свистящих звуков: «Там *ищут* помощи, там нужно утешенье, / На пиршестве тоски, на *шабаше* скорбей...».

Традиционные поэтизмы в шестой строке, как видим, автор сочетает в оксюмороны...

В стихотворении много глаголов, причем все они стоят в такой форме, что действие как бы происходит сейчас и всегда — *влечет призыванье*, ищут помощи, *страждет человек* и так далее. Творенье извечно наполнено движеньем, но лирический герой не сделает даже попытки изменить этот установившийся мучительный порядок вещей — обещанные «помощь» или хотя бы «утешенье» не состоятся.

Обратим внимание на стихи семь — восемь. Благодаря цезуре интонационно оказываются выделенными три ключевые слова: *человек — один — сознательно*. По Случевскому, главная проблема и мука людей в том, что они — единственные существа во всем твореньи — осознают неизбежность гибели «своей или чужой» и при этом лишены возможности что-либо изменить к лучшему. Все живут, годами «крушась сознательно». Деепричастие «крушась», видимо, связано по смыслу и со словом «гибнуть» и со словом «сокрушаться». Кроме того, деепричастие дает необходимые автору звуковые ассоциации со словом «кружась».

Человек попадает в «круги водоворота», из которого невозможно выбраться. В дальнейшем мы покажем, что именно «водоворот» становится основой художественного построения данного текста. Никто не виноват в человеческих страданиях — это неизбежно и фатально. Любой и всякий гибнет *без сил* («бессильный»), *без права*, *без виновности*, в *бездне*.

Жизнь человека представлена романтическими метафорами: «бездна роковая», «волнение зыбей», «круги водоворота». И вдруг в третьей строфе на фоне романтической лексики появляются два «прозаизма», пришедшие из области медицинской терминологии: «столбняк» и «идиот». В данном тексте оба слова имеют, конечно, переносное значение, но и прямой их смысл «просвечивает». В. Даль, описав в своем Словаре симптомы «столбняка» как страшного заболевания, объясняет, что это слово можно употреблять и в значении «озадачен, поражен, что онемел, не владеет собой... при полной силе, с открытыми глазами — на него «столбняк нашел» [6].

Поэт утверждает, что у человека нет *права на столбняк*, то есть на растерянность и бездействие перед лицом опасности, но тут же лирический герой говорит об обреченности любой попытки помощи, то есть фактически на него нападает этот самый «столбняк», когда он смиряется с неизбежностью гибели, прекрасно осознавая ее причины и механизм.

По такой же модели дается заявление, что у человека нет права «на глупость идиота» — и некоторые из современников Случевского возмущались тем, что поэт не назвал глупцов «сумасшедшими» или «безумными». Слово «идиот», дескать, слишком режет ухо. Но, во-первых, стилистический диссонанс здесь, конечно, дан намеренно, а во-вторых, для Случевского слова «идиот» и «сумасшедший» — отнюдь не синонимы. Идиотизм — это почти диагноз, такой человек, начисто лишенный ума, вызывает у лирического героя отвращение, а сумасшедшие духовно близки поэту. Это люди, которые мысленно унеслись в другой мир, не вынеся страданий мира реального. Во многих произведениях Случевский утверждает, что до конца его могут

понять только сумасшедшие. Можно привести в качестве примера произведение «Да, я устал, и сердце стеснено...» [С. 56].

Утверждение, что любой умный человек стоит на грани сумасшествия, лежит в основе одной из любимых тем эпохи «безвременья». Достаточно вспомнить хотя бы известное ролевое стихотворение А.Н. Апухтина «Сумасшедший» (1890).

Итак, одна из главных причин мучений человека — его ум, но мало кто готов от него добровольно отказаться. В последней строфе стихотворения «Где только крик какой раздастся иль стенанье...» слово «ум» несколько раз повторяется и всячески выделяется. Обратим внимание на ритм: первое полустихие «отяжелено» сверхсхемным ударением — «ему дан ум на то...», что демонстрирует тяжесть сознательной гибели и на уровне ритма. Поэт не прибегает к синонимам и настойчиво повторяет «ему дан, чтоб обобщать *умом*». В тексте вообще много слов, связанных с понятием ума или его отсутствия: сознательно, глупость, идиот, ум, мнение... А зачем человеку ум? Он дан, чтоб понимать крушение, чтоб обобщать печали и чтоб иметь свое, особенное мнение...». Последняя фраза ошеломляет финальным аккордом: «При виде гибели, чужой или своей!».

Синтаксический параллелизм трех придаточных цели (строки тринадцать — пятнадцать) подчеркивает, что все возможности ума в трагической ситуации (каковой является, в сущности, вся жизнь) в равной степени бессмысленны. И горькой иронией звучат слова о том, что человек даже перед лицом собственной гибели все еще стремится иметь «свое, особенное мнение», претендуя на оригинальность суждений.

Это стихотворение вполне в духе Случевского, чье мировоззрение было в целом пессимистичным, и шире — вполне в духе эпохи неверия в свои силы, уныния и усталости.

В творчестве Случевского жизнь нередко рассматривается как процесс крайне мучительный для человека, особенно человека умного. Варианты страданий в произведениях этого автора весьма различны, в данном тексте — это гибель в «кругах водоворота», напоминающих дантовские круги ада.

Структура стихотворения «Где только крик какой раздастся иль стенанье...» — это как бы диалектическая спираль, только обращенная вниз: все со всеми повторяется, но с каждым кругом водоворота ощущения человека становятся все мучительнее. «Круженье» показано автором на всех уровнях. Обращают на себя внимание многочисленные лексические повторы и повторы частей слов (*бессильный, без права, без виновности, в бездне*), дублируются одни и те же слова в разных грамматических формах (ум — *умом*) и слова однокоренные (*крушась — крушение*). Повторяются большие группы слов, связанных с понятием ума, гибели. Повторяются образно-звуковые пятна, то состоящие из шипящих, свистящих звуков, то воспроизводящие рокот воды: «Он делает *крути* в струях водоворота, / Бессильный *выбраться* из бездны *роковой*...».

Повторяются стихи с идентичным ритмическим рисунком, сходные синтаксические конструкции (равноправные придаточные, параллельные полустихия, группы альтернативных рядов). Но особенно отчетливо «кружение» показано на уровне рифмы.

Четные строки первой строфы рифмуются с четными строками третьей, четные строки второй строфы — с четными строками четвертой. Созвучны и нечетные строки второй и четвертой строф: *утешенье — творенье — крушение — мнение*. Обратим внимание на то, что все эти слова имеют ударный гласный «е», а в первой и третьей строфах слова, вынесенные в рифму, имеют ударный гласный «о». Исключение составляет лишь одна значимая рифмопара: *стенанье — призванье*.

Любопытна и семантика рифм. Рифмы делятся на две группы, соответствующие двум основным мотивам произведения. Так, в «вертикальном контексте» прочитывается мысль о том, что призвание человека заключается в стремлении помочь и своему, и чужому. Другая же мысль, читающаяся на рифменном уровне, связана с темой гибели, ощущениями безнадежности и неверия в человеческие силы.

В данном тексте можно увидеть многие особенности поэтического «голоса» Случевского, которые шокировали его современников, например, Надсона, который утверждал, что поэт регрессирует с каждой написанной им строкой.

Однако все эти «недостатки» (повторы и тавтология, случаи нарушения грамматики, режущие ухо «прозаизмы» на фоне романтической лексики и так далее) были сознательными попытками найти новую «форму» поэзии, которая смогла бы выразить дисгармонию души, трагичность мироощущения человека конца XIX столетия. Случевский, как и Н. Некрасов, искал «стиль, отвечающий теме». Декларативно относя себя к противникам демократического лагеря, он не находил понимания и в среде «чистых лириков» и был вполне оценен только новаторами Серебряного века.

Литература

1. Брюсов В. Поэт противоречий. (К.К. Случевский). «Весы» // 1904. № 10.
2. Ильин В. Пожар миров. Избранные статьи из журнала «Возрождение». М., 2009.
3. Случевский К.К. Стихотворения и поэмы. М.-Л., 1962. Далее указ. только стр.
4. Андреевский С.А. Литературные очерки. СПб., 1902. С. 448.
5. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. М., 1984. С. 168.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998.

Орнаментальная проза В.В. Розанова

© А. А. КОЖИН,

доктор филологических наук

Орнаментальная проза В.В. Розанова как новый жанр литературы «потока сознания» совмещала черты прозы, поэзии, публицистики и философии. Основой повествования являлись личность автора, жизнь его души.

Стремление к созданию высокой образности текста стилистически выразилось в способах построения монологической и диалогической речи, нарушении традиционных правил употребления языковых единиц (языковой игре), расширенном применении повтора, использовании стилистической графики, влияющей на зрительное и смысловое восприятие текста.

Ключевые слова: Розанов В.В., орнаментальная проза, русская проза, «поток сознания».

The ornamental prose of V.V. Rozanov as a new literary genre of the «stream of consciousness» combined the features of prose, poetry, journalistic and philosophy. In the basis of narration were the personality of the author, the life of his soul.

An aspiration for creation of highly figurative text stylistically manifested in the constructive manner of inner monologue and dialogue, violation of traditional norms of usage of the language (linguistic game), expansion of reduplication, application of stylistical graphics, affecting on visual and mental perception of the text.

Keywords: V.V. Rozanov, ornamental prose, Russian prose, «stream of consciousness».

В начале XX века русские писатели продолжают поиски новых изобразительных средств, которые бы сделали художественный текст ярким, образным, насыщенным смысловыми «переливами» языковых единиц.

Черты выраженной образности присутствуют в целом ряде произведений русской классической литературы XIX века (А. Бестужев-Марлинский, Н.В. Гоголь, Н.С. Лесков), но как самостоятельная разновидность орнаментальная проза сложилась в начале XX века (Е.И. Замятин, А.М. Ремизов, А. Белый).

Орнаментальная проза может быть представлена как вид «прозы с системой насыщенной образности, реализующей особый тип художественного мышления» [1]. Есть также основания говорить и об *орнаментальном поле*, представляющем собой систему языковых средств разного уровня, воссоздающих, в сравнении с традиционной художественной прозой, образность более сложного порядка.

Василий Васильевич Розанов (1856–1919) известен не только как литературный критик, публицист и философ, но также как автор прозаических сочинений нового литературного жанра, к которым обычно относят «Уединенное», «Опавшие листья», «Мимолетное», «Последние листья». Понятия «орнаментальная проза» и «орнаментальное поле» тесно связаны со стилистическими особенностями этих произведений.

После издания «Уединенного» и «Опавших листьев» Розанов явился публике в образе художника-новатора. Оригинальная форма литературного произведения объединяла прозу, поэзию, философию, публицистику на основе выраженного авторского начала: «...перед нами снова болезненно погруженный в самосозерцание русский человек» [2].

Основные направления творческой мысли Розанова были определены З.Н. Гиппиус в очерке «Два завета»: «Он наново поставил, по-новому осветил вопросы, лежащие в круге трех вопросов, — главных, которыми держится мир. Они главные потому, что касаются решительно всех и решительно всегда. Это конечно, Бог, Любовь, Смерть» [3].

«Уединенному», «Опавшим листьям», «Мимолетному», «Последним листьям» как произведениям новой жанровой и языковой формы были присущи авторский субъективизм, психологизм, нетрадиционная образность, афористичность, спонтанность и интимность повествования. Эти экстралингвистические факторы повлияли на способы языковой организации художественного текста.

Стилевое новаторство Розанова проявилось в своеобразии построения монологической речи, а также диалогов, передающих соотношение категорий автора и читателя; в нарушении традиционных правил употребления языковых единиц (языковой игре как разновидности намеренных авторских аномалий); расширенном применении повтора как средства создания дополнительной экспрессии; особом использовании синтаксических конструкций с целью формирования дополнительных смыслов;

использовании стилистической графики, влияющей как на зрительное, так и на смысловое восприятие текста.

Новый жанр, на который ориентировался Розанов, сочетал «образность художественной прозы, лирический субъективизм поэзии, тематическую актуальность публицистики и концентрацию мысли, свойственную философии. Вместо вымышленного сюжета стержнем повествования становилась личность самого автора, его душа в свете “вечных проблем”» [4].

Термин «поток сознания», использующийся для обозначения литературного жанра, отражающего сложный внутренний мир переживаний человеческой души и подсознательных ассоциаций, обычно связывают с трудом «Основание психологии» (1890) американского философа-идеалиста У. Джемса. Именно он высказал предположение о том, что сознание — это «поток», «река», в которой мысли, ощущения, внезапные ассоциации нелогично, парадоксально переплетаются. Поток сознания являет собой форму внутреннего монолога, в котором объективная связь с реальным окружающим миром завуалирована.

Если предположить, что русское понятие души соответствует западноевропейскому понятию сознания, то «Уединенное» и «Опавшие листья» Розанова как «жизнь души» можно отнести к литературе «потока сознания» [5].

Сам Розанов называл стиль (или же манеру) своего письма «рукописностью» души, отмечая, что «“рукописность” души, врожденная и неодолимая, отнюдь не своевольная, и дала мне тон “У.”, я думаю, совершенно новый за все века книгопечатания» [6. С. 74].

Жизнь души, поток авторского сознания, а, вместе с тем, и переживания автора, фиксирующего «миги бытия», обретают графический облик в повествовании, жанровые особенности которого определил сам писатель: «Шумит ветер в полночь и несет листья... Так и жизнь в быстротечном времени срывает с души нашей восклицания, вздохи, полумысли, получувства... Которые будучи звуковыми отрывками, имеют ту значительность, что “сошли” прямо с души, без переработки, без цели, без преднамеренья, — без всего постороннего... Просто, — “душа живет”... то есть “жила”, “дохнула”... С давнего времени мне эти “нечаянные восклицания” почему-то нравились. Собственно, они текут в нас непрерывно, но их не успеваешь (нет бумаги под рукой) заносить, — и они умирают. Потом ни за что не припомнишь. Однако я кое-что успевал заносить на бумагу. Записанное все накапливалось. И вот я решил эти опавшие листья собрать» [7. С. 22].

Розанов переносит на бумагу «поток» своих переживаний, замечая при этом, что процесс «самообнажения» души дается писателю не легко: «Я “издаю свою душу”, как Гершензон “издавал Пушкина”, с тем же безучастием, объективностью и библиографичностью. Как страшно: душу, живую, горячую, — прилагаю к холодному типографскому станку. Холодно

душе. А станку “ничего”. Зачем я это делаю и даже как это вообще возможно? Я думаю одолеть литературу (моя мечта)» [8].

«Розанов — это создатель нового стиля и новой формы в литературе, это предтеча француза Марселя Пруста и ирландца Джеймса Джойса, когда *словами говорит уже не разум, а сердце, даже сама душа*, — когда нельзя читать вслух или слушать автора из чужих уст, когда надо самому читать и обязательно видеть его строчки, — до того у Розанова важна каждая мелочь» [9].

В понимании Розанова творческий процесс непрерывно связан с вдохновением как состоянием, когда «душа вступает в таинственное единение с высшим, идеальным миром и когда художник проникает в суть бытия, не нарушая цельности потока жизни. Приходящие ему для отражения этого экстатического состояния слова являются даром свыше и не подлежат контролю рассудка» [10].

Розанов уточняет: «Всякое движение души у меня сопровождается *выговариванием*. И всякое выговаривание я хочу непременно *записать*. Это — инстинкт. Не из такого ли инстинкта родилась литература (письменная)? Потому что о печати не приходит мысль: и, следовательно, Гутенберг пришел “потом”» [7. С. 53].

Как замечает писатель, он никогда не задумывал «своего» «Уединенного» и «своих» «Опавших листьев», все это «поймалось» независимо от него, как бы «боком прошло» возле него, сам же автор только «взглянул, заметил и записал» [11. С. 88].

«Ухватить мелькнувшую мысль, не обыгрывая ее “для публики”, поймав ее в тот самый миг, когда она возникла, “в чем мать родила”, — вот главное устремление писателя. Только в такой предельно *интимной* форме мысль может быть и предельно искренней. И только *такая* запись позволяет понять (та же проблема *понимания*, которая доминировала в начале творческого пути Розанова) подлинную суть человека» [12].

Произведение «Уединенное» (1912) было новаторским прежде всего в жанровом отношении. Текст книги, состоявший из размышлений афористического характера, удачно сочетал элементы публицистики, художественно-лирические зарисовки, рассуждения на философские темы. Спонтанность и интимность «Уединенного» делали его похожим на личные письма или дневник, но книга таковой не являлась.

Орнаментальные тексты Розанова воплощают интимность авторского «я», позволяющего выразить самые сокровенные мысли. Глубоко личные переживания, душевные тайны выставлены на всеобщее обозрение, они обсуждаются с читателем.

Журналист А.А. Столыпин (брат премьер-министра П.А. Столыпина) так оценил своеобразие «Уединенного»: «Не знаю, хороша ли, дурна ли его книга, одно только знаю, что другой такой книги никогда никто не написал. Читать ее очень любопытно, — словно присутствуешь на хирургической операции души: автор сам себя рассекает и показывает» [13].

Вслед за «Уединенным» Розанов пишет «Опавшие листья» (1913, 1915), «Мимолетное» (1914, 1915), «Последние листья» (1916, 1917), в которых сохранены те же особенности жанра. Само название книги «Мимолетное» запечатлело стремление автора перенести на бумагу быстро летящие мгновения бытия.

Розанов ввел в художественный текст подсознательное, не видимое внешне, форма повествования напоминала дневниковые записи, нуждавшиеся в авторском разъяснении. Взгляд современников писателя на жанровую принадлежность «Уединенного» и «Опавших листьев» к исповедальной литературе или дневнику не был для Розанова откровением, сам же он не соглашался с такой точкой зрения: «Я вовсе не всякую мысль, которая мелькнула, записываю. Вышла бы каша, “плеть” и *в целом бестолковица*. Таково и есть большинство собраний афоризмов, “подобранных авторами”, с которыми “Уед.” и “Оп.л.” не имеют ничего общего по происхождению. Уже потому, что и в “Уед.” и в “Оп.л.” есть “мелочи недостойные печати” и которых ни один автор не занес бы в книгу. Спрятал, бросил» [11. С. 87].

Хотя подневные записи Розанова и напоминают дневник, их нельзя причислить к традиционным разновидностям исповедально-мемуарных текстов.

В этих записях заключена изменчивость художественного мира творческой личности, выражено стремление к фиксации каждого мига авторского «я», просматривается установка на выражение «всего себя»: «Собственно мы *хорошо знаем* — единственно себя. О всем прочем — догадываемся, спрашиваем. Но если единственная “открывавшаяся действительность” есть “я”, то очевидно и рассказывай об “я” (если сумеешь и сможешь). Очень просто произошло “Уед.”» [6. С. 203].

Розанов стремился обогатить художественный текст мелкими деталями: «У меня есть какой-то фетишизм мелочей. Мелочи суть мои “боги”» [Там же. С. 238]. Писатель сам признавался в том, что «ввел в литературу самое мелочное, мимолетное, невидимые движения души, паутинки быта. Но вообразить, что это было возможно потому, что “я захотел”, никак нельзя» [Там же. С. 246].

Розанов полагал, что жизнь в ее мелких будничных чертах не беднее «самого высокого художества». Он считал также, что все мелочи имеют скрытое значение, их надо беречь для истории, поскольку именно мелочи способны воссоздать ушедшую эпоху.

«Вещи, принадлежащие Ф.М. Достоевскому и его матери — дают обстановку его писательской деятельности в бытовой жизни. Тут и крупное и мелочи, до красного кожаного портсигара, вставочки для перьев и коробки обычно им покупаемых перьев, обычно куримых папирос и т.д.»

Мелочи «воскрешают подлинного человека с его мельчайшими тенями, полутенями и даже бестонностью» [14].

Как отмечал А. Белый, «в углублении любой житейской мелочи до ее символического смысла видит Розанов свою миссию... Он опрокидывает на нас поток мелких бытовых черточек; его мысль тонет в потоке черточек, сверкает миллионами живых проявлений. Как бесплотный солнечный луч, она сверкает в тысячах живых капельках росы; в этом умении бесконечно варьировать свою тему все богатство Розанова» [15].

В подневных записях Розанова проскальзывают также мелочи его «душевного мира»: «...а все-таки “мелочной лавочки” из души не вытрешь: все какие-то досады, гнев, самолюбие; — и грош им цена, и минута времени; а есть, сидят, и не умеешь не допустить в душу» [6. С. 209].

Текстам писателя, относящимся к литературе *потока сознания*, свойственна диалогизированность. Порой монологическое авторское повествование может быть воспринято читателем как диалог: «Больше любви; больше любви, дайте любви. Я задыхаюсь в холоде. У, как везде холодно» [Там же. С. 152].

Диалоги заметны и в облике «голосов» рождающейся мысли; такие «голоса» напоминают своеобразные беседы в мире авторского «я»: «Глупа ли моя жизнь? Во всяком случае не очень умна» [Там же. С. 238]; «А не противен ли я *сам* — вечной занятостью *самим*? Счастливый — вот кто вечно думает о *других*. Я — никогда. Убивающий в душе своей другого (не думающий о другом) не есть ли я Каин? Я вечно думаю о себе и грехе своем. И Бог всегда около меня» [16].

Прозу писателя отличает вариативность композиционно-речевых структур: это авторский монолог, диалог автора с самим собой, с читателем, с другими лицами (например, с потенциальными оппонентами).

Иной раз сам автор предстает многоликим: каждый авторский «лик» имеет свой голос, передающий взгляд на мир, на происходящее, отражающий осмысление писателем самого себя, понимание своего места в жизни: «Качается, качается море... Море — Розанов. Я — щупленький: но — знаете: во мне Море. Я — некрасивый: но некрасивый-то и есть Пигмалион. А разве Пигмалион — не море? Желания его — шире моря. Не “во мне” суть. А суть в “что я люблю”. А я люблю весь мир. Ergo: во мне — мир. И все так устроилось, будто я родил мир. Родил. И отошел. И я “издали” люблю его» [11. С. 85].

Форма диалога автора с самим собой, с воображаемыми оппонентами может быть использована для создания сатирической зарисовки, заведомо нарушающей общепринятые традиции изображения некоторых обрядов. В такой манере представлены, в частности, воображаемые похороны самого Розанова. Образная зарисовка построена на обыгрывании незначительной детали — покойнику «хочется курить»: «Как-то везут гроб с позументами и толпа шагает через мокрое и цветочки, упавшие с колесницы <...>. И я, объезжая на извозчике, <...> думал: так-то вот повезут Вас. Вас-ча <...>. Знаю по собственному опыту, что

именно на похоронах хочется до окаянства курить... <...> Несите, несите, братцы: что делать — помер. Сказано: “не жизнь, а жисть”. Не трясите очень. Впрочем, не смущайтесь, если и тряхнете. Всю жизнь трясло. Покурил бы, да неудобно: официальное положение. Покойник в гробу должен быть “руки по швам”. Я всю жизнь “руки по швам” (черт знает перед кем). Закапывайте, пожалуйста, поскорее и убирайтесь к черту с вашей официальностью. Непременно в земле скомкаю саван и колено выставлю вперед. Скажут: “Иди на страшный суд”. Я скажу: “Не пойду”. — “Страшно?” — “Ничего не страшно, а просто не хочу идти. Я хочу курить. Дайте адского уголька зажечь папироску”. — “У вас Стамболи”. — “Стамболи”. — “Здесь больше употребляют Асмолова. Национальное» [7. С. 96-98].

В тексте нет «высокой» лексики, традиционно сопутствующей погребальной теме, употреблены просторечные слова (*братец, помереть, жисть*), разговорная и просторечная фразеология (*до окаянства, руки по швам, черт знает, убирайтесь к черту*), разговорные синтаксические конструкции.

Диалоги, отражающие отношения между автором и читателем, подвержены изменениям. Автор, которому читатель изначально представляется достаточно далеким и условным, постепенно склоняется к дружеским, доверительным и откровенным отношениям с ним, вот почему тональность диалогов приобретает оттенки особой доверительности, интимности и убедительности. В соответствии с этим меняются и словесные ряды, выражающие отношение автора к читателю: *не церемонюсь я с тобой; он разинет рот; он имеет вид осла перед тем, как зареветь; ну его к Богу; мне «читателя» не нужно и «мнения» его не нужно; те, «которые мои» — пусть дадут мне одну любовь свою, мысленно всегда будут со мною и около меня; А нежность вся хороша. Ее одну и возьмет читатель; А ты, читатель, — мне родной. Так и будем родниться.*

В «Уединенном» мнение читателя для автора не так уж и важно: «Ах, добрый читатель, я уже давно пишу “без читателя”, — просто потому что нравится. <...> и не буду ни плакать ни сердиться, если читатель, ошибкой купивший книгу, бросит ее в корзину. <...> Ну, читатель не церемонюсь я с тобой, — можешь и ты не церемониться со мной. <...> С читателем гораздо скучнее, чем одному. Он разинет рот и ждет, что ты ему положишь? В таком случае он имеет вид осла перед тем, как зареветь. Зрелище не из прекрасных... Ну его к Богу... Пишу для каких-то “неведомых друзей” и хоть “ни для кого”...» [7. С. 20–21].

Сам автор утверждает, что пишет только для заработка: «А для чего иметь “друга читателя”? Пишу ли я “для читателя”? Нет, пишешь для себя.

— Зачем же печатаете?

— Деньги дают...

Субъективное совпало с внешним обстоятельством. Так происходит литература. И только» [Там же. С. 78].

Писатель склонен даже противопоставить читателя и его мнение свободе творчества, свободе души автора: «К 57 годам я достиг свободы книгопечатания. <...> Книжки мои, — не знаю, *через кого*, как — быстро раскупаются сейчас по выходе в нескольких сотнях экземпляров и в течение 2-х лет (срок типографских счетов, по условию) окупают сполна все. И теперь мне “читателя” не нужно и “мнения” его не нужно. Я печатаю, что хочу — душа моя свободна» [6. С. 216].

В «Последних листьях» автор уже не только думает о читателе, но ищет его любви: «Я не хотел бы читателя, который меня “уважает”. И который думал бы, что я талант (да я и не талант). Нет. Нет. Нет. Не этого, другого. Я хочу любви. Пусть он не соглашается ни с одной моей мыслью (“все равно”). Думает, что я постоянно ошибаюсь. Что я враль (даже). Но он для меня *не существует вовсе*, если он меня *безумно не любит*» [11. С. 19].

Автор прежде всего ориентируется на «своего читателя», который ему душевно близок: «те, “которые мои” — пусть дадут мне одну любовь свою, но полную: т.е. мысленно всегда будут *со мною и около меня*» [Там же].

Но проходит какое-то время, и вот уже на автора летят «опавшие листья» — с читателей: «И сколько отрады они несут мне. За что? А я думал разве “за что”, даря “кому-то”, неизвестному, с себя “опавшие листья”? <...> И как рад я, чувствуя, как коснулся лица листок с чужого далекого дерева. И они дали мне жизнь, эти чужие листья. Чужие? Нет. Мои. Свои. Они вошли в мою душу. Поистине, это зерна. В моей душе они не лежат, а растут» [Там же. С. 35].

Настает время лирического диалога: если читатель внутренне родной, то для чего споры? Такому читателю автор передаст лишь нежность, он унежит его душу: «А нежность вся хороша. Ее одну и возьмет читатель. Я унежил душу его. А он будет нежить мир. Так, читатель — будем нежить мир. <...> Мы не будем вовсе ни о чем спорить. Мы оставляем мысли другим. <...> я “уроднился” с миром: и вот читатель чувствует, что я ему — тоже “родной”. А ты, читатель, — мне родной. Так и будем родниться. Спорить не будем — а будем родниться» [Там же. С. 88–89].

Автор, заботясь о «родном» читателе, на время меняется с ним местами, чтобы определить недостатки, мешающие восприятию художественного текста: «Я сам чувствую, что в “Оп.л.” есть что-то наркотическое. Что их нельзя читать много. Становится удушливо. “Читателю душно”. И оттого, что он “хочет сам жить”. <...> Отчего происходит эта удушливость? Читатель, я чувствую, чувствует себя “задушенным”, “захваченным”: ибо ведь в каждый момент написания отрывка сам автор был “задушен” и “захвачен” этим своим “мгновением”. Сумма таких “задушенностей” автора и передается читателю. <...> В каждый отрывок вошла концентрация моей души. Не то, что душа “пролетела” и “сказала”, а “сгустилась” и упала “каплей”. <...> И все это слишком густо, и все это слишком вязко и неудобно для читателя. Это я сам чувствую» [Там же. С. 198].

Литература

1. Новиков Л.А. Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого. М., 1990. С. 32.
2. Лоуренс Д.Г. «Уединенное» В.В. Розанова // В.В. Розанов: pro et contra. Антология. СПб., 1995. Т. II. С. 491.
3. Гиппиус З.Н. Два завета // Гиппиус З.Н. Чего не было и что было. Неизвестная проза (1926–1930 гг.) СПб., 2002. С. 391.
4. Фатеев В.А. В.В. Розанов. Жизнь. Творчество. Личность. Л., 1991. С. 46; 148.
5. Сукач В.Г. Загадки личности Розанова // Розанов В.В. О себе и жизни своей / Сост., предисловие, комментарий В.Г. Сукача. М., 1990. С. 719.
6. Розанов В.В. Опавшие листья // Опавшие листья: Лирико-философские записки. М., 1992.
7. Розанов В.В. Уединенное // Опавшие листья: Лирико-философские записки. М., 1992.
8. Розанов В.В. Собр. соч. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1994. Т. 2. Мимолетное. 1915 год. Черный огонь. Апокалипсис нашего времени. С. 263.
9. Спасовский М.М. В.В. Розанов в литературе русского зарубежья // Настоящая магия слова. СПб., 2007. С. 15.
10. Фатеев В.А. Вдохновение // Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А.Н. Николюкин. М., 2008. Ст. 1310.
11. Розанов В.В. Собр. соч. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2000. Т. 11. Последние листья. 1916 год. Последние листья. 1917 год.
12. Федякин С.Р. Жанр, открытый В.В. Розановым // Собр. соч. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1997. Т. 8. Когда начальство ушло... Мимолетное. 1914 год. С. 597.
13. Новое время: Ежедневная политическая и литературная газета. Петербург, 1912. 16 мая.
14. Розанов В.В. Собр. соч. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2003. Т. 16. Около народной души. С. 81, 388.
15. Белый А. Отцы и дети русского символизма // В.В. Розанов: pro et contra. Антология. СПб., 1995. Т. II. С. 79.
16. Розанов В.В. Собр. соч. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1997. Т. 8. Когда начальство ушло... Мимолетное. 1914 год. С. 357.

Продолжение следует
Москва

«Соловьями наш край знаменит...»

© М.А. БОБУНОВА,
доктор филологических наук

В статье говорится об образе соловья в поэзии курских авторов. На примере стихотворений А. Фета, Н. Асеева и Л. Шелест показано, что существительное *соловей* и производные от него могут использоваться для передачи местного колорита.

Ключевые слова: соловей, местный колорит, Курск.

The article describes the image of nightingale presented in the poetry of writers from Kursk. The noun *соловей* [solovey/ nightingale] and its derivatives can transmit the local identity which is illustrated by examples of poetry by A. Fet, N. Aseev, L. Shelest.

Keywords: nightingale, local identity, Kursk.

Курск известен своей магнитной аномалией, антоновскими яблоками и, конечно же, соловьями. Хотя соловей 'маленькая перелетная птица сем. дроздовых, с серовато-бурым оперением, отличающаяся красивым пением' [1] обитает в разных местах, всеобщее признание получили курские соловьи, прославившиеся особой манерой пения, в котором насчитывается от 8 до 24 колен. Неслучайно в словарной статье СОЛОВЕЙ лингвострановедческого словаря «Россия» приводится такая информация: «Соловьиные трели считаются в России самым красивым птичьим пением. Особенно знамениты соловьи, живущие возле города Курска. Если русские о певце скажут, что он *поет как курский соловей*, это значит, что ему сделали комплимент» [2].

Знаменитые курские соловьи неоднократно упоминались разными писателями XIX и XX вв. (П.И. Мельников-Печерский, Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев; В.П. Астафьев, Ю.М. Нагибин и др.). В частности, К.Г. Паустовский в автобиографической «Повести о жизни» так тепло написал о Курске: «Весной мы были в высоком Курске, как бы завешанном до крыш горами только что распутившихся веток. Знаменитые курские соловьи щелкали, прислушиваясь к самим себе, в сырых рощах. Ленивая и холодная речонка Тускарь текла в мелких берегах, заросших желтыми

калужницами. Станный город Курск. Его любят многие, даже никогда в нем не бывшие. Потому что Курск — это преддверие юга».

Безусловно, уникальное соловьиное пение, такое естественное для мая—июня в курском крае, не могло остаться незамеченным мастерами пера, чья биография так или иначе была связана с курской землей. А.А. Фет, родившийся в Орловской губернии, но в 1877 г. купивший имение Воробьевку в живописном месте недалеко от Коренной пустыни, где жил ежегодно с марта по октябрь, всегда восхищался пением этой маленькой незаметной птички. Н.Н. Страхов в биографическом очерке о Фете так писал о курской усадьбе поэта: «Деревня Воробьевка стоит на левом, луговом берегу реки, а господская усадьба на правом берегу, очень высоком. <...> Множество соловьев, грачи и цапли, гнездящиеся в саду, цветники, разбитые по скату к реке, фонтан, устроенный в самом низу против балкона, — все это отразилось в стихах владельца, писанных в этот последний период его жизни» [3].

В моем саду, в тени густых аллей,
Поет в ночи влюбленный соловей,
И, позлащен июньскою луной,

Шумит фонтан холодною волной,
Кругом росой увлажнены цветы,—
Пойдем туда вкушать восторг мечты! [4. Мой сад].

Исследователи давно обратили внимание на то, что образ соловья, очень популярный в русской поэзии в целом, был излюбленным образом в стихах Фета, особым знаком его творчества, что было подмечено и современниками поэта, и фетоведами, и пародистами (см., например: [5; 6].

Так, А.М. Ранчин в «Путеводителе по поэзии А.А. Фета» пишет: «Хотя фетовский мир флоры и фауны (в том числе птиц) весьма богат в сравнении с миром русской лирики более раннего периода и поэтов — его современников, поэзия автора “Шепота, робкого дыхания...” заселена этой птицей очень густо» [7]. Исследователь приводит примеры из стихотворений Я.П. Полонского и Д.С. Самойлова, строящихся на параллели «соловьи — Фет», и ссылается на пародию И.И. Панаева «Nocturno» («Ноктюрн»), в которой упоминаются любимые фетовские образы и наиболее частотные слова: соловей, ночь, лунный свет, трепет. Весьма характерным оказывается и приведенный в работе А.М. Ранчина фрагмент из письма А. Фета, где поэт признается: «Давным-давно я внутренне покаялся, и как ни соблазнительно бывает подчас голос соловья для человека, воспевающего весну, я в последнее время употреблял все усилия оберегать эту птицу в стихах из страха впасть в рутину».

В стихах Фета нет конкретных указаний на территориальную принадлежность соловья, который часто становится определенным символом

красоты пения, вестником любви и весны. Однако рисуемые Фетом пейзажи, такие знакомые глазу любого курянина, позволяют предположить, что именно курский соловей не раз вдохновлял поэта.

Кричат перепела, трещат коростели,
Ночные бабочки взлетели,
И поздних соловьев над речкою вдали
Звучат порывистые трели [«Кричат перепела, трещат
коростели...»].

Во многих стихах А. Фета соловей не абстрактная сладкоголосая птица, а живое существо со своими повадками и особенностями пения, состоящего из самых разных элементов, среди которых и свист, и рокот, и щелканье, и взвизгивание, и раскаты, и «рассыпчатый клич».

Там бархат степи зеленой,
И, верно, чуя, что просторней,—
Смелей, и слаще, и задорней
Весенний свищет соловей [Тургеневу].

Известно, что соловьи могут петь и утром, и днем, и вечером, но лучший «репертуар» они исполняют в темное время суток (от вечерней до утренней зари): «Что за вечер! А ручей / Так и рвется. / Как зарей-то соловей / Раздается!» [«Что за вечер! А ручей...»]; «Чем тоске, и не знаю, помочь; / Грудь прохлады свежительной ищет, / Окна настезь, уснуть мне невмочь, / А в саду над ручьем во всю ночь / Соловей разливается-свищет [«Чем тоске, и не знаю, помочь...»].

Обычно осторожные и пугливые, не подпускающие к себе людей, соловьи теряют бдительность, когда начинают петь, и эта особенность тоже подмечена поэтом: «И видели мы средь ветвей, / Еще не укрытых листьями, / Как, глазки закрыв, соловей / Блаженствовал в песне над нами [«Ты помнишь, что было тогда ...»].

Как видим, Фет сумел не только уловить отличительные черты этой певчей птицы, но и отразить их в незабываемых поэтических строчках, в которых нередко используется эпитет *яркий* (*ярко*): *яркий посвист соловьиный; живая трель ярка у соловья; поет и ярко так и страстно* [Курсив здесь и далее наш. — М.Б.]. И банальный, по мнению многих исследователей, образ соловья в стихах Фета оказывается живым и выразительным, отражающим и подчеркивающим местный колорит. Не случайно в усадьбе Фета в рамках проекта «Ночь в музее» становится традиционным проведение «Соловьиной ночи», когда под живой аккомпанемент пернатых хозяев парка звучат стихи замечательного русского поэта.

Н.Н. Асеев (1899–1963), проведший детство и юность в Курской губернии, тоже неоднократно обращался к образу соловья. И если в цикле «Стальной соловей» эта птица становится определенным символом

противопоставления машинного мира живой природе, то в цикле «Курские края» она живой атрибут курских садов и лесов:

Соловьями наш край знаменит,
он не знает безделья и скуки,
он, должно быть, и кровь пламенит,
и хрустальными делает звуки [8. Детство].

Асеев никогда не забывал свой родной край, славящийся соловьиным пением, особенности которого он наглядно изобразил в стихотворении «Детство»: «Вот таков же и город Льгов, / инде звавшийся Ольгов-градом, / жил среди полей и лугов / отраженным губернским складом. / Через Сейм — деревянный мост, / место праздничных поздних гуляний; / соловьиный передний пост / на ракитовой лунной поляне; / а за ним, меж дубов, у ворот / Князь-Барятинского парка, / их насеяно невпроворот, / так что небу становится жарко. / Тут и там, и правой и левой, / в семь колен рассыпаются лих, — / соловей, соловей, соловей, / лишь внимать поспевай соловья!».

Усадьба князей Барятинских (Марьино), замечательный образец дворцово-паркового искусства начала XIX века, расположена недалеко от города Льгова — места рождения поэта, о котором он всегда с теплом вспоминал. Н. Асеев считал детские впечатления самыми сильными впечатлениями, навсегда остающимися в сердце и памяти человека («О, республика детских лет, / государство, великое в малом! / Ты навек оставляешь след / отшумевшим своим снеготалом» [Город Курск]), поэтому он с полным правом мог утверждать, что живой соловей поет «с таким великим чувством, / что никаким не воссоздать искусством!» [К другу стихотворцу].

Певчий талант курского соловья вдохновлял и Лидию Шелест (1916–1986), поэтессу с нелегкой личной и творческой судьбой. В 2012 г. вышел сборник ее стихотворений и поэм «Прислушайся к сердцу...» [9]. В стихах Л. Шелест, известной не только на курской земле, отразилась сложная и противоречивая эпоха 30–70 годов XX столетия. Она писала о малой родине, о природе, о родной земле, о любви к человеку. Ее стихи, такие естественные и понятные, содержат много региональных черточек, позволяющих узнать знакомые места: курские реки, улицы, площади, парки, сады, в которых обязательно есть соловьи.

Возьмите конверт... Вот мой адрес:
Причал соловьев по весне,
Дмитрова, 12. Я рада,
Что письма доходят ко мне [С. 393].

Курские соловьи делают город уникальным, выделяя его из сотен других: «А что ни город, говорят, то норы, / Но тут уже помогут соловьи. /

Они поют росистыми ночами, / Без них, без курских, нам не обойтись [С. 198].

В поэзии Л. Шелест слышатся раскаты, гром, звон, трель и россыпь соловьиной песни. Курские сады осыпают слушателей соловьиным пением, которое отличается виртуозными пассажами и мелизмами.

«Рулады соловья — особая статья, / То — лирика, парад весны, тревога...» [С. 311].

В разных стихах Л. Шелест, большую часть жизни прожившей в городе Курске, рисуется привычная для ее земляков картина зеленого соловьиного края. Соловей, по мнению поэта, был и будет на этой земле, несмотря ни на что: «Город наш меняется, растет, / Умирают травы под асфальтом, / А в саду все также он поет, / Соловей-соловушка наш, альтом» [С. 343]; «Нас не будет... А деревья, / Как и прежде, развернутся. / Соловьи осыпят трелью, / И ромашки улыбнутся» [С. 363].

Высокая частотность существительного *соловей* и производных наименований (*соловушка, соловьята, соловьиный*) говорит о том, что это одно из важных для Л. Шелест понятий, из которых складывается представление о малой родине. Курская «прописка» соловья подтверждается синтагматическими связями слов и поэтическими контекстами: «Вдруг на курской земле / Соловьи зазвенели...» [С. 166]; «Мне бы петь с утра / С соловьями курскими...» [С. 223]; «Соловьи счастливые запели, / Курские запели б нам с тобой» [С. 209]; «Соловьи уж давно улетели, / Тишина в наших курских садах» [С. 382]; «Пожелание это, / Что дороже всех слов, / Посылаю с приветом / Ото всех соловьев. / Что под Курском гремели / И поныне гремят...» [С. 256]; «Но будто мир наш так уж тесен? / Вот — Курск зеленый... соловьи...» [С. 299]; «Жила-была девочка Ната / У нас в соловьином краю...» [С. 160]; «С тобой расстался я в дни крутые, / Мой соловьиный, зеленый край» [С. 199]; «Вот и снова весна в наших курских садах, / В наших курских садах соловьиных» [С. 226].

Для Л. Шелест соловей — это символ мирной жизни. В тяжелую военную годину соловьев не было слышно: «И соловьи совсем не пели / В те ночи чёрные — в саду... / Но нынче праздник — лучший в свете! / Гремит на площади салют!.. / И воздух твой — прозрачно светел... / И... соловьи в садах поют!» [С. 299].

Безусловно, соловей — это не только гордость Курска, но и гордость России в целом: «Соловей, соловей! Ты — наш лауреат... / Хоть земляк, а хотя и не курский! / Ты всегда и везде своей славой богат, / Как леса и сады наши — русский!» [С. 139]. Пение соловья — это то, что, по мнению Л. Шелест, наряду с ароматами трав, цветов и земли, может удивить не только человека: «Пройдут года... Но сколько, я не знаю. / Из космоса к нам гости прилетят, / Услышат пенье соловья..., замрут, / Вдохнув земли тревожный аромат, / И ландыши пришельцев очаруют, / И травы ароматом напоят» [С. 195]. И жизнеутверждающе звучат строки: «Не потому

ли так прекрасна жизнь: / С грозой, с дождями, с соловьиным пением...» [С. 410].

Соловей – это поистине живой символ, визитная карточка Курской области, где есть памятник соловью и где в 2007 г. был открыт единственный в мире музей соловья. Современные курские авторы в стихах о родном крае тоже не могут обойтись без упоминания этой маленькой птички, для описания которой они ищут свои неповторимые эпитеты. И хочется верить, что соловей еще много веков будет очаровывать слушателей своим пением и вдохновлять поэтов на создание уникальных образов.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000. С. 1233.
2. Россия. Большой лингвострановедческий словарь. М., 2008. С. 537.
3. *Фет А.* Письма. [Электронный ресурс]. URL: <http://lit-classic.ru/index.php?fid=1&sid=14&tid=511> (дата обращения: 10.09.2017).
4. *Фет А.А.* Полное собрание стихотворений [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alshar.ru/kollektsiya/kurim/polnoe-sobranie-stihotvoreniy.html> (дата обращения: 15.08.2017). Далее указ. только названия.
5. *Ходасевич В.* Книга о Фете [Электронный ресурс]. URL: <http://hodasevich.lit-info.ru/hodasevich/kritika/hodasevich/kniga-o-fete.htm> (дата обращения: 10.09.2017).
6. *Бухштаб Б.Я.* А.А. Фет. Очерк жизни и творчества. М., 1994.
7. *Ранчин А.М.* Путеводитель по поэзии А.А. Фета [Электронный ресурс]. URL: <https://profilib.com/chtenie/122862/andrey-ranchin-putevoditel-po-poezii-a-a-feta.php> (дата обращения: 25.09.2017).
8. *Асеев Н.Н.* Избранное [Электронный ресурс]. URL: <http://gorenka.org/index.php/aseev-n-n/6094-aseev-n-n-izbrannoe?showall=&limitstart=> (дата обращения: 19.09.2017). Далее указ. только назв.
9. *Шелест Л.А.* Прислушайся к сердцу...: стихотворения, поэмы. Курск. 2012. Далее указ. только стр.

Курский государственный университет

Семантика и узус имен прилагательных со значением цвета

© Е. А. СМЕРНОВА,
кандидат филологических наук

В статье рассматриваются такие важные аспекты изучения лексического множества прилагательных-цветообозначений, как этапы его формирования, внутренняя организация, качество и свойства составляющих его единиц.

Ключевые слова: имена прилагательные, цветообозначения, Русский семантический словарь.

The article deals with the crucial aspects of the lexical variety of color terms, its formation, internal organization, quality and properties of the composition of its units.

Keywords: *adjectives, color terms, The Russian Semantic Dictionary.*

I. Введение в общую проблему.

Тема данной статьи входит в общую проблематику исследования принципов внутренней организации и функционирования лексической системы имен прилагательных как особой части речи.

В рамках проводимого коллективом авторов под руководством член-корр. РАН Ю.Л. Воротникова исследования типологических форм существования лексико-семантической системы в статье на материале русских прилагательных-цветообозначений рассмотрен ряд важных для решения данной проблемы характеристик функционально-семантических единиц русского языка: этапы его формирования, внутренняя организация множества, качество и свойства составляющих его единиц. Прилагательные со значением цвета имеют длительную историю своего изучения. Новым и важным в решении поставленной в статье задачи является анализ языковых явлений, демонстрирующих внутреннее единство и целостность семантической системы.

В связи с изучением современной русской лексики как сложной исторически сложившейся естественной системы, имеющей иерархическую инклюзивно-ступенчатую структуру, нисходящую от вершины к основанию [1], встает вопрос о типологии тех лексико-семантических рядов, которые выделяются на последних ступенях разбиения лексики и о тех собственно языковых характеристиках, которые могут быть положены в основу такой типологии. К числу

таких признаков относятся качественные, оценочные и стилистические характеристики, которые дополняют и «расщепчивают» семантическое ядро, или инвариант.

II. Характеристика значений изучаемых единиц, их типология, особенности функционирования.

В данной статье анализируются как прилагательные, именующие основные цвета, так и оттенки. Под основными подразумеваются «основные цвето-наименования» (basic color terms), по теории Берлина-Кея [2]. Ее авторы утверждают, что существует семь ступеней развития цветовой терминологии, и, следуя данной теории, более поздняя стадия включает в себя все предыдущие. На первой стадии в языке есть только два цветообозначения — *черный* и *белый* цвета (включая светлые и темные оттенки), на второй стадии добавляется *красный* цвет, далее — по одному цвету соответственно стадии — *синий*, *зеленый* и *желтый*, седьмым словом (шестая стадия) всегда будет *коричневый* цвет, а высшая седьмая стадия представлена сразу четырьмя цветообозначениями — *розовый*, *оранжевый*, *фиолетовый* и *серый*. Все развитые индоевропейские языки находятся на седьмой стадии.

До появления теории Берлина-Кея изложение истории и развития слов-цветообозначений носило чисто описательный характер: «Вначале цвет передается в языке опосредованно, путем указания на цвет соответствующих распространенных предметов или объектов природы: “как молоко”, “как снег” (*белый*), “как сажа” (*черный*), “как кровь” (*красный*) и т.д. Затем появляются абстрактные слова специально для обозначения цвета (*белый*, *черный*, *красный*). Некоторые из них становятся названиями основных категорий, на которые делится цветовое пространство в данной культурно-языковой общности людей (те самые “основные цветоименования”). Параллельно с процессом развития основных терминов в языке появляются слова, передающие оттенки цвета. Число этих слов напрямую связано с уровнем цивилизованности общества» [3]. Следующим этапом в языке является адаптация новых слов-цветообозначений: базовые цвета, по теории Берлина-Кея, должны обладать широкой сочетаемостью, в ином случае язык порождает лексически связанные сочетания, сравн. прилагательное *бурый*. Е.В. Рахилина так описывает возникающую конкуренцию между «новыми» и «старыми» цветообозначениями: «... Новые прилагательные цвета постепенно адаптируются к уже существующей в языке системе базовых цветов и начинают в нее встраиваться, теряя связь с предметом-источником (*салат* для *салатового*, *бордо* для *бордового*, *корица* для *коричневый* и под.) и приобретая новую прототипическую семантику. Сначала “сильное” цветообозначение начинает конкурировать с имеющимися прилагательными сходных оттенков и вытесняет их из зоны артефактов. Затем наступает период “мирного сосуществования”,

когда “старый цвет” противопоставлен “новому” по зоне действия: старый остается естественным для природных объектов, а новый — для артефактов. Это случай русских *бурый* и *рыжий*, а также *лазоревый*, с одной стороны (они довольно прочно удерживают свои позиции в природной зоне) и *коричневый*, *фиолетовый*, *оранжевый* (применяемых прежде всего к артефактам) — с другой. <...> В дальнейшем (и это происходит на наших глазах) какие-то из “новых” — имеющие, как *коричневый*, прямые корреляты среди более древних цветообозначений (ср. *бурый*), полностью вытесняют своих предшественников из системы и занимают их место. *Бурый* в этом случае ждет роль связанной лексемы, которая на время останется в одном-двух культурно-значимых контекстах (прежде всего, конечно, *бурый медведь*). А с другими, не имеющими непосредственных конкурентов в старой системе (ср. *фиолетовый*) — случится то же, что в свое время случилось с прилагательным *голубой*: “завоевав” природные объекты, эти цвета получат возможность пополнить базовую систему новыми оттенками» [4].

Исторически система цветообозначений в русском языке, ввиду специфики древнерусской литературы, представлена небольшим материалом. В памятниках XI—XIII веков слова-цветообозначения встречаются редко и, как правило, это основные цвета: *белый*, *черный*, *красный*, реже — *синий*, *желтый*, *зеленый*. «В большинстве оригинальных памятников употребляются только названия “белого”, “черного”, “красного” цветов» [5]. Лексико-семантическая группа цветообозначений (для основных цветов) сформировалась к концу XVII века, «не оформились лишь группы смешанных цветов: *коричневый*, *оранжевый*, *фиолетовый*» [6. С. 266]. «В XVIII веке появляются новые цветообозначения для смешанного красно-синего цвета и оформляется группа фиолетового цвета» [Там же]. Прилагательное *красный* окончательно выявляется как абстрактное цветообозначение в XVII веке, все остальные цветообозначения этой группы уходят каждый в свою сферу: *багряный* только книжное, только для обозначения яркого, красного цвета, главным образом в пейзаже, *багровый* — или для цвета лица, или в пейзаже для названия цвета с особым экспрессивным оттенком» [Там же. С. 267] и т.д. В этот же период претерпевает изменения группа названий коричневого цвета: «широко употребительное цветообозначение *бурый* приобретает экспрессивную окраску и вытесняется на периферию новым цветообозначением *коричневый*» [Там же]. В ряде случаев прилагательное *бурый* называется неопределенный смешанный коричневый цвет и подчеркивает, что этот цвет не соответствует предмету из-за плохого качества, например: *бурый квас* — мутный, невыстоявшийся, *бурый кофе* — плохо сваренный, *бурый сургуч* — плохого качества и т.п. Прилагательное *оранжевый* появляется в русском языке не ранее второй половины XVIII века. Лексико-семантическая группа цветообозначений по сравнению с современным состоянием складывается по своему составу к середине XVIII века.

В памятниках XVII века фиксируется довольно большое количество слов, именующих смешанные цвета: группа серого цвета — *серый* (для этого времени абстрактное цветообозначение) и в деловых памятниках *попельный, дымчатый, мышачий, гвоздичный, дикий*; группа коричневого цвета — *смазлый, смяглый, смуглый, бурый, коричный*; группа оранжевого цвета — *рудожелтый, жаркой, померанцевый* [Там же. С. 84].

Цветообозначение *серый*, появившееся относительно поздно в русском языке, обладает тем не менее высокой продуцирующей способностью; то же можно сказать о его многочисленных оттенках.

1. Прилагательные, именующие базовые цвета, являются в языке непроеизводными.

Белый цвет в народной культуре — один из основных элементов цветовой символики, противопоставленный прежде всего *черному* и *красному* цвету. «Белый и черный цвета находятся на полярных точках цветового спектра, а их названия и символика антонимичны. Б. ц. часто представляет обобщенно ряд цветов светлых тонов, а также большую цветовую интенсивность, в то время как черный цвет обобщает черные цвета и с ним соотносится малая цветовая интенсивность или ее отсутствие <...> В символической сфере корреляция “белый” — “черный” (“светлый” — “темный”) может входить в эквивалентный ряд с парами “хороший” — “плохой”, “мужской” — “женский”, “живой” — “мертвый”, отчасти “молодой” — “немолодой” (старый), “ясный” — “хмурый” (о погоде) и т.д.» [7].

Бинарная оппозиция *белого* и *черного* отражает в языке большое количество значений внутри самих прилагательных, при этом практически отсутствуют продуцирующие оттеночные варианты, за редким исключением: *смолистый; молочный* (голубовато-белый) и *сахарный* (чисто белый). Н.Б. Бахилина полагает, что «прилагательное *сахарный* называет оттенок белого цвета с легкой голубизной (не белоснежный и не желтоватый), как почти вышедший сейчас из употребления так называемый колотый сахар» [6. С. 76]. В подтверждение того, что *сахарный* именно оттенок белого цвета, Бахилина приводит следующий пример: Мухоярь бѣлой, сахарной цвѣтъ [8]. Значение интенсивности появляется у прилагательных *белый* и *черный* с добавлением уменьшительно-ласкательных суффиксов: *белый* → *белёшенький, белёхонький* (‘очень белый’; прост. *Под снегом вся белёхонька земля*); *черный* → *чернёшенький, чернёхонький* (‘совсем черный’; прост. *Осенняя ночь чернёшенька*). По этой же словообразовательной модели изменяется прилагательное *красный*, аналогично приобретая значение интенсивности: *красный* → *краснёшенький, краснёхонький* (‘очень красный’; прост. *Полянка краснёшенька от цветов*). Максимальная белизна может передаваться в языке также словосочетаниями: *кипенно белый* (от *кипенный* — ‘белый как пена, появляющаяся при кипении’: *Кипенные облака*) и *сахарно-белый* (‘белый, как сахар, чисто-белый’).

Именуемое сложным прилагательным *черно-белый* понятие, как правило, противопоставляется в языковой картине мира цветному, то есть в языке существует семантическая оппозиция: *Черно-белый* – *цветной*. [1. С. XVII–XVIII. Здесь и далее приводится нумерация значений в соответствии с источниками, указанными в Предисловии к РСС]: **Черно-белый.** О фотографии, кинофильме, телефильме: не цветной, не в цвете. *Черно-белый фильм. Черно-белое изображение.* **Цветной.** 1. Окрашенный, имеющий какой-н. цвет или цвета (кроме черного и белого). *Цветная обложка. Цветная шаль. Цветные металлы* (в отличие от черных – железа и его сплавов). *Ц. фильм. Цветное телевидение* (не черно-белое). *Цветная фотография* (не чёрно-белая, в цвете). Данную оппозицию можно считать ограниченной: если *черно-белый* цвет не порождает своего лексического ряда, включающего номинации его оттенков просто в силу того, что таковых не существует, то *цветной*, напротив, выступает как семантическая доминанта и формирует лексико-семантический ряд, куда входят номинации, обозначающие соответствующие градации цветного: *гладкий* (5. Одноцветный, окрашенный в один цвет. *Г. шелк. Шенок г., черный*), *мутный, неопределенный, нечистый* (с примесью других цветов), *чистый* (7. *полн.ф.* О цвете, тоне: не содержащий ничего постороннего, без примесей), *однотонный, одноцветный, двухцветный, трехцветный, многоцветный, пестротканый, пестрый, радужный, разноцветный, самоцветный, бесцветный*.

Промежуточное по своей цветовой семантике прилагательное *серый* объединяет много самих оттенков данного цвета, а также демонстрирует большую продуцирующую способность последних. Серый цвет совмещает в себе всю цветовую палитру: «примесь черного, темного к белому; как следствие – большое количество передаваемых прилагательным *серый* оттенков (и соответствующих сложных прилагательных), но главных два: *избура-* и *изсиня-*: «избурасерый, буросерый: *серый волк, серый заяц, серое* (некрашеное) *сукно*; изсинясерый, голубосерый: *серые глаза, зола, пепел, серый конь*; дикий, железистый, пепельный; близкий к сивый, сизый, седой» [9. Т. IV. С. 381]. Также В.И. Даль фиксирует ныне устаревшие значения прилагательного *серый*: «*серый мужичок*, простой, грубый, рабочий, черный, лапотник» (данное значение должно было бы мигрировать в класс прилагательных, именующих социальный признак), «*серым-серёхонек, серёшенек*, вовсе серый, весь» [Там же] (это устаревшее значение попало бы в класс прилагательных со значением интенсивности, наряду с ныне употребительными *белым-белó, черным-черно́* и *красным-красно́*). Прилагательное *серый* в русском языке продуцирует глагол *сере́ть* с интерпретацией доминантного компонента *серости*. Ср. у Даля: «*небо сереет, хмурится*» (добавляется сема «портиться»: «*погода портится*»); «*платье сереет, оно посерело*, полиняло (то есть потеряло исходный цвет, испортилось)» [Там же].

Прилагательное *седой* в значении цвета (оттенок *серого*) также обладает высокой продуктивностью в языке. Толкование Даля «мешаной шерсти, с примесью белой, белёсаватой» [Там же. С. 378] применимо и к современному употреблению. А вот связанное темпоральное значение прилагательного ушло из

языка: «седой ребенок, выживший из лет старик» [Там же]. В языке сохраняется другое темпоральное значение: *седая древность, старина*. В цветовом значении сочетаемость ограничена: *седая изморось, седой иней; седой туман; седая даль*. От прилагательного *седой* образуется глагол *седеть*: «утренний туман *седет*, вернее *сидеется*, видится издала серым» [Там же] (глагольная форма *сидеется* ушла из современного употребления).

Семантически и словообразовательно связанное с *серым* прилагательное *сери-буро-малиновый* имеет значение неопределенного цвета и стилистическую помету *разг. шутл.*: *Что это на ней за платье, серо-буро-малиновое в крапинку?* (о семантике и истории этого прилагательного см.: Е.А. Смирнова [10]).

2. Лексико-семантические единицы, именующие неосновные цвета спектра, то есть цветовые оттенки, в семантической структуре соответствующего прилагательного часто не являются исходными, а продуцируются первичными значениями, относящимися к физическому классу (реже — к другим классам): **дикий** — 1. Находящийся в первобытном состоянии (о людях), некультивируемый (о растениях), неприрученный, неодомашенный (о животных). *Дикие племена. Дикая яблоня. Дикие леса. Дикая утка.* → 7. обычно *полн.ф.* Темно-серый (устар.); **жаркий** — 1. Дающий сильный жар, горячий. *Жаркие лучи. Ж. день* (знойный). *Жаркие языки пламени. Жаркая баня.* → 4. То же, что огненный (устар.); **кровавый** — 1. *полн.ф.* Содержащий кровь, с кровью. → 2. Ярко-красный, цвета крови. *Кровавая заря. Кровавые волчьи ягоды; мучнистый* — 1. Содержащий крахмал; по составу, виду похожий на муку. → 2. *перен.* Серовато-бледный. *М. цвет лица; песчаный* — 1. Содержащий песок, покрытый песком. *П. берег. Песчаная почва.* → 2. Коричневато-желтый, цвета песка; **ржавый** — 1. Покрытый ржавчиной, содержащий окислы железа. *Р. гвоздь. Ржавая крыша, подкова.* → 2. Красно-бурый, цвета ржавчины. *Ржавая селедка* (с бурыми пятнами от окисленного жира); **румяный** — 1. О цвете лица: ярко-розовый, с румянцем. *Румяные щеки, губы.* → 2. *перен.* Ярко-розовый, красный. *Р. закат. Румяные облака. Румяные яблоки* (с ярко-розовыми красными боками); **седой** — 1. О волосах, реже шерсти: белый вследствие потери окраски, а также имеющий такие волосы. *Седые виски. Седая борода. Седые пряди. С. старик. С. волк. С. как лунь* (совершенно седой). → 2. Тускло-серый. *С. туман. Седая пена моря. Седая изморось; смолистый* — 1. Содержащий смолу, покрытый смолой. *Смолистое вещество. Смолистые хвойные деревья. Смолистая кора.* → 3. Густо-черный. *Смолистые кудри.* В первом случае (прилагательное *дикий*) продуцирующее значение относится к классу прилагательных с социальным признаком, в последующих примерах развитие значений происходит внутри одного класса прилагательных, именующих физический признак. Подобные единицы часто имеют стилистические пометы *устар.* или *перен.*

Обозначения дополнительных цветов спектра синонимически связаны с номинациями основных цветов. Как известно, синонимические отношения

возникают при обозначении разной степени признака: подобные градационные отношения характерны, например, при маркировке цветовых и вкусовых признаков предмета (субъекта). Так, для более точного называния признака «язык предоставляет в распоряжение говорящего разнообразные названия оттенков основного цвета (см., например, названия оттенков красного цвета: *пунцовый, карминный, пламенный, огненный, гранатовый, коралловый, алый, пурпурный, малиновый, вишневый, багровый, бордовый* и т.п.) или различные комбинации вкусовых признаков вроде *кисло-сладкий* и под.» [11].

Данное лексическое множество располагает следующими градационными оппозициями, характеризующими цвет: *темный — светлый, теплый — холодный, яркий — тусклый, свежий — блёклый, тонкий — густой, насыщенный. Темный.* 2. Густо и неярко окрашенный, не светлый (обычно: о черном, коричневом, густо-сером, густо-бордовом, густо-синем, густо-лиловом). *Темные краски ночи. Темные волосы* (черные, каштановые). *Темная поверхность воды. Темные глаза* (черные, карие). *Темное от загара лицо; Светлый.* — 4. Слабо окрашенный (обычно: о белом, кремовом, голубом, розовом, салатном, пепельно-сером, бледно-фиолетовом). *Светлые краски утра. Светлые волосы* (белокурые, золотистые). *Светлые глаза* (голубые, серые). *Теплые* тона, близкие к свету огня (*красный, оранжевый, желтый, коричневый*), противопоставляются *холодным*, близким к цвету воды, льда, воздуха (*синий, серый, голубой, фиолетовый*).

Цветовые оттенки в художественных текстах свободно включаются в сравнения, например, в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» в описании внешности девушки: «... Полненькие щеки козачки были *свежи и ярки, как мак самого тонкого розового цвета*, когда, умывшись божьею росой, горит он, распрямляет листики и охорашивается перед только что поднявшимся солнышком; что брови *словно черные шнурочки* <...>; что волосы ее, *черные, как крылья ворона*, и мягкие, как молодой лен (тогда еще девушки наши не заплетали их в дрибушки, перебивая красивыми, ярких цветов синдячками), падали курчавыми кудрями на шитый золотом кунтуш» [12. Курсив наш. — Е.С.].

III. Стилистические характеристики.

Рассматриваемый класс прилагательных в основном состоит из стилистически нейтральных единиц, лишь единичные его члены имеют стилистическую окраску (как, например, устарелое прилагательное *ярый* — 3. золотисто-желтый). Также имеют стилистическую окраску некоторые устойчивые словосочетания и фразеологизмы, образованные от нейтральных прилагательных со значением цвета: *красным-красно́, белым-бело́, черным-черно́* (разг.). Иногда может быть стилистически окрашена одна форма, как, например, в случае с прилагательным *фиолетовый*, от которого образуется краткая форма *фиолетово* со значением оценки, мигрирующая в другой семантический класс: *Мне это фиолетово!* (то есть безразлично). Таким образом, данный лексический класс состоит из стилистически нейтральных единиц, с включением некоторого количества стилистически окрашенных слов.

Литература

1. Русский семантический словарь / Под общ. ред. акад. Н.Ю. Шведовой. Т. I–IV. М., 1998–2007.
2. *Berlin B. and Kay P.* Basic color terms, their universality and evolution. Berkeley; Los Angeles, 1969. Reprinted 1991.
3. *Василевич А.П.* Языковая картина мира. Методы исследования и прикладные аспекты. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2003. С. 12–13.
4. *Рахилина Е.В.* О семантике прилагательных цвета // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. М., 2007. С. 29–39.
5. *Норманская Ю.В.* Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. М., 2005. С. 238.
6. *Бахилина Н.Б.* История цветообозначений в русском языке. М., 1975. Далее указ. только стр.
7. *Славянские древности: Этнолингвистический словарь* / Под общ. ред. Н.И. Толстого. В 5 т. М., 1995–2012. Т. 1. С. 151.
8. Описание старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ достѣховъ и конскаго прибора, извлеченное изъ рукописей архива московской Оружейной Палаты съ объяснительнымъ указателемъ Павла Савваитова. СПб., 1865. С. 107.
9. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978–1980. Т. I–IV. Далее указ. только стр.
10. *Смирнова Е.А.* Серо-буро-малиновый в крапинку // Язык: поиски, факты, гипотезы. Сборник статей к 100-летию со дня рождения акад. Н.Ю. Шведовой. М., 2016. С. 153–175.
11. *Шрамм А.Н.* Очерки по семантике качественных прилагательных: на материале современного русского языка. Л., 1979. С. 19.
12. *Гоголь Н.В.* Вечера на хуторе близ Диканьки. М., 2011. С. 56.

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Грант № 17-29-09131(офи_м)

Спряжение односложных глаголов на *-ить* и *-уть* в русском языке

© Е.М. РУЧИМСКАЯ,
кандидат педагогических наук

Статья посвящена спряжению односложных глаголов на *-ить* и *-уть* в русском языке. Показаны разные схемы спряжения таких глаголов. Рассматриваются формы повелительного наклонения. Обращается внимание на некоторые омоформы.

Ключевые слова: русский язык, односложные глаголы на *-ить*, односложные глаголы на *-уть*, спряжение, повелительное наклонение, омоформы.

The article is devoted to conjugation of one-syllable verbs with ending *-ить* and *-уть* in Russian. Different schemes of conjugation of such verbs are shown. Forms of Imperative mood are examined. Attention is paid to some homonymous forms.

Keywords: Russian, one-syllable verbs with ending *-ить*, one-syllable verbs with ending *-уть*, conjugation, Imperative mood, homonymous forms.

В русском языке есть немногочисленная группа односложных глаголов, оканчивающихся на *-ить* и *-уть*. Спрягаются они по-разному. Призыв на помощь этимологию, мы можем найти этому объяснение. Однако мы будем рассматривать современный срез языка, разделяя синхронию и диахронию, к чему призывал Фердинанд де Соссюр.

Вначале рассмотрим спряжение односложных глаголов на *-ить*.

Наиболее продуктивной является схема, когда в основе появляется *о*: *вить* (*вою, воешь, воеет, воем, воеете, воют*), *мыть* (*мою, моешь, моет, моем, моете, моют*), *нуть* (*ною, ноешь, ноеет, ноем, ноеете, нуют*), *рыть* (*рою, роешь, роет, роем, роете, роют*). В устном варианте появляется звук [j].

Можно предположить, что по такой схеме спрягаются глаголы, в которых перед *ь* одна согласная. Однако существует глагол *крыть*, который спрягается по этой схеме и у которого перед *ь* две согласные.

Интересно сравнить односложный глагол на *-ить* *вить* и односложный глагол на *-ить* *вить*, которые в устном варианте отличаются только твердостью и мягкостью *в*. У глагола *вить* при спряжении появляется *о*, и его формы при спряжении двусложны (кроме 2-го лица мн.ч.): *вою* и т.д. А у глагола *вить* при спряжении появляется *ь*, и его формы при спряжении односложны (кроме 2-го лица мн.ч.): *вью* и т.д. У глагола *вить* при спряжении ударение на окончании (по-другому и быть не может: он односложный), а у глагола *вить* ударение на основе.

При спряжении одного односложного глагола на *-ить* появляется *н*. Это — глагол *стыть* (*стыну, стынешь, стынет, стынем, стынете, стынут*).

При спряжении двух односложных глаголов на *-ить* появляется *в*: *плыть* (*плыву, плывёшь, плывёт, плывём, плывёте, плывут*), *слыть* (*слыву, слывёшь, слывёт, слывём, слывёте, слывут*). Так же и у односложного глагола на *-ить* *жить* (*живу, живёшь, живёт, живём, живёте, живут*). Ведь на самом деле *ж* произносится твердо, и по идее естественно было бы написание *жыть*. Не зря в начальной школе заучивают правило «*жи, ши пиши с буквой и*».

Эти глаголы единственные из односложных глаголов на *-ить*, которые спрягаются с ударением на окончании (*плыву, слыву*). У остальных — ударение на основе.

Все рассмотренные выше глаголы — несовершенного вида, 1-го спряжения.

Совершенно особое спряжение у глагола *быть*. Сохранились только архаичные формы 3-го лица ед.ч. (*есть*) и 3-го лица мн.ч. (*суть*), употребляющиеся чрезвычайно редко. В одном романе мне встретилась форма *есмь*, которая, по мнению автора, должна была доказать древность текста. Только автор ставил ее после личных местоимений 3-го лица ед.ч., не понимая, что в старославянском языке это — форма 1-го лица ед.ч., и она может быть только после личного местоимения *я*.

Посмотрим, как образуется форма повелительного наклонения односложных глаголов на *-ить*.

Только у глаголов *плыть* и *слыть* эта форма двусложна: *плыви, слыви*. Окончание — *и*. У остальных глаголов форма повелительного наклонения односложна. У глагола *стыть* она оканчивается на *-ь* (*стынь*), а у глаголов, при спряжении которых появляется *о*, она оканчивается на *-й* (*вой, мой,*

ной, рой, крой). О форме *мой* хотелось бы сказать несколько слов особо. Эта форма и притяжательное местоимение 1-го лица ед.ч. (*мой друг*) являются омоформами (об омоформах подробнее в монографии [1. С. 71–74]). Юмор известного анекдота с неоднозначно понимаемой фразой «А теперь ты мой!» основан на том, что героиня анекдота понимает форму «мой» как притяжательное местоимение 1-го лица ед.ч., а герой анекдота — как форму повелительного наклонения от глагола *мыть*. (Здесь возникает вопрос разрешения неоднозначности в шутке. Исследования по этой интересной теме ведет И.Ф. Бревдо [2]).

Итак, нам остается предположить, что форма спряжения зависит от того, какая буква в инфинитиве перед *ы*. Если в инфинитиве перед *ы* буква *л*, то при спряжении появляется *в*: *плыть* (*плыву* и т.д.), *слыть* (*слыву* и т.д.).

Если в инфинитиве перед *ы* буква *т*, то при спряжении появляется *н*: *стыть* (*стыну* и т.д.).

Если в инфинитиве перед *ы* буквы *в, м, н, р*, то при спряжении появляется *о*: *выть* (*вою* и т.д.), *мыть* (*мою* и т.д.), *ныть* (*ною* и т.д.), *рыть* (*рою* и т.д.), *крыть* (*крою* и т.д.), а в устном варианте появляется звук [j]. Последнее слово наталкивает на одну интересную параллель. Вы, наверное, слышали просторечное: «Я броюсь». Проведем аналогию с *крыть* / *крою*. Может быть, раньше инфинитив был не *брить*, а *брыть*?

Теперь рассмотрим спряжение односложных глаголов на *-уть*.

Для них существует только 2 схемы спряжения.

Для единственного глагола *дуть* схема спряжения похожа на продуктивную схему для глаголов на *-ыть* (*выть, мыть* и т.д.), т.е. в устном варианте появляется звук [j]: *дую, дуешь, дует, дуем, дуετε, дуют*.

Продуктивная схема для глаголов на *-уть* такая, какой нет для глаголов на *-ыть*. При этой схеме формы глагола односложные (кроме 2-го лица мн.ч.) и в корне нет гласной. По этой схеме спрягаются глаголы несовершенного вида *лгнуть* (*лгну, лгнёшь, лгнёт, лгнём, лгнёте, лгнут*), *гнуть* (*гну, гнёшь, гнёт, гнём, гнёте, гнут*). Любопытно отметить, что форма *гну* является омоформой по отношению к существительному *гну* (*антилопа-гну*). По этой же схеме спрягаются глаголы совершенного вида (на этом материале с совершенным видом мы сталкиваемся впервые): *ткнуть* (*ткну, ткнёшь, ткнёт, ткнём, ткнёте, ткнут*), *пнуть* (*пну, пнёшь, пнёт, пнём, пнёте, пнут*), *пхнуть* (*пхну, пхнёшь, пхнёт, пхнём, пхнёте, пхнут*).

Посмотрим, как образуется форма повелительного наклонения односложных глаголов на *-уть*.

У глагола *дуть*, при спряжении которого в устном варианте есть [j], форма повелительного наклонения оканчивается на *й*: *дуй*.

У глаголов, спрягающихся по продуктивной схеме, окончание формы повелительного наклонения — *и*: *пхни, гни, льни, ткни, пни*. Отметим, что

последнее слово является омоформой по отношению к форме множественного числа существительного *пень (пни)*.

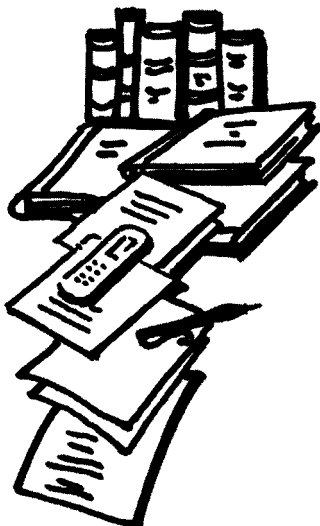
Итак, можно предположить, что по продуктивной схеме спрягаются те глаголы на *-уть*, у которых перед *у* буква *н*.

Общий вывод: схемы спряжения односложных глаголов на *-ыть* и *-уть* различны.

Литература

1. Ручимская Е.М. Системный подход к рассмотрению явлений омонимии и синонимии в естественных и информационных языках. — М., 2010.
2. Бревдо И.Ф. Механизмы разрешения неоднозначности в шутке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999.

Москва

«Вкус огурец» и другие проявления аналитизма

© Д. М. ДЕДКОВСКАЯ,
кандидат филологических наук

Статья посвящена проявлениям аналитизма в грамматике современного русского языка. Эти процессы не всегда носят системный характер и могут не наблюдаться в узусе, но и они вызывают интерес исследователя. Это явление распространено в текстах разных стилей и жанров: деловых бумагах личного характера, рекламе различных брендов, текстах, созданных компьютерными программами. В рамках данной статьи попытаемся привести примеры подобных конструкций и проанализировать причины их появления.

Ключевые слова: аналитизм, реклама, официально-деловой стиль, текст, приложение.

The article is devoted to manifestations of analytism in the grammar of modern Russian language. These processes are not always systematic in nature and cannot be observed in wide usage, but they are interesting. It is also prevalent in texts of different styles and genres: business papers of a personal nature,

advertise of various brands, texts computer programs. In this article we will try to give examples of such structures and to analyze their causes. The aim of this article to give examples of such structures and to analyze their causes.

Keywords: analytism, advertise, official style, texts, adjective.

Недавно на телевидении появилась реклама напитка Sprite: «Новый Sprite, вкус огурец – жажде конец!» Интересно сочетание *вкус огурец* с точки зрения грамматики. На месте косвенного употребляется именительный падеж, хотя нормативная конструкция требует родительного падежа: *вкус огурца*. Это отмечается и авторами словаря сочетаемости слов русского языка под редакцией П.Н. Денисова, В.В. Морковкина: «Вкус чего: ~ хлеба, вина, кофе, чая, шоколада, яблока, лимона, апельсина, ананаса, земляники, малины, какого-л. варенья, лекарства ...» [1. С. 59].

В этом словосочетании сохраняется определительное значение. Оно выполняет атрибутивную функцию, свойственную приложениям, хотя именительный падеж у приложений возможен только при именах собственных и названиях, употребляемых в кавычках. Ср.: на озере Байкал, в газете «Известия».

Между компонентами словосочетания *вкус огурец* устанавливаются особые связи, которые, на наш взгляд, носят аналитический характер.

Аналитизм как тенденция в грамматике отмечается исследователями уже давно (работы М.В. Панова, Г.Н. Акимовой, В.В. Бабайцевой, Н.С. Валгиной, М.Я. Гловинской). Но этот процесс по-разному проявляется в языке и сегодня. Иногда этот процесс не носит системный характер, а скорее «точечный», потому что обнаруживается в текстах определенных стилей, жанров, в некоторых коммуникативных ситуациях.

Среди проявлений аналитизма особый интерес представляют те случаи, когда склоняемое слово употреблено в форме именительного падежа на месте косвенных. Форма номинатива в таком случае расширяет сферу своего употребления, порождая экспансию именительного падежа.

Традиционно данное явление отмечается как специфическая черта разговорной речи. Однако эта особенность становится характерной и для письменной речи.

На наш взгляд, и сочетание *вкус огурец* можно считать проявлением экспансии именительного падежа.

Подобные процессы наблюдаются не только в рекламе. Если в sloganaх это объясняется желанием сделать высказывание более заметным – определенная степень эпатажа свойственна рекламе – то употребление именительного падежа на месте родительного в других стилях, в частности, в официально-деловом, может быть связано с другими причинами.

Опыт преподавания стилистики в аудитории студентов-заочников позволил провести ряд интересных наблюдений. При составлении

заявлений, автобиографий, объяснительных записок и других документов личного характера частотны конструкции типа *получил профессию токарь; заявление от Петрова И.А., инженер-технолог, таб. номер...; работаю в должности начальник участка*. Очевидно, что подобные построения должны бы выглядеть несколько иначе: *получил профессию токаря; заявление от Петрова И.А., инженера-технолога, таб. номер...; работаю в должности начальника участка*.

Конечно, можно сказать, что это просто результат плохого владения литературной нормой. Однако типичные ошибки часто дают пищу для размышлений. Тем более, что в беседе многие студенты отмечают: в образцах, шаблонах документов, которые есть на предприятиях, рекомендуются именно такие конструкции, в частности, это касается построения типа *заявление от Петрова И.А., инженер-технолог, таб. номер...*

Студенты заочной формы обучения – люди разного возраста, профессий, должностей, приезжают из разных населенных пунктов. Словом, это позволяет говорить о некоторой объективности языкового материала, если это возможно, конечно, когда речь идет об ошибке.

В словаре сочетаемости указано, что лексема *должность* употребляется со словом в родительном падеже.

«Должность кого: ~ директора, заведующего, командира, заместителя кого-л., секретаря, инженера, мастера, редактора ...В должности (повысить кого-л. понизить кого-л. ~ ...); в должности кого-л. (быть, работать ~...)» [С. 140–141].

То же можно сказать и о слове *профессия*.

«Профессия кого: (о том, чья профессия) (о человеке) ~ какого-л. человека, отца, друга, Леонида Павловича профессия кого: (о том, какая профессия) ~ врача, адвоката, журналиста ...» [С. 452].

В официально-деловых текстах, созданных студентами, на месте нормативного родительного падежа употребляется именительный. В словосочетаниях типа *профессия инженера, должность технолога* и других, представленных выше, содержится определительное значение, что отражено в словаре сочетаемости, то есть атрибутивное значение является в подобных словосочетаниях основным, как и в словосочетании *вкус огурец*.

У номинативов определительное значение, однако определить более точно их синтаксическую функцию довольно трудно. Оказываясь в форме именительного падежа, слова при лексемах *профессия, должность* выступают в синтаксической функции приложения, хотя, как и в случае со словосочетанием *вкус огурец*, это приложение очень специфично. Нельзя считать эти словоформы и несогласованными определениями. Обозначить их функцию как дополнение также невозможно. Перед нами особый член предложения, где номинатив оказывается не

в свойственной ему функции подлежащего, а в функции второстепенного члена с атрибутивным значением.

Возникает вопрос о синтаксических связях в таких построениях. В сочетаниях $N_1 + N_2$ типичное подчинение (управление), однако при именительном падеже изменяется синтаксическая связь, вернее ее выражение. Формально это выглядит как примыкание. Для приложения характерна отличная от сочинения и видов подчинения специфичная связь «параллелизм» вследствие так называемой одноформенности, то есть определяемое слово и приложение в одной падежной форме.

А.Ф. Прияткина, считает, что для приложения все-таки свойственна подчинительная связь: «С внутренней, функциональной стороны связь при приложении все-таки подчинение, и в частности, уподобление (согласование): ведь, действительно, в процессе говорения мы для атрибута (каковым является приложение) выбираем падежную форму только в зависимости от господствующего определяемого. Но с внешней стороны, формально, приложение не обнаруживает своей зависимости от определяемого: момент уподобления, зависимости остался не выраженным» [2].

Между лексемами в рассматриваемых словосочетаниях нет этой падежной «тождественности», характерной для приложения. Определяемое слово стоит в косвенном падеже, а атрибут в именительном: *получил профессию токарь; заявление от Петрова И.А., инженер-технолог, работаю в должности начальник участка*. Между компонентами словосочетания устанавливается своеобразная синтаксическая связь, а ее формальные показатели носят имплицитный характер.

Изменения в синтаксических связях связаны с процессами анализа. Г.Н. Акимов отмечает, что сильные синтаксические связи, характеризующие обычно облик национального языка, во многих случаях заменяются слабыми. По мнению исследователя, наибольшие изменения произошли в управлении, что связано с возросшей потребностью в передаче различных отношений между объектами действительности [3].

Причиной появления именительного падежа может служить и смешение различных синтаксических реализаций одной коммуникативно-смысловой модели. Ср.: *Я получил профессию токаря — Моя профессия — токарь — Я токарь; Я работаю в должности начальника участка — Моя должность — начальник участка — Я начальник участка*. Смысл в этих конструкциях схож, да и с точки зрения коммуникативной полноты эти высказывания равноценны. Однако грамматически это различные конструкции, где слова, называющие должности и профессии, употреблены в разных падежах. Возможно, что смешение этих построений влечет за собой появление в текстах деловых бумаг таких нетипичных словосочетаний.

К причинам экспансии именительного падежа можно отнести и влияние текстов, созданных в программах современных электронных устройств. На экране телефона мы читаем «Сообщение отправлено Мама. Сообщение отправлено Брат». При составлении расписания преподавателя в университете используется компьютерная программа, поэтому в документе, который получает преподаватель написано: «Карточка преподавателя Семенов В.М.».

В технических устройствах не заложена изменяемость слова, это то, что характеризует естественный язык. Но нельзя не отметить, что повсеместное распространение подобного рода высказываний в письменном тексте влияет на общее употребление склоняемых имен. Воспринимая эти конструкции, мы, конечно, понимаем, что это высказывание создала машина, но такие тексты, как нам кажется, исподволь влияют на наше восприятие и порождение высказываний. В.Г. Костомаров пишет: «Активно продвигают анализм дисплейные тексты. Скайп, социально-сетевые новшества, взаимодействуя с книжным и некнижным звуковым общением, деформируют привычные непреложности, укрепляя единство книжной и разговорной разновидностей русского языка. По крайней мере, они позволяют уходить от правил книжности, заданных границами, оторванных от звука и обстоятельств реального общения» [4].

Возможно, что сочетание *вкус огурец* тоже в некотором роде порождение дисплейных текстов, поскольку тесно связан с видеорядом, к которому звучащий и письменный текст лишь дополнение.

На экспансию именительного падежа в представленных контекстах влияют разные факторы. Безусловно, нельзя не назвать влияние английского языка не только в лексике, но и в грамматике. Часто именно с появлением новых заимствованных слов связывают влияние английского языка на русский, хотя этот процесс более глубокий и сложный и может проявляться на грамматическом уровне, о чем свидетельствуют языковые факты, приведенные в статье.

Есть и внутренние причины: все словосочетания, о которых речь шла выше, имеют атрибутивное значение. Возможно, именно оно имеет потенции к установлению аналитических связей между компонентами высказывания.

К факторам, влияющим на употребление именительного на месте косвенных, можно отнести и структуру текста, его жанровую и стилистическую принадлежность: это явление затрагивает официально-деловой стиль, рекламу, разговорную речь в ее письменных жанрах (смс-сообщения, чаты и прочее).

Возможно, это влияние официально-делового стиля на рекламу и разговорную речь, быть может, и наоборот. На данном этапе развития

языка трудно определенно сказать об этом. Скорее всего, здесь есть взаимовлияние текстов разных стилей.

Именительный падеж на месте косвенных приводит к появлению специфичных синтаксических функций, в целом, не свойственных существительным, благодаря чему активизируются аналитические синтаксические связи, где их формальное выражение часто носит имплицитный характер.

В рамках данной статьи мы попытались указать на проявления аналитизма в русском языке в разных сферах его функционирования. Причины этого явления различны, что требует глубокого и всестороннего анализа.

Литература

1. Словарь сочетаемости слов русского языка / Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М., 1983. Далее указ. только стр.
2. *Пряткина А.Ф.* Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. Владивосток, 2007. С. 27.
3. *Акимова Г.Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990. С. 19.
4. *Костомаров В.Г.* Язык текущего момента: понятие правильности. СПб., 2015. С. 118.

*Иркутский национальный исследовательский
технический университет*

Бои без правил в политических ток-шоу

© Н. Н. ВАСИЛЬКОВА,

кандидат филологических наук

Общественно-политическое дискуссионное-полемическое ток-шоу предоставляет широкие возможности для ведения «словесного боя», или эристического состязания оппонентов. Эристическая полемика находится вне классических законов аргументации: ее цель — утверждение любыми средствами своей позиции и достижение победы любой ценой. Такие стратегии, как самоутверждение, конструирование образа врага, дискредитация оппонента, реализующиеся с использованием софизмов и манипулятивных приемов, свойственных эристике, стали неотъемлемой частью современного общественно-политического дискурса.

Ключевые слова: общественно-политическое ток-шоу, политический дискурс, диалектика, эристика, софистика, полемика, дискуссия, речевые стратегии, речевая агрессия.

The socio-political discussion and polemical talk-show provides an ample opportunities for conducting a «verbal battle», or an eristic contest of opponents. The eristic controversy is beyond the classical laws of argumentation: its goal is the assertion by any means of its position and the achievement of victory at any cost. Such strategies as self-affirmation, constructing of the image of enemy, discrediting of opponent, realized with the use of sophisms and manipulative methods peculiar to eristica, have become an integral part of modern social and political discourse.

Keywords: socio-political talk show, political discourse, dialectic, eristic, sophistry, polemic, discussion, speech strategies, verbal aggression.

Свое название эристика получила от греческого имени Эрида или Эрис, в греческой мифологии богиня ссоры, персонификация раздора и хаоса (др. — греч. Ἔρις — борьба, ссора, спор, раздор, соперничество, состязание). Эристика являлась составной частью риторики в Древней Греции и понимается как метод отыскания истины с помощью спора. В узком понимании термина эристика — это искусство спорить, вести дискуссию [1]. Бытует мнение, что эристика как метод познания истины в споре появилась прежде, чем произошло размежевание терминов риторики диалога на диалектику, эристику и софистику. В дальнейшем, когда эти понятия дифференцировались, термин эристика приобрел отрицательную

коннотацию и стал пониматься как техника победы в споре любыми средствами, в том числе, использующими софизмы. Разновидности эристического состязания — полемика, дискуссия — рассматривались в античности не только в контексте риторики, но и в тесной связи с логикой, эстетикой и диалектикой.

Диалектика в античной философии — это искусство, предполагающее совместный поиск участниками диалога объективной истины, метод приобретения знания путем вопросов и ответов. Первоначально этим термином (*dialek-tike techne* — «искусство диалектики») обозначались: 1) способность вести диалог в форме вопросов и ответов; 2) искусство классификации понятий, разделения вещей на роды и виды. С течением времени значение этого термина видоизменилось. Современный философский словарь определяет диалектику как науку о всеобщих законах развития природы, общества, человека и мышления. Научному пониманию диалектики предшествовала долгая история, и само это понятие возникло в ходе переработки и даже преодоления первоначального смысла термина. По определению Шопенгауера, во многом опирающемуся на представления античных философов, «...диалектика рассматривает одновременную деятельность двух разумных существ, которые думают в одно и то же время, откуда, конечно, возникает спор, то есть духовная борьба. Оба существа обладают чистым разумом, и потому они должны бы были согласиться друг с другом; на самом деле такого согласия нет, и это несогласие зависит от различных индивидуальностей, присущих субъектам, и потому должно считаться элементом эмпирическим» [2]. В представлении Шопенгауера диалектика как эвристический способ познания, реализуемый в диалогической форме, в реальности может существовать только обремененным психологическими, логическими, эмоциональными, этическими и т.д. ошибками, уловками, а также манипулятивными технологиями.

Эристика как метод поиска истины посредством столкновения идей, картин мира, мнений часто ассоциируется с софистическим направлением в античной философии. Софисты — представители интеллектуального течения в общественной и культурной жизни Древней Греции середины V — I-й половины IV веков до н.э. Смысл софистики как этики речи состоит в видимом следовании диалектике, но с эристической целью — добиться победы в споре любой ценой. Несмотря на утвердившееся в обиходе отрицательное отношение к софистам, идущее от Платона и Аристотеля, многие современные ученые пересматривают сущность и значение софистического метода, во многом опирающегося на эристический диалогизм. Софисты, среди которых место основателя занимает Протагор (ок. 492 — ок. 422 веков до н.э.), были основателями эристического метода. Так, именно Протагор первый использовал сам термин «эристика». Постепенно эристика и вместе с ней софистика стали пониматься как умение вести спор, чтобы достигнуть единственной цели — выиграть

его любой ценой, совершенно не заботясь об истине и справедливости, в ущерб этическим нормам.

Аристотель, критикуя «софистические опровержения», осуждал эристику, трактуя ее как борьбу в споре нечестными средствами: «Это и есть то, что называется черное делать белым. Вследствие этого люди по справедливости порицали профессию Протагора: она представляет собой ложь и не истинно правдоподобное, а кажущееся таковым, которое [нельзя найти] ни в одном искусстве, кроме риторики и софистики» [3].

Итак, области античной ораторской практики диалога делятся на эристику и диалектику. Правила диалектики противоположны правилам эристики. Эристика — диалог вне диалектических правил. Между противоположными этическими требованиями диалектики и эристики находится софистика как совокупность приемов, основанных на нарушении этических законов и принципов, на употреблении ложных доводов и аргументов, выдаваемых за истинные. В своих построениях софист намеренно использует различные логические ошибки, подмену понятий, неверные формы вывода, а также нечестные приемы и уловки, многозначность понятий и терминов. Попытки обобщить теоретические основы и практические приемы, использующиеся в эристических состязаниях, предпринимались и в античности, и в новое время.

Диалог в античности представлялся, прежде всего, диалогом публичным, политическим или судебным, то есть способом выражения взглядов, мнений, оценок, политических или юридических субъектов. Античные ученые рассматривали искусство ведения диалога как с позиций диалектической беседы, так и с позиций эристического (софистического) спора. Публичные диспуты, общественная полемика вызывали огромный интерес и привлекали внимание афинских граждан. Еще больший интерес к ораторским выступлениям, имевшим форму и монолога, и диалога, можно констатировать в Древнем Риме. Знаменитое требование «хлеба и зрелищ», появившееся в Древнем Риме, наряду с другими видами зрелищ, удовлетворялось также и шедеврами ораторского искусства, представляемыми на форумах.

Традиции эристики можно проследить и в современных телевизионных ток-шоу. Так же, как и в античности, общественно-политические и социально-бытовые дискуссии и полемики представляют собой яркое шоу, зрелище, как и прежде, вызывающее неизменный интерес у публики.

Общественно-политическое дискуссионное-полемическое ток-шоу предоставляет широкие возможности для ведения так называемого «словесного боя», или эристического состязания оппонентов. В аргументативно-риторическом плане эристическая полемика находится вне классических законов аргументации: ее цель — утверждение любыми средствами своей позиции и дискредитация оппонента, что в значительной мере коррелируется с античным представлением об эристике. Приемов эристики

достаточно много, но цель их одна: помешать оппоненту доказательно и последовательно аргументировать свое высказывание и любыми средствами добиться победы, утвердить свой интерес. На практике участник эристического состязания борется не за правду, а за свой тезис, стремится одержать верх даже в том случае, когда сознает, что его мнение ложно, сомнительно или ошибочно.

На Российском телевидении формат телевизионной дискуссии появился на исходе 80-х годов XX века, когда известный журналист Владимир Познер начал организовывать телемосты между СССР и США. В ходе телемостов обсуждались актуальные вопросы и проблемы нашей страны. Современные телевизионные дискуссии – распространенный и рейтинговый жанр передач, основанный на обмене мнениями по какой-либо злободневной проблеме или спорному вопросу. Однако надо отметить, что общественно-политические ток-шоу позиционируются как интеллектуально-развлекательные, в отличие от социально-бытовых, которые на такой статус не претендуют.

Общественно-политическая теледискуссия как вид телевизионного дискурса, основанного на полемике участников-оппонентов, базируется на двух определяющих компонентах: 1) структурно-ролевой организации коммуникативного события; 2) стратегиях и тактиках речевого поведения субъектов коммуникации.

Необходимо отметить, что основу эристического состязания, разновидностью которого является общественно-политическая полемика, составляет манипулятивное воздействие на адресата. Структура такого воздействия на аудиторию может быть представлена в виде многослойной куклы – матрешки. Создатели передач такого формата представляют общественно-политические ток-шоу рейтинговыми, популярными, интеллектуально-развлекательными программами, и это внешняя оболочка, верхняя, наиболее очевидная форма. В свою очередь участники эристического состязания (гости и ведущие), являются, с одной стороны, проводниками авторского намерения, средством воздействия на аудиторию, а с другой стороны, их определяющая установка – быть субъектами речевого воздействия и регулировать деятельность своего собеседника. Это второй, более глубокий слой. Наконец, главным адресатом воздействия телевизионных политических ток-шоу являются не столько участники полемики, сколько зрители, однако такая задача создателями этого формата телепередачи уже не оформляется вербально.

Такие стратегии, как самоутверждение, конструирование образа врага, дискредитация оппонента, реализующиеся с использованием софизмов и манипулятивных приемов, стали неотъемлемой чертой современной общественно-политической жизни. Даже самые изящные образцы общественно-политических полемик, встречающиеся в интернете, не в состоянии избежать использования этих приемов.

Например, наделавшая много шума переписка поэта, журналиста и оппозиционного общественного деятеля Дмитрия Быкова и официального представителя МИД Марии Захаровой, выполненная в стихотворной форме с опорой на классические образцы с элегантным использованием иронии, аллюзий и стилистических фигур, в содержательной части реализует конфронтационные стратегии дискредитации, самозащиты и нападения. Вкратце напомним эту историю марта 2016 года. Главу МИД Сергея Лаврова и министра обороны Сергея Шойгу Быков упрекнул в «дворовости», сравнивая чиновников с не слишком умелыми футболистами. Досталось и Захаровой, которая к футболу не имеет прямого отношения, но по которой писатель прошелся в одной из рифм:

Так повернулось колесо:
Побыв гламурными для вида —
Айда во двор! Дворово всё:
Война, культура, спикер МИДа.

На это стихотворное обвинение откликнулась Захарова:

Дворовый стиль был задан вами.
«А мы? Ничем мы не блесим».
Лишь для удобства пониманья
Мы на дворежном говорим.
Кому нужны изыски Гессе?
Ведь не с кем в бисер нам играть.
Теперь для санитаров леса
Мы стали вирши сочинять.

Так, в ответ на обвинение Быкова в «дворовости» (стратегия нападения) Захарова отвечает выпадом, выраженным такими приемами, как использование прецедентного феномена с расширением семантического поля за счет ассоциации с известным фразеологизмом о бисере и свиньях, перифраза (санитары леса), метафоры (стая злобных мух), стилистически маркированной лексики (вирши) и так далее.

В своем прозаическом комментарии Быков отмечает семантическую неоднозначность использованных Захаровой приемов: «Приятна отсылка к Гессе, но тут же и отсылка к русской пословице — перед кем надо метать бисер, а перед кем не надо».

Столкновение различных точек зрения, необходимость отстоять свою позицию определяют применение различных коммуникативных стратегий. В эристическом речевом взаимодействии противники не заботятся о соблюдении правил аргументативного убеждения. Их место занимают логические и психологические манипуляции, получившие название стратегем, или эристических уловок.

Одной из самых действенных эристических стратегий является использование демагогических приемов, аргументации к пафосу и этосу: апеллирование к авторитетам, патетический призыв к высшим ценностям, переходящим из области аналитики в область веры, использование символов и образов, обладающих мощным аргументативно-коннотативным и экспрессивным потенциалом. В качестве примера приведу риторическое определение, приведенное И. Коротченко в передаче «Воскресный вечер с В. Соловьевым»: «Что такое НАТО? *НАТО — это военная опухоль на теле Европы. Непрерывно расширяясь, порождая метастазы, сожрав и проглотив бывший Варшавский договор, бывшие республики советской Прибалтики, бывшие республики Югославии, почти все* (Курсив здесь и далее наш — Н.В.), НАТО уперлось в российские границы. Все! Расширения дальше нет» (10.07.2016). В этом высказывании оратор использовал несколько средств речевой выразительности. Для своего риторического определения он берет яркую метафору, использует фигуры объективации и перечисления, а также стилистически окрашенную лексику, что, в конечном счете, создает выразительный, но пугающий образ военной организации. Еще один пример апелляции к общепризнанным ценностям встречаем в речи политика Н. Старикова в этой же передаче: «Наш уважаемый вашингтонский гость проговорился. Это оговорка по Фрейду. Что нам обычно говорят либералы? Вы станьте такими, как США, и тогда можете творить, чего хотите. То есть, они говорят о праве сильного. *Где тут демократия, где тут свобода, где права человека?*». Еще один пример из ораторского выступления того же политика, который использовал сразу несколько экспрессивных стилистических средств в этой передаче: «То есть, будь здоровым *битюгом* и тогда можешь творить, *чего хочешь, говорить, чего хочешь, диктовать всем условия*. Вот истинное лицо *не американского империализма, а российского либерализма*» (10.07.2016). Сочетание повтора, фигуры сближения паронимов и антитезы со стилистически сниженным словом «битюг» придает высказыванию эмоциональность и разговорность.

В политических дискуссиях нередко можно наблюдать прием ухода политика от ответа на нежелательный вопрос, когда тема разговора переводится в другое русло, тем самым внимание зрителей переключается на явления действительности, не имеющие прямого отношения к разговору. Этот прием часто использует лидер КПРФ Г.А. Зюганов. Так, в передаче Соловьева «Поединок» на вопрос своего оппонента С. Кучеры «Зачем вы идете на выборы? ...вы не боец...» он отвечает: «...вы специально в эту оранжевую кофту оделись, с оранжевыми метите... Но, на счет бойца, вы мне еще в бильярд не отыгрались» (19.01.2012). Здесь использована нарушающая логический закон уловка, которая заключается в подмене темы.

В отличие от полемики, в политической дискуссии, где эристический вызов относительно ограничен и приобретает более сдержанные формы, встречаются достаточно эффективные скрытые приемы речевой эристики

с использованием иронии или сарказма, косвенных речевых актов, импликаций, превращающихся в агональные намеки. Так, в следующем примере, когда в передаче «Право голоса» участник дискуссии политолог В. Карасев, не желая прямо назвать виновников происходящих событий, использует имплицитное речевое воздействие – намек: «Потому что все *хотят* власти, *не хотят* ответственности, *хотят* безответственности» (16.07.2016). Выразительности и яркости этому высказыванию добавляет фигура повтора в сочетании с антитезой, выраженной однокорневыми антонимами. Еще один пример того, как обобщенная форма высказывания в той же передаче скрывает в себе обвинение в адрес оппонента. С. Железняк: «Совершенно очевидно, что те, кто делает ставку на предателей, не имеют будущего *ни в современности, ни в истории, ни в будущем*» (16.07.2016). С.А. Михеев, комментируя в передаче «60 минут» драку депутатов в парламенте Украины, использует иронию: «Да, вот это европейский парламент, ничего не скажешь. Это европейские демократические ценности, так как они трактуются на Украине» (23.09.2016).

Нередко в пылу ожесточенной полемики встречается крайнее проявление эристического вызова – открытая речевая агрессия с использованием оценочной лексики с негативной коннотацией, а нередко и инвективной лексики. Например, М. Бом в той же передаче говорит: «Все хороши в голословных обвинениях. Вот официальное заявление МИДа, что США защищают ИГИЛ. Это *безобразное обвинение!* Абсолютно *безобразное обвинение!*» (21.09.2016). Использование оценочной лексики в этом примере поддержано фигурой повтора. Еще пример агрессивного речевого поведения с использованием просторечного оценочного фразеологизма: «Что вы *несете ахинею?* Если дискутировать, то дискутировать! Я имею в виду очень конкретные вещи. В тот момент, когда был договор о том, что Янукович уходит и все будет мирно, вы его нарушили, а Европа и Америка закрыли тогда глаза». Еще более резкое высказывание с использованием бранной лексики, обращенное уже непосредственно к оппоненту, было использовано в программе «60 минут» политологом Михеевым: «Дай хоть слово кому-то еще сказать! *Охамел* совсем *придурок* польский! Еще Достоевский писал: “Один наглый полячок”. Вот это про него, про таких, как он» (07.11.2016).

Надо отметить, что для отечественной ораторской традиции использование форм речевой агрессии не является редкостью, исключением или приметой только современного полемического дискурса. У многих политических деятелей можно встретить примеры использования оценочных слов и выражений с негативной коннотацией. Так, В.И. Ленин пишет: «Но Каутский, точно какой-то учитель гимназии, засохший на повторении учебников истории, упорно поворачивается задом к XX веку, лицом к XVIII, и в сотый раз, невероятно скучно, в целом ряде параграфов, жует и пережевывает старье об отношении буржуазной демократии

к абсолютизму и средневековью! Поистине, точно во сне мочалку жует!» И там же: «Чем объяснить это? Тем духом лакейства, которым пропитались вожди II Интернационала, ставшие презренными *сикофантами* на службе у буржуазии» (Сикофант (греч. книжн., презрит.) – доносчик, клеветник, вымогатель) [4].

Многим памятни и слова Первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева, сказанные им в 1959 году вице-президенту США Ричарду Никсону на открытии Американской национальной выставки: «В нашем распоряжении имеются средства, которые будут иметь для вас тяжелые последствия. *Мы вам покажем кузькину мать!*».

Использование агрессивных форм речевого поведения вряд ли можно объяснить только накалом полемики и пренебрежительным отношением к нормам литературного языка. Очевидно, что создатели программ этого формата намеренно прибегают к введению в канву полемики эмоционально-оценочных выражений, находящихся за пределами этических норм и норм литературного языка. Эта агрессивная речевая стратегия с использованием скандала как приема ставит своей целью привлечение внимания аудитории, пусть даже и порицаемыми средствами. В качестве примера приведу высказывание известного журналиста В. Соловьева в программе «Полный контакт», ведущим которой он является: «Навальный обратил своих *гонников* против людей! Ну, давайте посчитаем, сколько вывел этот *Полиграфыч мерзкий* на улицы? ... Значит, это получается 1,9 процента. То есть вечные два процента *дерьма*. И вот эти два процента дерьма считают, что они здесь власть?!». Грубо просторечная лексика, жаргонизм и оценочная инвективная лексема осложнена в этом примере антономазией с использованием precedentного имени и ожидаемо вызвала обсуждение в обществе и интерес аудитории.

Однако продолжая сопоставление современного общественно-политического дискурса с эристической речевой традицией античности, хочу отметить, что и в использовании агрессивных речевых стратегий можно наблюдать общие черты. Так, в римской античности инвектива стала использоваться как хулительный жанр ораторской речи, противопоставленный панегирику. Инвектива (позднелат. *invectiva (oratio)* – бранная речь) – резкий словесный публичный выпад в адрес конкретного лица или группы лиц с целью их дискредитации. Инвектива заведомо не стремится к объективности и прибегает к любым формам диффамации и карикатурного изображения противника. Наиболее яркими представителями античной инвективы считаются Демосфен и Цицерон.

Значительное количество социально-политических перемен, происходящих в настоящее время в мире, приводит к заметным изменениям в сфере политической коммуникации. Наблюдающееся сегодня обострение общественно-политической ситуации в мировом сообществе

выдвигает новые требования к языку публичного выступления политиков. Современный общественно-политический дискурс характеризуется использованием таких агональных речевых стратегий и тактик, которые традиционно присущи эристике. Для эффективного воздействия на массовую аудиторию оратору необходимо учитывать не только экстралингвистические факторы, которые отражают динамику общественно-политического развития, но и коммуникативные характеристики языковых средств, их выбор, применение и действенное сочетание в речи.

Литература

1. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1981. С. 445.
2. Шопенгауэр А. Эристика или искусство побеждать в спорах. СПб., 1900.
3. Аристотель. Соч. в 4 т. М., 1978. Т. 2. С. 122.
4. Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1967–1981. Т. 37. С. 235–331.

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова*

Равноапостольный князь Владимир в «Памяти и похвале» мниха Иакова и проложном житии

© Н. В. СТОЛЯРОВА

Статья посвящена анализу основных художественных приемов создания образа князя Владимира в «Памяти и похвале князю Владимиру» мниха Иакова и в проложном житии. При сравнении выявлены общие приемы и основные различия. Проанализированы средства и приемы создания образа князя Владимира: это авторская характеристика, использующая ретроспективную историческую аналогию, многочисленные эпитеты, которые закрепляют за князем характеристику христианского правителя, лексические повторы; глаголы и глагольные формы, передающие деяния героя; библейские цитаты; изображение оценки поступков князя божественными силами; использование молитвы и житийных формул для раскрытия чувств и мыслей князя. Выбор средств средневековыми книжниками определяется задачами, стоящими перед авторами, и степенью сформированности жанровых признаков.

Ключевые слова: равноапостольный, блаженный, благоверный, святой, идеализация, «Память и похвала князю Владимиру», проложное житие.

The article is devoted to the analysis of the main artistic techniques for creating the image of Prince Vladimir in «Memories and Praise to Prince Vladimir» by Mnicha Jacob and in the sacred life. In the beginning, two works are analyzed separately, then they are compared with each other. When comparing, common methods and main differences are revealed. The analysis lists the main means and techniques

for creating the image of Prince Vladimir: a retrospective historical analogy; The use of numerous epithets, which assign the characterization of the Christian ruler to the prince; Verbs and verbal forms that characterize the hero's deeds; Biblical quotes; Image of assessment of the prince's actions by the divine forces; The use of prayer and life-forms for revealing the feelings and thoughts of the prince; Lexical repetitions, author's characteristic. The choice of means by medieval scribes is determined by the demands of the genre that was forming or formed at that time.

Keywords: *Equal-to-the-Apostles, Blessed, Saint, idealization, «Memory and Praise to Prince Vladimir», a living life.*

Креститель Руси, приведший свой народ к христианству, был канонизирован в чине равноапостольных князей. Сейчас представляется бесспорным, что человек, принявший на государственном уровне христианскую веру, должен быть причислен к лику святых, тем более что за прошедшие десять столетий образ князя был мифологизирован и идеализирован, как это бывает по прошествии долгого времени со значимыми для истории личностями.

Не так обстояло дело тысячу лет назад. Книжники молодого христианского государства писали историю народа, в которой ключевой фигурой на пути к вере стал князь Владимир. Отразить духовный облик правителя — непростая задача для средневекового автора. Иаков Мних, создавший «Память и похвалу князю Владимиру» в XI столетии, для раскрытия подвига князя использовал в первую очередь прием ретроспективной исторической аналогии.

Автор стремился увековечить имя крестителя в сонме святых среди равноапостолов: «А ты, блаженный княже Володимере, бысть апостоль въ князехъ, всю землю Рускую приведе къ Богу святымъ крещениемъ, и научи людие кланятися Богу, славити и пети Отца, и Сына, и Святаго Духа. И вси людие Руския земля познаша Бога тобою, божественный княже Володимере...» [1. С. 320]. Согласно изданию «Святость. Краткий словарь агиографических терминов» В.М. Живова, «равноапостольный (лат. *aequalisapostolis*), наименование святых, особо прославившихся благовествованием Евангелия и обращением народов в христианскую веру» [2].

Иаков прибегает и к приему сравнения с ветхозаветными персонажами: «Князь же Володимерь поревнова святыхъ мужъ дѣлу и житию ихъ, и възлюбѣ Аврамово житие и подража странолобѣю его, Иаковлю истину, Моисѣеву кротость, Давыдово безлобие...» [С. 323]. Каждый из святых прославился общепризнанной добродетелью, князь наследует их качества.

Автор также проводит параллель с личностью и деяниями «Константина, царя великого, перваго царя кристианского, того подража правовѣрие...» [С. 322]. В произведении разворачивается широкая панорама деятельности равноапостольного византийского императора и его матери, которым уподобляются Владимир и Ольга: «И ты, блаженный княже Володимере, подобно Константину Великому дѣло сътвори, яко онъ върою великою и любовью Божиею подвигся. Утверди всю вселенную любовию и върою, и святымъ

крещениемъ просвѣти весь миръ, и законъ Божий по всей вселенѣи заповѣда. И разруши храмы идольския съ лжеименными боги, и святѣя же церкви по всей вселенѣи постави на хвалу Богу, в Троицы славимому Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и крестъ обрѣте, всего мира спасение. С блаженою и богомудрою матерью своею святою Оленою и съ чады многы приведе къ Богу святымъ крещениемъ бещисленное множество. И требища бѣсовскыя потреби, и храмы идольскыя разруши, и церквами украси всю вселеную и грады, и заповѣда въ церковахъ памяти святыхъ творити пѣнии и молитвами, и праздники праздновати на славу и на хвалу Богу. Тако же и блаженный князь Володимерь сътвори съ бабою своею Олгою» [Там же].

Для характеристики Владимира используются эпитеты. Князь назван «благовѣрным», этот эпитет определяет его принадлежность к определенному чину святости: «Благоверный (гр. [греч] εὐσεβής, лат. pius), разряд святых из монахов, прославившихся своим благочестием, милостью и заботой об укреплении христианской веры. Богословское обоснование почитания отдельных монахов как святых составляют особые отношения между Богом и монахом как поставленным от Бога устроителем земной жизни, судьей и хранителем закона. Христианская мысль опирается при этом на ветхозаветную традицию. В Св. Писании установление царской власти в Израиле описывается как акт богоизбрания. Самуил говорит Саулу (первому царю): “И найдет на тебя Дух Господень, и ты будешь пророчествовать... и сделаешься иным человеком” (1 Цар. 10. 6)» [1].

Книжник соединяет эпитеты в цепочки, подчеркивая добродетели князя: «О блаженный и треблаженный княже Володимерь, благовѣрне, и христолюбиве, и страннолюбче»; «божественный княже Володимере». Эпитет «блаженный», согласно толкованию «Словаря русского языка XI–XVII веков», в понимании того времени обозначает «благословленный, достойный почитания, восхваления, праведный, святой» [3] (позже это прилагательное приобретает другое значение, блаженными назовут юродивых). В XI веке, применяя указанный термин, автор подчеркивает главную мысль своего творения – Владимир *Святой*, и в этом не стоит сомневаться читателю. «Страннолюбче» значит гостеприимный, принимающий странников, качество, необходимое для христианского правителя [Там же]. Эпитеты закрепляют за князем черты истинно верующего человека.

Владимир характеризуется также через действия, подтверждением чему служит большое количество глаголов. Их можно условно разделить на несколько групп.

1. Глаголы и синонимические глагольные обороты, обозначающие путь к Богу, к святой вере: «вжада»; «взиска спасения»; «разгоряшися Святымъ Духомъ сердце его»; «крести же ся самъ»; «просвѣти, и свободи всяку душу»; «възрадовася, и възвеселися о Бозѣ»; «навыче по заповѣди Божии ходити и жити добръ о Бозѣ, и вѣру тверду удержа неподвижиму»; «крести же и всю землю Рускую от конца до конца»; «прииде от тмы диаволя на свѣтъ съ чады

своими, приде къ Богу, крещение приимъ, и всю землю Рускую исторже изъ устъ диаволь и къ Богу приведе, и къ свѣту истинному»; «прииде къ Христу Богу, Владыцѣ своему, и люди своя приведе, и научи я служити Богу»; «Възвеселися, и възрадовася о Бозѣ и о святѣмъ крещении, и хваляшеся, и славяше Бога о всемъ»; «добрѣ поживе».

2. Глагольные обороты, повествующие об отказе от прошлой грешной жизни: «попра, и съкруши идолы, и отверже всю безбожную лѣсть»; «отвержеся всяа диаволи лѣсти».

3. Глаголы, обозначающие созидательную деятельность князя: «церковь созда камену»; «всю землю Рускую и грады вся украси святыми церквами». При этом особо стоит выделить благотворительность Владимира: «и въ градѣхъ, и въ селѣхъ, вездѣ милостыню творяше, нагья одѣвая, алычныя кормя и жадныя напаяя; странныя покоя милостью; церковники чти, и любя, и милую, подавая имъ требование, нищая, и сироты, и вдовица, и слѣпыя, и хромыя, и трудоватыя, вся милую, и одѣвая, и накормя, и напаяя».

Важный прием – описание отношения, в небесном мире и земном, к действиям князя, изображая которое, Иаков прибегает к библейским цитатам: «возлюби и человеколюбивый Богъ»; «видя же Богъ хотѣние сердца его, провидя доброту его, и призрѣ съ небесъ милостью своею и щедротами»; «о, колика радость и веселие бысть на земли! Ангели възвеселишася и архангели, и святыхъ души възыграшася. Самъ рече Господь: “Колика радость бываетъ на небесѣхъ о единемъ грѣшницѣ кающимся”» (Ср.: Лк 15:7); «Възрадовашася ангельстии чини, агници честнии, нынѣ радуются вѣрнии, и воспѣша, и въсхвалиша!»; «новоизбраннии людие Руския земля въсхвалиша Владыку Христа с Отцемъ и Святымъ Духомъ» [С. 321]. «То же блаженный Давыдъ глаголаше: “Блаженъ человекъ, егоже ты накажеша, Господи, и от закона твоего научиши и, да укротиши и от дний лють”» [С. 319] (Пс. 93:12–13). Слова Господа свидетельствуют о Спасении Владимира, слова царя и псалмопевца Давида подтверждают мысль о том, что князь спас себя от «лютых дней» крещением.

В художественном пространстве книжника нет разделения духовного и материального мира. Это случай, в котором, по мысли Д.С. Лихачева, применяется абстрагирование, оно необходимо для того, чтобы события на земле вывести за рамки земного, материального, придать им значение «вечных» [5. С. 370] [4].

Библейские заимствования также служат созданию образа князя. «Яко же жадаеть елень на источники водныя, тако вжда благоверный князь Володимерь святого крещения, и Богъ сътвори хотение его» [С. 316] (Пс. 41:2). Символический образ жаждущего оленя, стремящегося к водному источнику, помогает создать экспрессивный образ князя, возжелавшего обрести спасение в вере.

Раскрытию внутреннего мира князя служит приведенная Иаковом молитва, содержащая исповедальный, подводящий итог жизни монолог:

«Володимеръ князь, отходя свѣта сего, сице моляшеся, глаголя: “Господи Боже мой, не позналъ тебе бяху, но помиловаль мя еси и святымъ крещениемъ просвѣтилъ мя еси, и познахъ тя, Боже всѣхъ, святымъ творче вся твари, Отче Господа нашего Исуса Христа, слава ти съ Сыномъ и Святымъ Духомъ!”» [С. 324]. Символической фразой заканчивает Иаков молитву князя: «Праведныхъ бо души въ руку Божию суть (Ср. Прем. 3:1) и мзда от Господа, и строение имъ от Вышняго, того ради примуть вѣнецъ красоты от руки Господни» [С. 324]. В ней заключена мысль о том, что Господь Бог наградил князя Владимира святым венцом бессмертия.

Чувства Владимира передаются с помощью складывавшихся в то время стилистических формул, свойственных житийному жанру: «разгоряшеся Святымъ Духомъ сердце его»; «даръ Божий осѣни его»; «благодать Святого Духа освѣти сердце его» — все они свидетельствуют о божьей благодати, сошедшей на святого праведника.

Такой прием, как лексический повтор, часто применялся средневековыми книжниками для усиления смысла, он акцентирует внимание читателя на основном качестве главного героя. Несколько раз повторяющееся слово «блаженный», в том числе с префиксом «тре» усиливает мысль о святости князя. Повторяются не только слова в отдельности, но и синтаксические конструкции: «крести же ся самъ князь Володимеръ» — рефреном звучит описание главного действия — священного акта крещения.

Подводя итог сказанному, отметим следующие приемы создания образа Владимира в «Памяти и похвале»: ретроспективная историческая аналогия; использование многочисленных эпитетов, которые закрепляют за князем характеристику христианского правителя; глаголы и глагольные формы, характеризующие деяния героя; библейские цитаты; изображение оценки поступков князя божественными силами; использование молитвы и житийных формул для раскрытия чувств и мыслей князя; лексические повторы.

Проложное житие дошло до нас в нескольких редакциях, в данной работе речь пойдет о первом виде проложного жития, изданном по списку Спасо-Прилуцкого монастыря XIV века. Н.И. Милютенко предполагает, что «текст проложного жития восходит к первоначальной повести о крещении Владимира» [6]. Б.М. Клосс характеризует проложное Житие Владимира как «пересказ Повести временных лет, но с добавлением местных, киевских легенд и относит время его составления к третьей четверти XII века» [7. С. 200].

Следует отметить предназначение указанного жития. Пролог — славянский церковно-учительский сборник, содержащий краткие жития почитаемых святых, предназначенные для чтения во время службы, которые распределены по дням года [1]. Текст жития начинается с упоминания дня успеха князя Владимира.

Для изображения князя автор использует ряд способов. Первый — авторская характеристика, которая ведется с помощью различных приемов.

Прежде всего, как и в произведении Иакова, это эпитеты. Эпитет «блаженный» повторяет характеристику раннего памятника. Определениями «великий» (князь), «первый ходотай» подчеркнута заслуга князя в том, что он явился первым в русской земле искателем спасения для своего народа. С помощью указанных эпитетов средневековый книжник подчеркивает святость главного героя жития.

Владимир характеризуется также эпитетами «крестивший (землю Русскую)»; «просвѣщенъ бывъ (душею і тѣломъ)»; «отецъ»; «заступникъ»; «помощникъ»; «печалник і кормителъ»; «Господня апостолъ»; «святая» (главо); «вождю і оучитель нашъ»; «дѣлатель вѣры Христовы», которые подчеркивают значение личности и деятельности князя для Руси.

Разностороннюю характеристику Владимира содержит заключительная молитва-похвала князю. Святое дело князя, как и в тексте Иакова, приравнивается к апостольскому служению: «Како ты възможем по дѣстоянію похвалити, створшаго дѣло равно апостоламъ? Хвалить бо Римская земля Петра и Павла, Асія Богословца Іоана, Еюпетская Марка, Антиохіискаго Луку, Гречская Андрѣя, вся же Русская земля, тебе, князь Володимере, яко Господня апостола, молебными пѣсньми память твою празднующе, похвальныя вѣнца приносим ти» [6. С. 140]. Эта часть текста повторяет отрывок из похвалы Владимиру в «Слове о законе и благодати» Илариона, используя прием ретроспективной исторической аналогии.

В молитве перечисляются заслуги князя перед небесным миром и земным. Владимир называется учителем, избавителем от тьмы, честным древом рая, праведником святой веры Христовой, крестителем Руси, распространителем святых книг, по которым мужи и жены учатся праведной вере. В заслугу князю поставлено также то, что он вырастил первых русских святых: «*Радуіся*, святая главо, вождю і оучителю нашъ, іже ізбывше тмы, і свѣтъ познавшє; *радуіся* честное древо самого Рая, іже іспрасти намъ святыя лѣторасли, святая мученика Бориса и Глеба, от неюже нынѣ сынове русьсті насыщаются, приемлющимъ недугомъ ицѣленье; *радуіся*, дѣлателью вѣры Христовы, істерзавъ льстное тернєе із Руси, взоравъ крещеньемъ всю Русскую землю і насаевъ святыми книгами, от нихъ же жнють русьсті сынове полезныя руковати покаяньє. И друзи же ядятъ неоскудную пищу въ царствіи небесньмъ, ея же трапезы оуподобимся и мы, грѣшні і недостойні, кающєся о своіхъ согрѣшєніихъ» [Там же. С. 141]. В приведенном отрывке автор использовал развернутые метафоры. Это метафорическое сопоставление райского древа и его побегов с князем и его святыми сыновьями; крещения Руси с сельскохозяйственными работами, причем вторая метафора повторена позже Епифанием Премудрым в Житии Стефана Пермского. Кроме этого, появляется метафорическая антитеза тьмы и света как язычества и христианства, характерная для житийной литературы. В тексте используется анафорическое обращение «*Радуіся*», характерное для молитвословных текстов, которое способствует созданию ритмической организации фрагмента.

Второй способ — изображение князя через его деятельность. В первой части памятника пересказывается корсунская легенда. Вначале Владимир предстает язычником: «первое же къ ідоломъ много тшанье творя по отчю преданью». Далее повествуется о выборе веры. «І посла по вѣсѣмъ языкомъ, іспытая законы, како вѣрують». Владимир чувствует необходимость в церковных учителях, «идет» на Корсунь, выражает желание жениться на греческой царевне Анне, слепнет и, крестившись, прозревает, исцеляется.

Во второй части содержится антитеза действиям князя в прошлом, повествуется о его деятельности после крещения: «И пришедъ в Киевъ, изби вся идолы, і Перуна, Хурса, Дажьбога и Мокошь, и прочая кюмиры. По семь възва все множество люди, заповѣдавъ їмъ креститися, і нарекъ їмъ день, сиче рекъ: Аще кто не обрящется оутро на рѣцѣ, то будеть противень мнѣ» [Там же. С. 139]. Сведения о принятии крещения восходят к летописным текстам. Далее автор говорит о том, что князь молится Богу и просит заступничества за свой народ, просит защиты; строит храмы по русской земле.

Важным средством изображения Владимира служит оценка князя через восприятие его современниками. Велики дела князя — велика и утрата для людей, потерявших своего правителя. Автор описывает переживания народа о смерти князя, передавая его значение для различных групп подданных: «И плакася его все множество людї: бояре яко отца, люди яко заступника, сироты яко помощника, нищи і вдовици яко печалника і кормителя» [Там же. С. 140]. Эмоциональность текста подчеркивается ритмом, создающимся с помощью синтаксически параллельных конструкций, объединяющих однородные члены.

Из вышесказанного следует, что образ князя создается в первую очередь благодаря авторской характеристике, с использованием тропов, ретроспективной аналогии, риторических приемов, остальные способы дополняют основную.

Рассмотренные два памятника древнерусской литературы разделяет приблизительно столетие. Главный герой обоих повествований князь Владимир, центральное событие — крещение Руси. Цель Иакова Мниха — увековечить имя Владимира в сонме святых и убедить читателя в его святости; цель неизвестного автора — составить житие для чтения в церкви, следовательно, оно написано уже после канонизации князя. «Память и похвала», по мнению А.А. Шахматова, — компиляция, в составе которой содержится древнее житие, проложное житие представляет собой произведение уже оформившегося к тому времени жанра. Иаков Мних в своем повествовании опирается на киевскую легенду о крещении князя Владимира, неизвестный автор проложного жития в большей степени — на корсунскую.

В обоих текстах использована ретроспективная аналогия: в «Памяти» князь сравнивается с Константином, в проложном житии сравнение значительно распространяется, приводятся в пример пять стран и пять апостолов. Здесь же говорится о том, что память князя уже празднуется.

Основные различия заключаются в следующем. В «Памяти» множество глаголов указывают на собственное желание князя креститься, в проложном житии князь является избранником Божиим для апостольского служения, церковные традиции он перенимает у греков, затем болезнь и последующее исцеление убеждают его в правильности выбора. Согласно проложному житию, князь сомневается, выбирает, выполняет Божью волю, служит апостолом на Руси.

В «Памяти и похвале» описано отношение к князю небесного и земного мира, вселенская радость от того, что еще один заблудившийся и раскаявшийся грешник пришел к Богу. В проложном житии акцент сделан на исторических событиях. Описывается отклик на крещение только в земном мире: внутри государства и во взаимоотношениях с Византией.

Различны основные мотивы молитв князя. В «Памяти» она носит исповедальный характер, тогда как в проложном житии на первый план выходит просьба о заступничестве, князь молится о своем народе.

Из всего вышесказанного следует, что проложное житие больше подчинено житийному канону, но при этом использует летописные источники, подчеркивает статус Владимира как святого правителя, отсюда и выбор средств и приемов в изображении князя. «Память и похвала» — компилятивное произведение, не подчиняющееся канону какого-либо одного жанра, широко использующее средства художественной выразительности.

Литература

1. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб., 1997. Т. 1: XI–XII века. Далее указ. только стр.
2. Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://azbyka.ru/svyatost-kratkij-slovar-agiograficheskix-terminov#n35>
3. Словарь русского языка XI–XVII веков. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://nadpisi-dr-rusi.livejournal.com/3871.html>
4. Лихачев Д.С. Избранные работы. В 3 т. Человек в литературе Древней Руси; О «Слове о полку Игореве»; Литература-реальность-литература; О садах. Л., 1987. Т. 3. С. 370.
5. Библия // Российское Библейское общество, 2002.
6. Шахматов А.А. Жития князя Владимира: Текстологическое исследование древнерусских источников XI–XVI веков. СПб., 2014.
7. Кюсс Б.М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1.

«Приезжий во всем как-то умел найтись...» Хрисолог Ж.-Б. Руссо и Чичиков Н.В. Гоголя

© М. Ю. ОСОКИН,
кандидат филологических наук

В заметке разбирается эпиграмма Жан-Батиста Руссо «Хрисолог всегда высказывает свое суждение...» как возможный источник или образец известного фрагмента «Мертвых душ» Н.В. Гоголя о феноменальной способности Павла Чичикова поддержать любой разговор в обществе провинциального города N.

Ключевые слова: Ж.-Б. Руссо, эпиграмма, Гоголь, «Мертвые души».

The article focuses on Jean-Baptiste Rousseau's epigram «Chrysologue toujours opine...» as a possible source or a model of the fragment from N. Gogol's «Dead Souls» about a phenomenal ability of Pavel Chichikov to talk on any different subjects in the provincial town of N.

Keywords: Jean-Baptiste Rousseau, epigram, Gogol, «Dead Souls».

Судя по новейшему «Полному собранию сочинений» Н.В. Гоголя (2012), где собраны все сколько-нибудь значимые результаты интерпретаций поэмы «Мертвые души» [1], совсем без комментария остался пассаж о феноменальной способности Павла Чичикова поддержать любой разговор в обществе губернского города N: «Приезжий во всем как-то умел найтись, и показал в себе опытного светского человека. О чем бы разговор ни был, он всегда умел поддержать его: шла ли речь о лошадином заводе, он говорил и о лошадином заводе; говорили ли о хороших собаках, он и здесь сообщал очень дельные замечания; трактовали ли касательно следствия, произведенного Казенною Палатою — он показал, что ему

небезызвестны и судейския проделки; было ли рассуждение о билиартной игре — и в билиартной игре не давал он промаха; говорили ли о добродетели, и о добродетели рассуждал он очень хорошо, даже со слезами на глазах; о выделке горячего вина, и в горячем вине знал он прок; о таможенных надсмотрщиках и чиновниках — и о них он судил так, как будто бы сам был и чиновником и надсмотрщиком». Между тем, ему обнаруживается параллель с XXIX эпиграммой Ж.-Б. Руссо (Troisième livre des Épigrammes de J.-B. Rousseau):

Chrysologue toujours opine;
C'est le vrai Grec de Juvénal:
Tout ouvrage, toute doctrine
Ressortit à son tribunal.
Faut-il disputer de physique?
Chrysologue est physicien.
Voulez-vous parler de musique?
Chrysologue est musicien.
Qu'en'est-il point? Docte critique,
Grand poète, bon scolastique,
Astronome, grammairien.
Est-ce tout? Il est politique,
Jurisconsulte, historien,
Platoniste, cartésien,
Sophiste, rhéteur, empirique.
Chrysologue est tout, et n'est rien.

Ее подстрочник был опубликован в журнале «Ежемесячные сочинения»: «Хрисолог всегда дает свое мнение: Он настоящей Грек Ювеналов. Всякое дело, всякая наука от его рассуждения зависит. Надлежит ли рассуждать о Физике? Хрисолог Физик. Желаете ли вы говорить о музыке? Хрисолог музыкант. Он больше ничего? Ученой Критик, великой Стихотворец, доброй Схоластик, Астроном, Грамматик. Все ли? Он Политик, Юриспрудент, Историк, Платонист, Картезианец, Софист, Ритор, Емпирик; Хрисолог есть все, и ничто» [2].

«Ювеналов грек» — это отсылка к III Сатире Ювенала, обличавшего иноземцев, которые брались в Риме за множество работ: «Скажи, за кого ты считаешь / Этого мужа, что носит в себе кого только хочешь: / Ритор, грамматик, авгур, геометр, художник, цирюльник. / Канатоходец, и врач, и маг, — все с голоду знает / Этот маленький грек» (Ювенал. Сатиры. Книга I. Сатира III. Стихи 75–79. Пер. Д.С. Недовича). Эпиграмма Ж.-Б. Руссо была направлена на аббата Биньона (1666–1743), королевского библиотекаря Людовика XIV с 1718 года, члена французской Академии надписей [3], но со временем приобрела универсальный смысл

и цитировалась для характеристики «специалистов по всему» — людей, которые считают себя компетентными в разнообразных вопросах и обо всем высказывают свое мнение, черпая уверенность в невежестве. В переведенном А.Р. Воронцовым рассуждении из трактата маркиза д'Аржана «Философия здравого смысла» (La Philosophie du bon sens, 1737), эпиграмма цитировалась для «характеристики рода людей, которые рассуждают с большим знанием, но с таким же на себя надеянием», считают себя судьями всего разумного и «бессменными диктаторами ученого общества», при этом они «никогда ничего сами не писали и почитают себя за великих писателей», «говорят по-гречески, на котором языке и читать не умеют», и называют себя геометрами, «не разумея Евклидовых оснований» [2. С. 163]. Томас Холкрофт в «Путешествии из Гамбурга через Вестфалию, Голландию и Нидерланды в Париж» (1804) писал, что «многие французы убедительны в разговоре, при этом их запас не знаний, но невежества чрезвычайен», и прибавлял, что подобных людей охарактеризовал Ж.-Б. Руссо в этой эпиграмме [4]. Художник Анн-Луи Жироде-Триозон в стихотворной «Критике на критиков» (1807), направленной против людей, которые без оснований «считают себя знатоками искусства», вспоминает Хрисолога Ж.-Б. Руссо как пример «дурака, который мнит себя важным» и «рассуждает, обсуждает и судит ошибочно» об искусстве [5].

Гоголь мог увидеть эпиграмму Ж.-Б. Руссо в старом русском журнале или прочесть по-французски, на котором он, как известно из воспоминаний Н. Артынова, свободно читал, хотя говорил очень плохо. Ее склонил на русский лад В.А. Жуковский, заменив Хрисолога на Клима и переписав так, что она несколько менее выглядит как потенциальный гоголевский источник:

Для Клима все как дважды два!
Гораций, Ксенофонт, Бова<...>
О всем кричит, во всем знаток!
Судить о музыке начните:
Наш Клим первейший музыкант!
О торге речь с ним заведите:
Он вмиг торгаш и фабрикант!
Чего в нем нет? Он метафизик,
Платоник, коновал, маляр,
Статистик, журналист, бочар,
Хирургус, проповедник, физик,
Поэт, каретник, то и то,
Клим, словом, все! и Клим — ничто.

Н.Т. Пахсарьян, сравнив эпиграмму Жуковского «Для Клима все как дважды два...» с оригиналом, отметила, что сатира Руссо направлена «на тип светского человека, претендующего на универсальное знание, неопровержимое критическое суждение и тем самым утрачивающего

подлинную светскость, исключаящую педантизм». «Жуковский же рисует такой тип героя, который одновременно тщится быть и всё и всех знающим, и всё умеющим, потому абстрактные обозначения наук, которые были у Руссо, заменяются у него конкретными именами ученых. Например, не “астрономия” или “физика”, а “Лаланд” или “Мушенброк”. По этой причине его герой не только “платоник”, но и “коновал”, не только “поэт”, но и “каретник” и т.д.» [6]. Добавлю, что профессии «каретника» и «коновала» взяты Жуковским как прозаические антитезы высоким интеллектуальным занятиям, традиционно противопоставлявшимся, например Ф.И. Дмитриев-Мамонов в «Богословии» (1775) писал: «Но спроси каретника во время самой его работы, что такое душа? Он тебе скажет: она не стекло, не гвозди, не бархат; невозможно оную смерить на аршин, ни положить на весы; итак, не мое дело, скажет он, о том знать, ибо каретник не философ».

Структурно-синтаксическое сходство эпиграммы о Хрисологе с гоголевским фрагментом об успехах Чичикова несомненно: пассаж выглядит как эпиграмма Ж.-Б. Руссо, склоненная на провинциальные нравы. На первый взгляд кажется, что речь идет о разных вещах, и Гоголь не имел в виду, что Чичиков, рассуждая на какую угодно тему, плохо разбирается в том, о чем говорит. Смысл последней части этой фразы («как будто бы сам был и чиновником, и надсмотрщиком») раскроется позже, когда читатель узнает, что Чичиков был и тем и другим. Речь идет, скорее, об умении приспособливаться, найти подход к каждому собеседнику. Это, однако, не исключает в других случаях поверхностности суждений, подразумеваемой в случае с Хрисологом, смежным которому является другая эпиграмма Ж.-Б. Руссо — на болтуна, которого невозможно остановить («Habiller la fable en histoire...»). Читатель получает представление о темах, которые обсуждались в городе N., но не знает цены рассуждениям героя. О них свидетельствует другая сцена — едва завязавшийся спор Чичикова, вздумавшего было доказывать вред курения табака, с Маниловым, который привел в пример поручика, не выпускавшего трубки изо рта, но сохранившего превосходное здоровье после сорока лет, который завершается так: «Чичиков заметил, что это точно случается, и что в натуре находится много вещей, неизъяснимых даже для обширного ума».

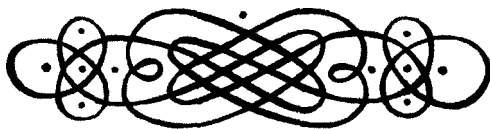
Успехи Чичикова — это успехи в провинциальном обществе, его способность напоминает «счастливый талант» пушкинского Онегина «без принужденья в разговоре коснуться до всего слегка», за который тот снискал от критиков звание «педанта». Онегин, в отличие от Хрисолога, умеет «хранить молчанье в важном споре» «и возбуждать улыбки дам огнем нежданных эпиграмм», после чего «свет решает, что он умен и очень мил». Подразумевалось, что понравиться в свете не требовалось большого ума, комментаторы спорили, что имелось в виду под «эпиграммами» — короткие стихотворения [7] или просто *бонмо*, в пользу второго вспоминали

о «подчеркнутой Пушкиным неспособности Онегина к стихотворству» [8]. Даже Фазиль Искандер считал стихи об эпиграммах и неумении отличить ямб от хорея «милым противоречием» [9], хотя, чтобы писать стихотворные эпиграммы, вовсе не обязательно различать размеры. Успехи как Онегина, так и Чичикова отсылают к сатирической традиции, связывающей умение произвести впечатление не с глубиной ума, а с искусством быть учтивым. Для успеха в свете важна способность не припомнить нужные факты, а вовремя остановиться в споре, не глубина суждений, а приятные манеры. Эти правила, сформулированные сначала в трактатах о придворных, перешли со временем в моралистическую литературу и сатиру. Если учитывать этот контекст— сатирические коннотации умения понравиться в обществе — эпиграмма Руссо Хрисологе не только по структуре, но и по смыслу окажется ближе к гоголевскому фрагменту о Чичикове, чем может показаться на первый взгляд.

Литература

1. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем. В 23 томах. Т. 7. Кн. 2. М., 2012.
2. Рассуждение о приятностях сообщества Переводил Александр Воронцов // Ежемесячные сочинения. 1757. Февраль. С. 164—165.
3. Oeuvres de J.B. Rousseau. Tome II. P., 1820. P. 318.
4. Travels from Hamburg, Through Westphalia, Holland, and the Netherlands to Paris. By Thomas Holcroft. In two volumes. Vol. II. London, 1804. P. 155.
5. [Girodet Anne-Louis]. La critique des critiques du salon yade 1806. P., 1807. P. 7, 25.
6. Французская поэзия в переводах В.А. Жуковского. Составление, предисловие и комментарии Н.Т. Пахсарьян. М., 2001. С. 216—217.
7. Бродский Н.Л. «Евгений Онегин». Роман А.С. Пушкина: Пособие для учителя. М., 1964. С. 46.
8. Лотман Ю.М. «Евгений Онегин». Комментарий // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб., 1995. С. 554.
9. Искандер Ф. Думающий о России и американец // Знамя. 1997. № 9. С. 17.

Москва

Н.В. Гоголь и Ф.М. Достоевский о богатырстве, учении Христовом и европейской цивилизации

© П. Л. ЧУЙКОВ

В статье говорится о влиянии Н.В. Гоголя на мироощущение молодого Ф.М. Достоевского, что позволяет выявить новые грани творческого диалога писателей и заполнить некоторые исследовательские лакуны проблемы «Гоголь–Достоевский».

Ключевые слова: Гоголь, Достоевский, «Выбранные места из переписки с друзьями», просвещение, прогресс.

The article reveals N.V. Gogol's influence on world perception young F.M. Dostoyevsky's, which allows to reveal new sides of creative dialogue of these writers and to fill some research lacunas of the «Gogol – Dostoyevsky» problem.

Keywords: Gogol, Dostoyevsky, «Selected passages from the correspondence with friends», education, progress.

«Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя вызвали огромный общественный резонанс вскоре после опубликования в 1847 году. Из всех полемических заявлений в адрес «Переписки» наиболее обсуждаемыми в обществе стали отзывы В.Г. Белинского, высказанные в журнале «Современник» и в письме к Гоголю, написанном из Зальцбрунна. Отношение Ф.М. Достоевского к «Выбранным местам» не было *однозначным*, нельзя определенно сказать, что в споре Белинского с Гоголем писатель был на стороне первого. Не приняв в книге Гоголя морализаторского тона автора, Достоевский на раннем этапе своего творчества полемизирует с Белинским, встав на сторону Гоголя. Это становится заметно, если рассмотреть, как Гоголь и Достоевский решали центральные мировоззренческие вопросы, так или иначе восходящие к религиозно-философской проблематике «Переписки»: человек — как «образ и подобие Божия»; смысл и задачи просвещения; религия — как путь усовершенствования мира; развитие христианской нравственности.

Одна из проблем, объединяющих автора «Выбранных мест» и Достоевского, автора «Петербургской летописи» (1847), — подвиг во имя высокой цели и связанный с ним идеал «богатырства». Гоголь пишет: «Всякое звание и место требует богатырства. Каждый из нас опозорил до того святиню своего звания и места (все места святы), что нужно богатырских сил на то, чтобы вознести их на законную высоту» [1. VIII.С. 291–292]. Достоевский отмечает: «...все хотят серьезного занятия, многие с жарким желанием сделать добро, принести пользу и начинают уже мало-помалу понимать, что счастье не в том, чтоб иметь социальную возможность сидеть сложа руки и разве для разнообразия побогатырствовать <...>» [2. XVIII.С. 30–31]. Г.М. Фридлендер считает, что так Достоевский «отдал предпочтение серьезной общественно-полезной деятельности <...>, противопоставив ее возможности эпизодически “побогатырствовать”» [3]. В этой фразе Достоевского заключен намек на известную притчу в «Мертвых душах» (1842), в которой автор показывает кроткого, философствующего отца семейства Ки́фа Мокиевича и его сына — сильного, плечистого Моки́я Ки́фовича. Для Гоголя идеалом русского человека было гармоничное сочетание в нем богатырства духа с богатырством внешней силы, поэтому он сожалеет, что герои притчи по пустякам используют небывалые умственные и физические возможности. О богатырстве как о подвиге во имя высокой цели, во втором томе поэмы Муразов скажет Чичикову: «...делайте добро насильно, без любви к нему. Вам это зачтется еще в большую заслугу, чем тому, кто делает добро по любви к нему. Заставьте <себя> только несколько раз, — потом получите и любовь. Поверьте, все делается. Царство нудится, сказано нам. <...> Эх, Павел Иванович, ведь <у> вас есть эта сила, которой нет у других, это железное терпенье — и вам ли не одолеть? Да вы, мне кажется, были бы богатырь» [VII. С. 114]. Возможно, так проблема человека как «образа и подобия Божия», поставленная Священным Писанием, актуализируется Гоголем и, вслед за ним, Достоевским.

Следующий аспект творческого диалога писателей — проблема «просвещения» в трактовке Гоголя и Достоевского. С Белинским создателя «Бедных людей» объединяло отрицательное отношение к крепостному праву и телесным наказаниям, вера в прогресс, правовые институты и демократические свободы, идея социалистического переустройства общества. Иных убеждений придерживался Гоголь, что отмечено И.П. Золотусским: «...для него просветить человека значило не только образовать его ум, дать ему сведения о новейших знаниях и сами знания, но и “просветлить” его *всего* — то есть сочетать образование с уважением к “небесному закону”. Поэтому столь туманно звучало для него общее слово “прогресс»» [4]. Летом 1847 года Гоголь пишет в одной из редакций письма Белинскому: «Вы говорите, что спасенье России в европейской цивилизации. <...> Хотя бы вы определили, что такое нужно разуметь под именем европейской цивили<зации>, которое бессмысленно повторяют все. Тут <...> все друг друга готовы съесть, и все носят такие разрушающие, такие уничтожающие начала, что уже даже трепещет в Европе

всякая мыслящая голова <...>» [XIII.С. 438]. В отличие от Белинского, Гоголь считал европейский путь прогресса обманчивым, призрачным; революционную борьбу — разрушением; просвещение — прежде всего «просветлением» душ каждого, а уже потом знанием как таковым, образованием в смысле постижения наук [5]. Е.Е. Дмитриева раскрывает сложное отношение Гоголя к просвещению. Писатель рассматривал два окказиональных синонима: цивилизация и просвещение. Производное от французского слова *civilisation* Гоголь воспринимал с его материальными коннотациями, а производное от русского слова просвещение — с его значениями духовными [6]. Гоголю было ближе второе толкование.

Скорее всего, этой же точки зрения придерживается и Достоевский. Молодой писатель начинает посещать собрания у М.В. Петрашевского, куда входили неоднородные по своим взглядам «вольнодумцы», занимавшиеся изучением и пропагандой социально-утопических идей XIX века. В показаниях по делу петрашевцев в 1849 году Достоевский скажет: «На Западе происходит зрелище страшное, разыгрывается драма беспримерная. <...> Самые основные начала общества грозят каждую минуту рухнуть и увлечь в своем падении всю нацию. <...> Это тот самый край, который дал нам науку, образование, цивилизацию европейскую; такое зрелище — урок!» [XVIII.С. 122]. Достоевский признает западные достижения, но, оглядываясь на печальный опыт революции во Франции, подобно Гоголю, видит опасность для будущего всей Европы.

Расхождения Гоголя и Белинского в понимании прогресса, цивилизации и просвещения привело к разнице в их идейно-политических пристрастиях, в способах решения проблем социального неблагополучия. В «Переписке» Гоголь указывал на недостатки и на основательность выводов представителей разных направлений, западников и славянофилов: «...правды больше на стороне славянистов <...> и на стороне европейстов и западников тоже есть правда» [VIII.С. 262]. Солидаризуясь с Белинским в решении проблемы переустройства мира, Достоевский занимает особое место в стане западников — ему близки и некоторые убеждения славянофилов. На следствии Достоевский покажет: «...неужели обвинят нас, которым дали известную степень образования, в которых возбудили жажду знания и науки, — неужели обвинят нас в том, что мы имели столько любопытства, чтоб говорить иногда о Западе, о политических событиях, читать современные книги, приглядываться к движению западному <...>» [XVIII.С. 122]. Опираясь на исторические факты, Достоевский говорит о том, что у России свой, отличный от европейского путь развития: «Там несколько столетий, более тысячелетия, длилась упорнейшая борьба общества с авторитетом, основавшимся на чуждой цивилизации завоеванием, насилием, притеснением. А у нас? И земля-то наша сложилась не по западному!» [Там же.С. 123]. В этой фразе слышны отголоски утопического учения славянофилов о «мирном», «ненасильственном» призвании варягов на Русь и вытекающем из этого факта якобы «народном» характере самодержавной власти, «отеческом правлении» на Руси, — одной из любимых идей автора «Выбранных мест».

Достоевский во многом безоговорочно принимал суждения Белинского, спустя годы в «Дневнике писателя» (1873) он вспоминал, что критик с момента их знакомства стал обращать его в свою веру: «Я застал его страстным социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма. <...> я страстно принял всё учение его» [XXI. С. 10–12]. Хотя идеалом для Достоевского по-прежнему остается Христос: «...сияющая личность самого Христа, с которою всего труднее было бороться. Учение Христово он (Белинский — П. Ч.), как социалист, необходимо должен был разрушать, называть его ложным и невежественным человеколюбием, осужденным современною наукой и экономическими началами; но все-таки оставался пресветлый лик богочеловека, его нравственная недостижимость, его чудесная и чудотворная красота» [Там же. С. 10]. Л.П. Гроссман уточняет, что «для молодого Достоевского социализм не путь к революции, а только новая нагорная проповедь или призыв к братству в царстве всеобщей войны за власть и деньги. Утопический социализм сравнивался его вождями с христианством и стремился лишь к обновлению древнего учения в духе современных запросов цивилизации» [7. С. 75]. Белинский в 1840-е годы был сторонником социализма, но, читая труды Прудона, Фурье, он не предполагал применить их в своем отечестве. Ю.В. Манн отмечает, что после поездки по России в 1846 году и последующей поездки за границу «социалистическая перспектива сохранялась Белинским в самом общем виде как идея более гуманного общественного строения, но сохранялась вне насильственной и преждевременной детализации, без учитывания будущего и навязывания ему априорных идеалов» [8. С. 111]. О несовершенстве социалистической теории скажет и Достоевский на следствии: «Социализм — это наука в брожении, это хаос <...>, хотя, как мне кажется, из теперешнего хаоса выработается впоследствии что-то стройное, разумное и благотворное <...>» [XVIII. С. 162]. Отвергнув в ссылке *утопический* социализм, Достоевский не откажется совсем от социалистических убеждений, а станет трактовать их, опираясь на учение Христа.

Белинский в письме к Гоголю основные насущные проблемы России изложил так: «...уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть» [9. С. 388]. В одной из редакций ответного письма в июле — августе 1847 года Гоголь пишет: «Кто же, по-вашему, ближе и лучше может истолковать теперь Христа? Неужели нынешние ком<м>унисты и социалисты, [объясняющие, что Христос по]велел отнимать имущества и гра<бить> тех, [которые нажили себе состояние?]>» [XIII. С. 440]. Отношение Гоголя к социализму было стойко отрицательным. У Белинского оно эволюционировало, поэтому Гоголь не совсем прав, адресуя критику свой вопрос. Ю.В. Манн подчеркивает: «Белинский действительно истолковывал Христа в духе христианского социализма: “Он первый возгласил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения”». Но идеи экспроприации и вообще насилия с учением не связывались; время, когда Белинский видел орудие прогресса

в робеспьеровских действиях, было уже в прошлом» [8. С. 113]. Видимо, Достоевский, как и Гоголь, не заметил этой перемены в убеждениях критика. В 1873 году, в беседе с Вс. Соловьевым, Достоевский так охарактеризовал Белинского, опасные мысли которого могли превратиться в дело: «...натура простая, цельная, у которой слово и дело вместе. Другие сто раз задумаются, прежде чем решиться, и все же никогда не решаются, а он нет. <...> в последнее время, все больше и больше разводится таких натур: сказал — и сделал, <...> застрелю — и застрелил» [10]. В подтверждение такой оценки Достоевского приведем слова самого Белинского о себе из письма к Гоголю: «Я не умею говорить вполтину, не умею хитрить: это не в моей натуре» [9. С. 394]. Для Гоголя между радикализмом Белинского и либерализмом христианских утопистов большой разницы не было, ибо проповедь социального равенства рано или поздно должна была привести к грабежу богатых сословий. Автор «Выбранных мест» предвидел будущие революции в Европе 1848–1849 годов: «...скоро поднимутся снизу такие крики, именно в тех с виду благоустроенных государствах, которых наружным блеском мы так восхищаемся <...>» [VIII.С. 343–344]. Видимый, внешний прогресс совсем не подразумевает духовный рост общества, «просветление» душ.

В то же время многие петрашевцы называли себя социалистами. Е.И. Анненкова подчеркивает, что «Гоголь распознает <...> коварную парадигму Нового времени: сведение в одной плоскости Христа, христианского учения и социалистических теорий. <...> С одной стороны, принципиальным является тезис о том, что социализм не есть изобретение новейшего времени, а, как пишет М.В. Петрашевский, <...> “первые христиане были социалистами по чувству”. С другой стороны, встречается неоднократно утверждение, что “нравственность, проповедуемая религиями, <...> слишком неопределенна” и ничего не может сделать полезного» [11. С. 404–405]. Гоголь считал принципиально важной духовную работу личности, необходимость преобразовать сначала человека, как «единицу» общества, поэтому летом 1847 года он пишет Белинскому: «О<д>ни думают, [что] преобразованиями и реформами <...> можно поправить мир; другие думают, что посредством какой-то особенной, довольно посредствен<ной> литературы <...> можно подействовать на воспитание общества. Но благосостояние общества не приводит в лучшее состояние ни беспорядки, ни [пыльные головы]. <...Обществ>во образуется само собою, общес<тво> слагается из единиц» [XIII.С. 443]. Гоголь был сторонником постепенных, продуманных изменений, считал, что каждый должен начать преобразование общества с себя, а не с попытки радикальных преобразований государственного и социально-экономического уклада. Достоевский не отказывается от понимания прогресса в духе Белинского, с его европейскими нормами демократии, защитой интересов личности от государства, но, возможно, уже в 1840-е годы Достоевский в основу прогресса ставит развитие нравственности, понимая ее в свете христианских норм этики, сближаясь в этом с Гоголем. Позже в «Дневнике писателя» он скажет о рабстве человека перед своими прихотями: «Делая человека

ответственным, христианство признает тем самым и свободу его. Делая же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, до мерзейшего рабства <...>» [XXI. С. 16]. В 1870-е годы эти два полюса сознания Достоевского – христианская и общественная модель прогресса – находятся в непримиримом контрасте.

Е.И. Анненкова отмечает, что петрашевцы не планировали революционного переворота, их деятельность – «процесс движения мысли, интеллектуальный поиск новых жизненных вариантов “огорченными” молодыми людьми» [11. С. 405]. Однако на Достоевского сильное впечатление своей прямой произвел запретное письмо Белинского к Гоголю, публичное чтение которого послужило причиной ареста Достоевского. На следствии Достоевский характеризует его в целом как пример бездоказательности, становясь в этом бескомпромиссном споре на сторону Гоголя: «Письмо Белинского написано слишком странно, чтоб возбудить к себе сочувствие. Ругательства отвращают сердце, а не привлекают его; а все письмо начинено ими и желчью написано. Наконец, вся статья образец бездоказательности <...>» [XVIII. С. 126–127]. Тем не менее, Достоевский остается до конца объективным и ни к кому открыто не присоединяется: «...эта переписка – довольно замечательный литературный памятник. И Белинский и Гоголь – лица очень замечательные» [Там же. С. 127]. Хотя прямо и правдиво говорит о своих эстетических разногласиях с критиком: «Он с большой страстностью возражал мне, что отвлеченная, в себе самой замкнутая красота не нужна голодному, нищему, трудящемуся человечеству. Помнится, я возражал ему, что искусство, как воздух и солнце, нужно всем и всегда именно потому, что оно вернее всех прочих средств способно объединить людей высшею творческою радостью» [7. С. 145]. Писатель и критик по-разному понимали задачи художника и назначение искусства. Достоевский видел в нем, прежде всего, красоту духовную, вечную – как главную потребность для человека, сокровище для его души.

Объективно оценивая взгляды Белинского на задачи искусства и его атеистические убеждения, Достоевский отвергает их. Возможно, именно тогда, анализируя спор Белинского с Гоголем, Достоевский понимает, что сам нуждается в идейном взаимодействии с Гоголем. Автор «Переписки» поднимает проблему духовных оснований жизни человека и веры в Христа – считает, что нравственному преображению общества прежде всего способствует церковь: «В ней заключено всё, что нужно для жизни истинно русской, во всех ее отношениях, начиная от государственного до простого семейственного, всему настрой, всему направленье <...>» [VIII. С. 283–284]. Будучи человеком верующим, Достоевский остро реагирует на наметившиеся противоречия в отношениях с Петрашевским, который называл Христа «демагогом», неудачно кончившим карьеру [12]. Согласно же тонкому наблюдению С.Н. Булгакова, «любовь ко Христу в Достоевском <...> тверже и несомненное даже, чем сама вера в него» [13]. Получается, что Достоевский входил в кружок

Петрашевского формально, но идейно, особенно в вопросе веры, оставаясь ему чуждым. Об этом говорят показания Достоевского на следствии: «Это одно из таких знакомств моих, которым я не дорожил слишком много, не имея схождения ни в характере, ни во многих понятиях с Петрашевским. И потому я поддерживал знакомство с ним ровно настолько, насколько того требовала учтивость <...>» [XVIII.С. 117]. Взгляды Белинского на личность Христа были близки к взглядам русских социалистов. Это отмечает Гоголь в своем ответе Белинскому, который мы приводили. Как пишет Е.И. Анненкова, для Гоголя в деятельности петрашевцев было неприемлемым их убеждение в невозможности с помощью религии усовершенствовать как одного человека, так и человечество в целом; вера в прогресс; следование идеям Фурье и желание освободить подавленные страсти [11. С. 402]. Убеждение петрашевцев в невозможности усовершенствовать человечество с помощью религии было неприемлемо и для Достоевского — в этом они с Гоголем, безусловно, сходились.

Возможно, участие в собраниях Петрашевского помогло Достоевскому быстрее отдалиться от Белинского и ближе примкнуть к Гоголю. Ибо петрашевцы довели до крайности многие западнические взгляды Белинского, которым Достоевский поначалу сочувствовал. Они помогли ему увидеть опасное развитие этих взглядов. Как отмечает Е.И. Анненкова: «У Гоголя речь идет об основании “общества гражданского на чистейших законах христианских”, у Петрашевского начало социализма возведено к Христу: “С тех пор как был проречен Христом догмат любви к ближнему, социальные стремления, скрывавшиеся в природе человеческой, получили для себя внешнее выражение, формулу, лозунг”. Однако в другом тексте находим: “... по словам известного демагога Христа”» [Там же. С. 408].

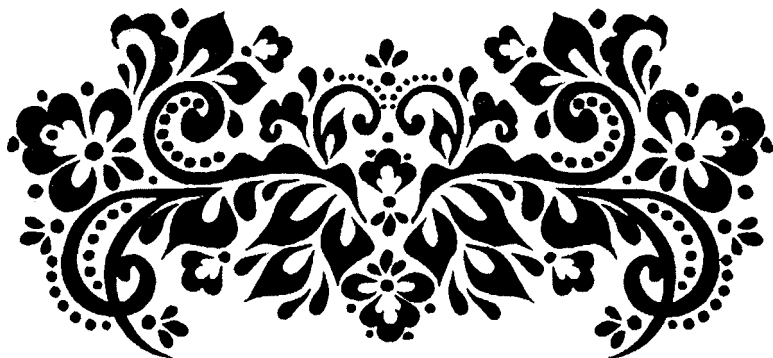
Следует уточнить, что В.И. Даль в середине XIX века зафиксировал следующее значение слова «демагог» — «крайний демократ, добывающийся власти во имя народа; тайный возмутитель; поборник безначалия, желающий ниспровергнуть порядок управления» [14]. Соответственно слово «демагогия» имело значение, близкое по смыслу современной трактовке слова «демократия», — «господство власти народа, черни в управлении; народовластие» [Там же]. Возможно, в понимании Петрашевского слово «демагог» не имело того негативного оттенка, с которым мы воспринимаем его сейчас, называя так человека, создающего себе популярность недостойными средствами: искажением фактов или лезть.

Итак, оценка Достоевским творчества Гоголя во второй половине 1840-х годов выглядит весьма противоречиво из-за специфики еще не устоявшегося мировоззрения Достоевского как человека, вступающего на поприще писателя, занятого поиском своей дороги в литературе, но одновременно равняющегося на Гоголя как на старшего наставника. Можно зафиксировать неустойчивое балансирование мировоззрения начинающего писателя между двумя противоположными системами ценностей: Белинского, с его верой в прогресс и европейскую демократию, и позднего Гоголя, автора

«Выбранных мест», утверждающего приоритет духовного роста, внутреннего «просветления» человека. Среди религиозно-философских проблем, актуальных для мировоззрения позднего Гоголя, Достоевского волнуют следующие: духовное подвижничество во имя высокого идеала; религия как путь усовершенствования мира; развитие христианской нравственности. Эта проблематика вступает в сложное взаимодействие с ценностями европейской цивилизации, неутомимым пропагандистом которых был Белинский. Следование этим ценностям приводит Достоевского в стан петрашевцев. Однако, столкнувшись с их неуважением к вере и образу Христа, Достоевский начинает понимать опасность социалистических взглядов, и сближается с Гоголем в главном — в убеждении, что в вопросах преобразования общества «религиозное» воспитание должно получить приоритет перед воспитанием «гуманистическим», что «человек разумный» только тогда достигнет подлинного «просветления», когда его «разум» будет освещен следованием заветам Христа.

Литература

1. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. В 14 т. М.; Л., 1937–1952. Далее указ. только тома (римскими цифрами) и стр. (арабскими цифрами).
2. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1972–1990. Далее указ. только тома (римскими цифрами) и стр. (арабскими цифрами).
3. Фридлендер Г.М. Примечания: Петербургская летопись // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1978. Т. 18. С. 219–220.
4. Золотусский И.П. Гоголь (ЖЗЛ. Серия биографий). М., 2009. С. 378.
5. Воропаев В.А. Прелесть и просвещение у А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя // Русская речь. М., 2011. № 3. С. 80–83.
6. Дмитриева Е.Е. Как Гоголь относился к понятию «цивилизация» и действительно ли он не любил просвещение? // Дмитриева Е.Е. Гоголь в западноевропейском контексте: между языками и культурами. М., 2011. С. 243–270.
7. Гроссман Л.П. Достоевский (ЖЗЛ. Серия биографий). М., 1965.
8. Манн Ю.В. Гоголь. Завершение пути: 1845–1852. М., 2009.
9. Белинский В.Г. Письмо к Н.В. Гоголю (15 июля н.с. 1847 г. Зальцбрунн) // Русская критика от Карамзина до Белинского. М., 1981.
10. Соловьев Вс. Воспоминания о Ф.М. Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 203–204.
11. Анненкова Е.И. Гоголь и русское общество. СПб., 2012.
12. Селезнев Ю.И. Достоевский. М., 1981. С. 130.
13. Булгаков С.Н. Русская трагедия // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов. М., 1990. С. 195.
14. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. СПб.; М., 1880. Т. 1. С. 438.

Именование юродивых в произведениях Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова

© С.А. СКУРИДИНА,
кандидат филологических наук

© В.В. ВЯЗОВСКАЯ,
кандидат филологических наук

Статья посвящена вопросу именования персонажей юродивых в творчестве Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова. Феномен юродства в мировой культуре был интересен данным классикам XIX века и нашел свое отражение в их произведениях. Рассмотренные персонажи – юродивые – относятся к категории второстепенных и несут в себе характерные черты духовно-социальной сферы российского общества, современниками которого были оба писателя. Проведенный анализ структуры антропонимикона героев избранных текстов Достоевского и Лескова показал, что имена юродивых являются семантически значимыми и отражают реальный именник эпохи.

Ключевые слова: ономастика, антропоним, Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков, юродивый, принципы имянарения.

The article focuses on the problems of naming strategy of the characters of holy fools in the works of F.M. Dostoevsky and N.S. Leskov. These classics of the XIX century was interested in the phenomenon of foolishness in world culture and reflected it in their works. The analysed characters – holy fools – belong

to the secondary category and reflect the characteristic features of the spiritual and social sphere of Russian society, contemporaries of which both writers were. The analysis of the anthroponymic structure of the heroes of the selected texts of Dostoyevsky and Leskov has shown that the names of holy fools are semantic and reflect the real name of the epoch.

Keywords: Onomastics, anthroponym, F.M. Dostoyevsky, N.S. Leskov, fool in Christ, naming strategy.

Личные и творческие отношения Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова были сложными и противоречивыми. В своей книге об отце А.Н. Лесков говорит о неприязни между писателями и не упоминает об их положительных отзывах друг о друге. На наш взгляд, в мировоззрении Достоевского и Лескова есть одно объединяющее их обстоятельство — это восприятие имени. Интерес к собственным именам обозначен Лесковым в статье «О русских именах», опубликованной в 1883 году и рассматривающей возможный переход имен собственных в нарицательные в связи с чрезмерной повторяемостью некоторых имен, а также поднимающей вопрос о возвращении в русский именник славянских имен таких, как Ярослав, Добрыня, Светозар [1]. Эту же проблему затрагивает писатель в более поздней статье, посвященной «Календарю графа Толстого» [2]. В.А. Савостьянова, дочь А.М. Достоевского, вспоминает особенное отношение к выбору имени Достоевским: «По поводу имени этого нашего первого ребенка — сына, которого мы назвали Андреем, — он нас пожурил... “Не Андреем он должен называться, а Константином, в честь отца мужа. В русском быту так ведется”. — “Но дядя, — возражала я, — ведь его отец умер, а мы дали имя в честь моего отца, который жив”. Он только ласково улыбнулся, но не уступил» [3].

Важность имен собственных для Достоевского и Лескова подтверждается текстами их произведений, герои которых получают семантически значимые имена. В настоящей работе мы остановимся на антропонимах персонажей, относимых к юродивым.

Юродство как феномен мировой культуры издавна привлекает внимание исследователей. В некоторых работах представлен поиск истоков данного явления [4], в других — исследуется специфика русского юродства, выявляются отличия юродства от скоморошества и шутовства [5], выясняются особенности природного и добровольного юродства [6].

Неоднозначно понимание юродства как Достоевским, так и исследователями его творчества. По мнению Л.И. Сараскиной, юродством можно назвать «экстраординарное состояние духа человека, дерзающего сказать то, о чем другие молчат» [7]. Е.П. Гурова говорит о новаторской диалектичности образов юродивых у Достоевского, которая проявляется на разных уровнях — культурном, содержательном и композиционном [8]. Как верно замечает В.В. Иванов, «образ юродивого важен для Достоевского,

поскольку воплощает народные представления о православии и идее Христа» [9].

Разные трактовки понятия юродства позволяют отнести к юродивым князя Мышкина, Маркела, Зосиму и других, но в рамках данной работы мы остановимся на именах юродивых, образы которых близки у Достоевского и Лескова.

Лизавета Смердящая — один из персонажей романа Достоевского «Братья Карамазовы», который однозначно рассматривается исследователями в числе юродивых. В первую очередь, необходимо отметить автобиографизм образа Лизаветы Смердящей, о котором упоминает брат писателя А.Ф. Достоевский: «... не могу не упомянуть о дурочке Аграфене. В деревне у нас была дурочка, не принадлежавшая ни к какой семье, она все время проводила, шляясь по полям, и только в сильные морозы зимой ее насильно приючивали в какой-либо избе. Ей уже было тогда лет двадцать-двадцать пять; говорила она очень мало, неохотно, непонятно и несвязно; можно было только понять, что она вспоминала постоянно о ребенке, похороненном на кладбище. Она, кажется, была дурочкой от рождения и, несмотря на свое такое состояние, претерпела над собой насилие и сделалась матерью ребенка, который вскоре умер. Читая впоследствии в романе брата Федора Михайловича “Братья Карамазовы” историю Лизаветы Смердящей, я невольно вспоминал нашу дурочку Аграфену» [10].

Отказ от реального имени, носитель которого является прототипом художественного образа, — типичный прием в творчестве Достоевского. Имя — это идея образа, поэтому к его выбору писатель подходил с особой тщательностью. Юродивой в романе «Братья Карамазовы» необходим был такой антропоним, который мог бы ярко и лаконично охарактеризовать не только саму героиню, но и ее сына. Причастие *смердящая*, ставшее прозвищем юродивой, восходит к глаголу *смердеть* «вонять, испускать смрад, зловоние, отвратительный, вонючий запах: Холопа, как ни мой, он все смердит» [11. Т. 4. С. 232]. Показательно, что глагол *смердеть* полисемантичен, если рассматривать другую ступень вокализма: *смород* — от греч. *дорбосоо* «делать черным, покрывать сажей, копотью» [12]. Как видим, прозвище юродивой актуализирует специфическую черту юродивых — нечистоплотность, которая является и причиной зловонности. Но интересна синонимичность прозвища *Смердящая* и фамилии *Карамазов*, которая уже на именном уровне обусловила связь между Федором Павловичем Карамазовым и юродивой Лизаветой Смердящей, ведь *карамазый* «черномазый, чернявый, смуглый» (*кара* — татар. «черный») [11. Т. 2. С. 90]: «Здравствуйте, садитесь, господин Черномазов, — проговорила она (Снегирева — С.С., В.В.). — Карамазов, маменька, Карамазов<...>. — Ну Карамазов или как там, а я всегда Черномазов...» [13. Т. XIV. С. 184].

Как известно, прозвище юродивой Лизаветы было использовано при создании фамилии для ее сына, *Смердяков*, которую принято связывать с лексемой *смерд* — м. стар. «человек из черни, подлый (родом), мужик, особый разряд или сословие рабов, холопов, позже крепостной» [11. Т. 4. С. 232]. Но производящей основой фамилии является существительное *смердяк* — нечто зловонное, например, народное название рябины — *смердяк*. Таким образом, фамилия *Смердяков* непосредственно связана с запахами, что отмечено в работе Л. Карасева: «Смердяков был поваром, то есть имел прямое отношение к запаху» [14]. Многие номинации Смердякова раскрывают значение его фамилии: «иезуит смердящий» [Т. XIV. С. 119], «смердящая шельма» [Т. XV. С. 51], «смердящий пес» [Там же. С. 30], «Смердящий, сын Смердящей» [Там же].

Имя юродивой — *Лизавета* — имеет определенные коннотации в творчестве Достоевского, реализованные в последнем романе «Братья Карамазовы». В романе «Бесы» о «блаженной Лизавете» рассказывает Марья Тимофеевна Лебядкина: «А Лизавета эта блаженная в ограде у нас вделана в стену, в клетку в сажень длины и в два аршина высоты, и сидит она там за железною решеткой семнадцатый год, зиму и лето в одной посконной рубаше и всё аль соломинкой, али прутиком каким ни на есть в рубашку свою, в холстину тычет, и ничего не говорит, и не чешется, и не моется семнадцать лет. Зимой тулупчик просунут ей да каждый день корочку хлеба и кружку воды. Богомолыцы смотрят, ахают, вздыхают, деньги кладут» [Т. X. С. 116].

Достоевский помещает на страницах романа обсуждение проблемы, актуальной и для современных исследователей: кого считать юродивым? Мать-игуменя монастыря, в котором пребывала Лебядкина, считает, что «Лизавета с одной только злобы сидит, из одного своего упрямства, и всё одно притворство» [Там же].

Еще одна Лизавета, образ которой предшествовал обоим указанным Лизаветам, — это сестра старухи-процентщицы в романе «Преступление и наказание». Достоевскому важно было обратить внимание читателя на имя этой героини, в связи с чем в романе говорится: «убил тоже сестру ее, торговку, по имени Лизавету» [Т. VI. С. 377]. Имя *Лизавета* (*Елизавета*) в переводе с еврейского означает «почитающая Бога». Лизаветин крестик Соня Мармеладова берет себе, ведь считается, что вещи юродивых или вещи, которые они держали в руках, обладают особой силой.

Относительно рассмотренных образов трех Лизавет необходимо отметить инфантилизм, который можно найти как в портретном описании, так и в поступках. Лизавета Ивановна была «как ребенок малый» [Т. VI. С. 51], Лизавета Смердящая «была очень малого роста девка, “двух аршин с малым”» [Т. XIV. С. 80], относительно роста Лизаветы блаженной мы можем только догадываться, основываясь на упоминании тех же двух аршин, но по отношению к высоте клетки: «А Лизавета эта блаженная

в ограде у нас вделана в стену, в клетку в сажень длины и в два аршина высоты» [Т. X. С. 116].

В связи с последним интересно наблюдение Свидригайлова относительно лица девочки, предложенной ему в невесты: «А знаете, у ней личико вроде Рафаэлевой Мадонны. Ведь у Сикстинской Мадонны лицо фантастическое, лицо скорбной юродивой, вам это не бросилось в глаза?» [Т. VI. С. 369]. Подобное восприятие Мадонны объясняет мотив материнства юродивых в произведениях Достоевского: в романе «Преступление и наказание» «Лизавета поминутно была беременна...» [Там же. С 54]; Лизавета Смердящая, забравшись в баню Карамазовых родила младенца [Т. XIV. С. 89]. О материнстве Лизаветы Блаженной в романе «Бесы» нет упоминания, вероятно, потому, что данный факт писатель связал с образом рассказывающей о ней Марьи Тимофеевны Лебядкиной, которую многие исследователи также относят к юродивым [8, 15, 16], а М.С. Альтман соотносит данный образ с реально существовавшей юродивой Марией Ивановой, «тоже хромой, взятой из богадельни» [17]. На наш взгляд, образ Хромоножки сложен и многогранен, а выбор имени мотивирован не только ее принадлежностью к юродивым героям [18], поэтому мы не будем в данной работе подробно на нем останавливаться, а отметим стремление Достоевского к реалистичности при создании ономастиконов: у каждой юродивой есть прозвище, придуманное в народе и отмечающее какую-либо яркую деталь в поведении или во внешности — Лизавета Смердящая, Лизавета Блаженная и Хромоножка, причем прозвище Лебядкиной употребляется даже в отрыве от имени.

Удивительно, но у Лескова, относившего в своем творчестве к числу юродивых и дурочек, и божьих людей, и чудаков, и праведников, встречается образ, коррелирующий с образом Лизаветы Смердящей: в романе «Соборяне» протопоп упоминает в своем дневнике о некой дурочке по имени Настя: «на грядах некая дурочка Настя, обольщенная проходящим солдатом, родила младенца и сама, кинувшись в воду, утонула» [19. Т. 4. С. 35]. Имя *Настя* восходит к греч. *Анастасисос*: *анастасис* «возрождение, воскрешение» [20. С. 350]. Мальчик, рожденный дурочкой Настей, носит «говорящее» имя *Молвоша*, однокоренное с глаголом *молвить* и существительным *молва*, одно из значений которого «говор, слух, наслух, намолячка, слава, народные толки или ходячие вести» [11. Т. 2. С. 340–341]. Вероятно, имя *Молвоша* — это своеобразный упрек ребенку в его неизвестном, возможно, «темном» появлении на свет: каждый из жителей Старгорода может молвить о нем свое слово, а точнее — о его незаконном происхождении, ведь его юродивая мать утопилась и, к тому же, ничего неизвестно о его отце [21. С. 65–67]. Недоучку духовного звания, взявшего себе на воспитание незаконнорожденного Молвошу, автор называет чудаком: Константин Пизонский — «чудак», человек, «осмеянный за свое убожество», он своего рода юродивый в глазах всего Старгорода [19. Т. 4.

С. 24, 35]. Уместно здесь и определение *нагий*, упомянутое в характеристике Пизонского [Там же. С. 24], — «нагота — это одна из важных примет юродства <...> обнажаясь, юродивый надевает “белые ризы нетленной жизни”» [5. С. 92]. Фамилия *Пизонский*, вероятно, образованная от фр. *pigeon* «голубь», входит в именник духовнослужителей и имеет кальку — *Голубинский* < голубь / *Пизонский* < *pigeon*. Отметим, что для духовенства были характерны фамилии, образованные от названий животных, в частности — птиц. Так, П.М. Бицилли замечает по этому поводу: «Нет, кажется, породы птиц, которая не дала бы начала одной, а то и нескольким фамилиям. В духовенстве из птичьих фамилий наиболее распространены такие, которые ведут свое начало от птиц чем-либо импонирующих — Орла, Голубя, Лебедя. Семинарский обычай давать воспитанникам символические имена известен» [22]. В традиции русского фольклора культ семьи, нежность к детям тесно связаны с образом голубя: «Народ глубоко чувствует нравственные качества голубей, каковы любовь голубя к голубке и общая нежность к детям. Именно эти предполагаемые “семейные” добродетели голубя определили собою его место в русском фольклоре» [Там же]. Прозвище Пизонского — *дядя Котин* — образовано от его имени *Константин*. Любопытно, как вскрывается семантика имени Пизонского — *Константин* — из лат. *Константинус*: *констанс* «постоянный» [20. С. 212]: «А на что нам новое? — ответил Пизонский. Все у нас есть <...> без новостей сидим как в раю <...> чего еще лучше, как жить в такой тишине и в ней все окончить» [19. Т. 4. С. 90–91]. Таким образом, выбор фамилии персонажа определяется религиозной и фольклорной традициями.

Эмблематично обращение и Достоевского, и Лескова к фигуре Ивана Яковлевича Корейши, который был в числе наиболее известных в середине XIX века в России юродивых, описанных И. Прыжовым в книге «26 московских лже-пророков, лже-юродивых, дур и дураков» [23].

Как указывает А. Шамаро, «фамилия Ивана Яковлевича — Корейша — явно не русская, скорее всего, польская. Не исключено, что в “скорбном листе” (истории болезни), заведенном в октябре 1817 года на нового обитателя Преображенской больницы, она записана была не совсем точно. Так, в книге доктора медицины Н.Н. Баженова, главного врача Преображенской больницы и ее историографа, приведен в скобках и такой вариант — Курейша, а один из биографов “московского пророка” А.Ф. Киреев пишет фамилию Ивана Яковлевича с “ером” на конце, то есть по современной орфографии — Корейш» [24].

Небезынтересен и созданный Лесковым образ Ивана Яковлевича Корейши, известного московского юродивого, в рассказе «Маленькая ошибка (Секрет одной московской фамилии)» (1881). Корейша показан не типичным юродивым, а, скорее, наоборот: Лесков словно сгущает все характерные для юродства черты и выводит образ сумасшедшего провидца.

А его комическая ошибка, сделанная во время исполнения прошения, ложится в фабулу рассказа.

Иван Яковлевич — это чудотворец, к которому обращается тетушка с просьбой о появлении детей у своей старшей замужней дочери. Тетушка «сначала, бывало, сходит к нему в сумасшедший дом и посоветуется, а потом попросит его, чтобы за ее дело молился» [19. Т. 7. С. 252]. Так как на просьбу тетушки Иван Яковлевич «залепетал что-то такое, чего и понять нельзя» [Там же. С. 253], то она подает записку с прошением для своей дочери и ее мужа: «Рабе Капитолине отверзть ложесна, а рабу Ларию усугубити веру» [Там же. С. 254]. Однако впоследствии беременной оказывается ее незамужняя средняя дочь по имени Катерина. Чудотворец Корейша путает имена сестер *Капитолина* / *Катерина*, что становится ударом для репутации московской купеческой семьи. Отметим, что комизм ситуации поддерживается ономастическим уровнем текста: имя *Катерина* восходит к греч. *Хайкатерина* «вечно чистая» [20. С. 375]. Средняя дочь Катерина, напротив, не является символом чистоты, а порочит свою семью, забеременев вне брака.

При этом младшая дочь Ольга, любимица отца, также будучи незамужней, попадает под удар, так как репутация семьи запятнана. Ее имя Ольга из сканд. *Хейльга*: *хейла* «святая» [Там же. С. 413]. Как мы видим, за антропонимами главных героев скрывается ирония Лескова: именник трех сестер — *Капитолина* (по имени одного из семи холмов Рима) / *Катерина* «чистая» / *Ольга* «святая» — свидетельствует об исключительной высокой порядочности изображенной московской фамилии, однако ошибка провидца мгновенно разрушает репутацию и покой этого семейства.

В рассказе есть двойник Корейши — живописец Ларий, муж Капитолины. Именно его просит тетушка «укрепить в вере», так как он нарушает все христианские обычаи: «он был ужасный чертыханщик, и все с приговорами, точно скоморох с Пресни. Всё ему шутки да забавки. Придет в сумерки к тестю — “пойдем, — говорит, — часослов в пятьдесят два листа читать”, то есть, значит, в карты играть... Или садится, говорит: “С уговором, чтобы играть до первого обморока”» [19. Т. 7. С. 254].

Однако именно Ларий выражает позицию автора на обращение к подобным чудотворцам как Иван Яковлевич. Узнав о прошении, Ларий говорит тетушке: «Зачем вы неведомые обещания даете? Или вы не знаете, что через такое обещание глава Ивана Предтечи была отрублена. Смотрите, может у нас в доме какое-нибудь неожиданное несчастье быть» [Там же]. И Ларий стал провидцем — по сути предсказал ситуацию с беременной Катериной. Лесков сравнивает живописца Лария со скоморохом неслучайно, так как именно скоморохам позволялось безнаказанно говорить открыто правду, выполняя особую роль при царском дворе. К тому же имя *Ларий* свидетельствует о его функции в тексте: *Ларий* — это уменьшительная форма от имени *Иларий*, означающего «веселый, радостный»

[20. С. 195]. Итак, Ларию отведена роль скомороха, который «шутками да забавками» [19. Т. 7. С. 254] открыто выражает позицию автора на факт хождения народа к таким провидцам, как Иван Яковлевич.

Так в письме к П.К. Щебальскому 29 июля 1875 года Лесков пишет: «Вообще сделался “перевертнем” и не жгу фимиама многим старым богам. Более всего раздрадил с церковностью, по вопросам которой всласть начитался вещей, в Россию не допускаемых <...>. Более чем когда-либо верю в великое значение церкви, но не вижу нигде того духа, который приличествует обществу, носящему Христово имя.» [Там же. Т. 10. С. 411]. Верна, на наш взгляд, точка зрения В. Есипова, который считает, что в этих словах писатель охарактеризовал свое отношение к церкви: «есть основания считать эту формулу своего рода самохарактеристикой Лескова. И больше всего значит здесь, думается, краткое словосочетание “русский еретик”» [25].

К образу Ивана Яковлевича Корейши обращается и Достоевский в романе «Бесы», но называет его Семеном Яковлевичем: «Действительно, предприятие было эксцентрическое: все отправлялись за реку, в дом купца Севостьянова, у которого во флигеле, вот уж лет с десять, проживал на покое, в довольстве и в холе, известный не только у нас, но и по окрестным губерниям и даже в столицах Семен Яковлевич, наш блаженный и пророчествующий» [Т. X. С. 254]. Скорее всего, двучастный антропоним *Семен Яковлевич* — это соединение имен двух юродивых, упоминаемых в книге И. Прыжова, о чем говорит М.С. Альтман: «Даже именем юродивого в “Бесах” — Семен Яковлевич — Достоевский обязан влиянию Прыжова, у которого в брошюре “Житие Ивана Яковлевича” мы читаем: “Древне-русских юродивых мы можем изучать в настоящее время на живых образцах, сохраняющихся в матушке-Москве, где, кроме Ивана Яковлевича, есть еще другой пророк, Семен Митрич...”, а в другой своей работе “26 московских пророков...” Прыжов снова вспоминает Ивана Яковлевича: “Сравнивая Семена Митрича и Ивана Яковлевича, мы находим, что они... родные друг другу”» [26. С. 101].

Неслучайно Достоевский помещает Семена Яковлевича в дом купца Севастьянова. Севастьян — из греч. *Себастианос*: *себастос* «священный» [20. С. 291]. Семен Яковлевич проживает в «священном доме», который замещает собой церковь, так как именно здесь собираются «особенно заезжие, добиваясь юродивого слова, поклоняясь и жертвуя» [Т. X. С. 254]. На наш взгляд, двучастный антропоним *Семен Яковлевич* нужен был Достоевскому для создания более яркой карикатуры на образ Корейши. *Семен* — русская версия библейского (еврейского) имени *Шимон*: *шим-он* «(Бог) слышащий» [20. С. 293], *Яковлевич* — *Яков* из др. — евр. *яакоб*: *акеб* — «пятка» [Там же. С. 342]. В сочетании имени и отчества заключено ироничное отношение пророчествующему юродивому, «слышащему пятой». Фамилия *Корейша* в романе «Бесы» не упоминается.

К образу И.Я. Корейши Достоевский обращался задолго до написания романа «Бесы». Имя этого юродивого становится нарицательным для обозначения людей, ему подобных, чья деятельность — обман и введение в заблуждение. О Фоме Фомиче Опискине в повести «Село Степанчиково и его обитатели» говорится: «Мало-помалу он достиг над всей женской половиной генеральского дома удивительного влияния, отчасти похожего на влияния различных иван-яковличей и тому подобных мудрецов и прорицателей, посещаемых в сумасшедших домах иными барынями, из любительниц» [Т. III. С. 8].

М.С. Чернова верно замечает, что Достоевского и Лескова «в одинаковой мере волновали такие вечные вопросы, как вера и неверие, церковь и общество, национальность и народность» [27]. У Достоевского и Лескова встречаются юродивые, составляющие группу фоновых персонажей, в образах которых можно увидеть общие черты. Оба писателя для именования подобных героев используют семантически значимые антропонимы: юродивые из крестьян получают сокращенное имя — *Лизавета*, *Настя*, которое социально маркировано, а также, в своем уменьшительно-ласкательном варианте, является показателем всеобщей любви к блаженным дурачкам. Обращение к историческому лицу по-разному проявляется на ономастическом уровне: Лесков оставляет персонажу реальное имя, а Достоевский предпочитает вымышленное, но легкоузнаваемое. Г.Ф. Ковалев, основатель Воронежской ономастической школы, указывает, что выбор имени персонажа обычно обусловлен разными факторами, в том числе, «системностью хронотопа» [28]. Действительно, ономастические единицы, используемые как Достоевским, так и Лесковым хронотопичны, то есть являющиеся показателями эпохи, которая изображена в произведении, а всеобщая известность среди современников исторического имени — Корейша — позволяет даже Достоевскому, любившему заниматься словотворчеством, перевести антропоним *Иван Яковлевич* в разряд апеллятивов.

Литература

1. Лесков Н.С. О русских именах // Новости и биржевая газета. 1883. № 245. С. 2.
2. Лесков Н.С. Календарь графа Толстого // Русское богатство. 1887. № 2. С. 195.
3. Достоевская А.Г. Записная книжка 1881 года // Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб., 1993. С. 216.
4. Иванов С.А. Византийское юродство между Западом и Востоком // Византизм между Западом и Востоком: Опыт исторической характеристики. СПб., 1999. (Византийская библиотека. Исследования). С. 333–353.

5. Панченко А.М. Юродство как зрелище // Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.
6. Кашурников Н.А. Феноменология юродства в романе Достоевского «Братья Карамазовы» // А.М. Панченко и русская культура. Исследования и материалы. Отв. ред. С.А. Кибальник и А.А. Панченко. СПб., 2008. С. 217–226.
7. Сараскина Л.И. «Бесы»: роман-предупреждение. М., 1990. С. 140.
8. Гурова Е.П. Юродивые в романах Ф.М. Достоевского // Вестник Пермского университета, 2014. № 3(27). С. 136.
9. Иванов В.В. Безобразие красоты. Достоевский и русское юродство. Петрозаводск, 1993. С. 28.
10. Достоевский в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 79.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1995.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. СПб., 1996. Т. 3. С. 691.
13. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1972–1988. Далее указ. только том (римскими цифрами) и стр. (арабскими цифрами).
14. Карасев Л.В. О символах Достоевского // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 109.
15. Макаричев Ф.В. Юродство и юродивые в произведениях Ф.М. Достоевского // Проблемы истории, филологии, культуры. 2003. № 13. С. 458–465.
16. Кабакова Е.Г. Юродивые и «юродствующие» в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // Вестник Челябинского государственного университета, 1997. Т. 2. № 1. С. 92–102.
17. Альтман М.С. Иван Гаврилович Прыжов. Изд.политкаторжан. 1932. С. 144.
18. Скуридина С.А. Отражение свадебной обрядности в некоторых антропонимах у Ф.М. Достоевского // Болгарская русистика. 2016. № 2. С. 61–70.
19. Лесков Н.С. Собр. соч. В 11 т. М., 1956–1958.
20. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М., 1998.
21. Вязовская В.В. Ономастика романа Н.С. Лескова «Соборяне». Воронеж, 2007.
22. Бицилли П.М. Из наблюдений над русской ономастикой как культурно-историческим источником // Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. М., 1996. С. 626.
23. Прыжов И. 26 московских пророков, юродивых, дур и дураков и другие труды по русской истории и этнографии. СПб, 1996.
24. Шамаро А. Обитатель Преображенской больницы // Наука и жизнь. 1994. № 2. С. 93.

-
25. *Есипов В.* Юродивые и нищие // Скепсис. Научно-просветительский журнал. URL: https://scepsis.net/library/id_3105.html#a9 (дата обращения: 25.06.2017)
26. *Альтман М.С.* Достоевский: По вехам имен. Саратов, 1975. С. 101.
27. *Чернова М.С. Ф.М. Достоевский и Н.С. Лесков об особенностях народной веры* // У ракурсе сучаснага асэнсавання. Межафедэральны зборнік навучных твораў. Могілев, 2011. Вып. 5: Філологія. С. 45–50.
28. *Ковалев Г.Ф.* Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж, 2014. С. 11.

*Воронежский государственный технический университет,
Воронежский государственный университет*

Морозов и Холодов

Из истории русских фамилий

© В. О. МАКСИМОВ,
кандидат филологических наук

В статье говорится о географии популярных фамилий, они несут информацию о предках, местах их проживания, особенностях говора.

Ключевые слова: фамилия, предки, география, род занятий, говор.

The article deals with geography of popular surnames. They carry information about their ancestors, their places of residence, the peculiarities of the dialect.

Keywords: surname, ancestors, occupation, dialect.

Активное изучение русских диалектов началось лишь в XIX веке. К этому времени уже давно вышли из употребления многие слова, имевшие широкое распространение еще в XVIII столетии. В массе своей для исторической ономастики эта потеря уже невосполнима, хотя, разумеется, мы еще долго будем иметь возможность извлекать из старинных текстов архаичные или диалектные слова и названия и интерпретировать их исконные или контекстные значения.

В некотором смысле, привилегированное положение здесь занимает историческая антропонимика. Во всяком случае, та ее часть, которая сохранилась в основах фамилий. На первый взгляд, такое утверждение может показаться странным. Действительно, например, топонимы в качестве источника сведений об архаичной или диалектной ономастике обладают несомненным преимуществом: они — даже не сохранившиеся до наших дней — легче локализуются на карте. Это дает нам возможность при поиске причин их возникновения оперировать многими дополнительными данными, включая окружающий ландшафт или краеведческие материалы. В отличие от них современные ареалы фамилий по причине массовых миграций могут «увести» исследователя далеко от их малой родины. А проведение предварительного генеалогического исследования по каждой семейной линии с целью выяснить семантику основы каждой фамилии на практике неосуществимо.

Однако большинство даже редких фамилий по числу носителей обычно значительно превышают число топонимов. И это дает возможность исследователю воспользоваться статистическими данными, которые крайне редко можно привлекать к работе с малыми числами. А они нередко, если не сказать часто, приводят к интересным наблюдениям и дают пищу для размышлений не только над языковыми процессами, но и над многими другими явлениями русской истории и культуры. Это утверждение относится даже к таким фамилиям, которые принадлежат к числу довольно частотных, и не воспринимаются современным исследователем как диалектные.

Вот, казалось бы, совершенно «прозрачная» с ономастической точки зрения фамилия — Холодов. Нет причин сомневаться, что ее основой является мирское имя Холод, которое относится к группе имен, которые давались в связи с обстоятельствами рождения. События, которые, наши предки фиксировали в именах своих детей, были очень разнообразны. Логично предположить, что имя Зима давалось ребенку, рожденному в зимнее время года; имя Весна давалось родившемуся весной; имя Лето — летом; имя Сумарок — в сумерки, имя Суббота — в субботу и так далее. Тем более понятно появление имен, указывавших на какое-то непродолжительное по времени и, тем более, особо значимое событие, например, праздник. Вероятно, при таких обстоятельствах возникали имена Заверуха /метель/, Ветер, Суховей, Хмара /туча/ или Коляда, Купала, Пасха или Мясоед. Разумеется, и именем Холод нарекали сына, родившегося в сильные холода. Но какими были эти холода?

Само понятие *холод* не имеет четкого температурного определения, как впрочем, и понятие *мороз*: оба они толкуются как некая низкая температура, во втором случае однозначно ниже нуля градусов, в первом — «как правило» ниже нуля. В целом именно так эти понятия воспринимаются и в бытовом употреблении, хотя В.И. Даль в своем словаре приводит и уточнения «*Лютный холодъ...* когда нѣтъ обычнаго жару, тепла; зимній холодъ, сильные морозы». Чем же различались семантически для наших предков мирские имена Мороз и Холод? Привлечем статистику.

Как показывает география бытования фамилий Мороз, Морозов, Морозенко и другие из этой группы, имя Мороз в старину было популярным на всей территории Руси. В связи с этим интересно вспомнить мнение В.А. Никонова о географии распространения фамилии Морозов: «В Шуйском у. Владимирской губ. на 1 тыс. жителей приходилось 9 Морозовых, а в Холмогорском у. Архангельской губ. — только 0,3. Смешно думать, что климат Шуи в десятки раз холоднее, чем Холмогор». Он также справедливо отмечал, что «в своем большинстве фамилии внедиалектны. *Можно* сказать, у них — свои диалекты, независимые от диалектов речевых, вне фамилий. Фамилии Волков или Морозов региональны, но их ареалы не зависят от распространения нарицательных *волк, мороз*».

Любопытным свидетельством этому являются и ареалы фамилий Холод, Холоденко и Холодов. Понятно, что первые две фамилии характерны для жителей современных Белоруссии, Украины и юго-западных областей России. Но интересно, что и фамилия Холодов на рубеже XIX–XX столетий чаще всего встречалась на территории современных Курской, Воронежской, Белгородской, Харьковской, Донецкой, Луганской и Сумской областей. Это означает, что именно здесь в старину и было более всего популярным имя Холод, что подтверждается и современной топонимией и старинными документами. Например, до наших дней в Винницкой, Сумской и Орловской областях сохранились селения с названиями Холодово, Холодовщина и Холодовка: известно, что многие деревни и хутора в старину получали названия по имени их владельца или основателя. В «Реестре Войска Запорожского» в 1649 году упоминаются казаки: Каленик Холод (Чигиринский полк), Грицко Холод (Черкасский полк), Олекса Холод и Федорашко Холод (Брацлавский полк), Гриц Холод и Васко Холод (Миргородский полк) и Холод (без церковного имени), писарь Миргородского полка. Такова и география древнейших упоминаний семейного прозвания Холодов: в грамоте 1619 года записан Труфунко Самойлов сын Холодов, тульский кирпичник; в Крестоприводной книге города Крапивны за 1645 год — пашенный стрелец Терешка Наумов сын Холодов; в 1719–1720 годах в числе жителей Вольновского посада (юго-западной оконечности Белгородской засечной черты) — солдат Данила Холодов.

Можно предполагать, что при выборе имени, указывающего на обстоятельства рождения ребенка, родители выбирали имя, наиболее ярко характеризующее эти обстоятельства. Имя Мороз здесь тоже было очень популярным. Это позволяет отказаться от предположения о том, что слово *холод* в южнорусских диалектах некогда употреблялось в значении более радикальном (в температурном смысле), чем слово *мороз*. Но в таком случае существует лишь одно объяснение былой распространенности здесь имени Холод — более теплый климат. Те температуры, которые северянам казались как стоящими внимания, недостойными стать основой имени родившегося в эти дни сына, более избалованными теплом южанами воспринимались как если и не аномальные морозы, то все же стрессовая ситуация. Более того, нельзя исключать, что, если мы получим возможность сопоставить данные о температурном режиме тех лет, когда появились на свет упомянутые лица с именем Холод, то выясним, что это были как раз аномально теплые годы. И, конечно же, кратковременное похолодание оказывало своеобразное влияние на процесс имятворчества: в день рождения сына был *холод*, но не *мороз*.

Возможно, выбранный пример для иллюстрации того, какие сведения могут предоставить самые обычные фамилии, покажется кому-то забавным. Однако, на наш взгляд, он очень интересен, поскольку действительно чрезвычайно прост и очевиден. Но фамилии хранят в себе сведения

о множестве других, не столь очевидных, а порой и совсем неизвестных фактов истории и культуры.

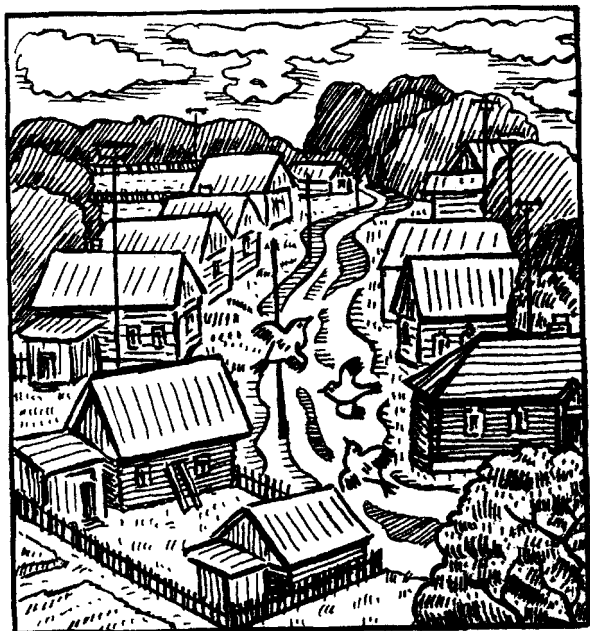
Например, интересна фамилия Стругов. Слово *струг* в старину обычно употреблялось в двух основных значениях — «деревянное речное судно» и «специальный нож (с одной или двумя ручками), предназначенный для скобления, строгания, обработки кож и древесины». На первый взгляд, о том, что эти значения могли использоваться в старину в качестве обычного мирского имени, напоминает существование «родственных» фамилий Ладын, Кораблев и Кораблин, Челноков, Якорев, Лодкин, а также Скобелев (более распространенное название инструмента для обработки дерева), Топоров, Тесаков, Шилов и т.д. Любопытно, что в литературе XIX–XX столетий оба значения слова *струг* встречаются довольно часто и в разных регионах. Но, например, в СРНГ (Словарь русских народных говоров) слово *струг* в обиходной речи XX века отмечен лишь в архангельских, вятских и нижегородских говорах. Эти земли отчетливо совпадают с ареалом фамилии Стругов. Действительно, в наградных списках воинов Великой Отечественной войны упоминаются 162 представителя этой довольно редкой фамилии. Биографические данные части воинов сохранились не в полном объеме, поэтому неизвестно их место рождения. Но и сохранившаяся информация весьма показательна. Все они родились в конце XIX — начале XX века, то есть до возникновения массовых переселений, которыми были ознаменованы уже первые годы создания экономики нового типа в СССР. Поэтому нанесенные на карту Российской империи данные о месте их рождения, в целом, позволяют увидеть исконный ареал этой фамилии. Уроженцами Архангельской области были 16 воинов, Пермской — 24, Костромской — 11, Башкирии — 12, Ярославской — 6, Ивановской — 4, Нижегородской — 10, Свердловской — 4, Челябинской — 11, Оренбургской — 5, Алтайского края — 7. Были среди награжденных и выходцы из других регионов (Свердловская, Владимирская, Гомельская, Орловская, Московская, Рязанская, Смоленская, Саратовская, Калужская, Новгородская области, Краснодарский край и город Ленинград), но они были единичными (исключение составляет Калужская область — 4 воина; но при такой редкости фамилии статистические данные из одного региона не могут изменить общую картину: все четверо могли быть представителями одной семьи, переселившейся туда сравнительно недавно). Северное происхождение личного имени Струг подтверждают и старинные грамоты: 1645 год — Якушко Струг, житель Устюжского края; 1782 — Григорий Стругов, крестьянин села Тазовское (территория современного Пермского края). А о том, какое значение могло иметь диалектное личное имя Струг, напоминает зафиксированное в псковских и тверских говорах значение более распространенного в старину прозвища Скобель — «навязчивый человек».

Тананаев. Уже в начале XX века география этой редкой фамилии была очень интересной. Чаще всего она встречалась среди жителей Тамбовской области и Армении; значительно реже — в Нижегородской, Курской

областях; единично — в Рязанской, Саратовской, Самарской и Московской областях, в Алтайском крае и в городе Туле. Столь необычная география этой фамилии объясняется еще одним интересным обстоятельством. Многие из ее носителей были молоканами — представителями одной из религиозных сект, появившейся в России во второй половине XVIII века. Основателем секты молокан был житель Тамбовской губернии Борисоглебского уезда Семен Уклеин. Разумеется, в числе первых последователей были в основном жители Тамбовской губернии. Первые годы существования секты молокан, ее сторонники, как и другие сектанты, подвергались гонениям. Это стало причиной того, что многие уроженцы Тамбовщины были вынуждены переселиться в другие губернии. Известны, например, их переселения в Среднее Поволжье, Курскую губернию, на Алтай и в Закавказье. Именно эти переселения и отражены в ареале фамилии Тананев в первой половине XX столетия. Поэтому малой родиной большинства Тананевых являются земли бывшей Тамбовской губернии. Диалектологи XIX века отметили в рязанских и тульских говорах бытование глаголов «танакать» и «тананыкать» — «мурлыкать», «напевать про себя». Видимо, именно к ним и восходят основы известных в этих землях фамилий Тананыкин, Тананыхин и Тананыкин: Тананыкой, Тананыхой или Татананыхой здесь могли прозвать мужчину, имевшего подобную привычку. Все три фамилии известны и на Тамбовщине. А форма прозвища Тананай, вероятнее всего, была исключительно плодом творчества жителей тамбовских земель. Это не означает, что все обладатели такого прозвища были молоканами, но само прозвище, несомненно, было характерно для говора тех, из среды которых и был произведен один из «первых наборов» в эту секту.

Подобных примеров множество. Например, обладатели таких редких фамилий, как Дивитаевы, Добдины, Харыбины, Чебадухины, Шанцевы будут очень удивлены, узнав, как много могут рассказать их фамилии о разных аспектах русской истории и культуры. Каждая из этих фамилий содержит целый пласт ценнейшей информации о древнерусском именнике и старинных обычаях имянаречения, о месте проживания предков и особенностях их говора, а также о многом другом.

Информационно-исследовательский центр «История фамилии»

Женские уличные имена в Воронежской области

© Л. В. НЕДОСТУПОВА,
кандидат филологических наук

В статье представлены уникальные в своем роде неофициальные женские антропимы, функционирующие в поселке Высоком Таловского района Воронежской области, отличающиеся богатой словообразовательной системой. Указаны мотивы образования прозвищных именований.

Ключевые слова: языковой материал, ономастика, прозвище, уличное именование, неофициальные антропимы, индивидуальные особенности человека, самотытные и точные слова, культурные ценности прошлого, народная мудрость.

The article presents the unique in its kind informal women anthroponymy operating in the village of High Talovsky Voronezh region, characterized by a rich word-formation system. Indicate the reasons for the formation of naming prozvischnyh.

Keywords: language material, onomastics nickname, street naming, informal anthroponymy, the individual characteristics of the exact words, the cultural values of the past, popular wisdom.

Практически рядом с Таловой — одним из районных центров Воронежской области, в шести километрах южнее, находится поселок Высокий. Образование этого населенного пункта связано с последним этапом заселения Воронежского края в начале XX века. До этого здесь господствовало бурное разнотравье: типчак, таволга, полынь, клевер, местами ковыль. Не один десяток лет проходили высококовские просторы люди, именно тогда они заметили степную возвышенность. Экспедиция великого русского ученого-почвовода в Каменную степь, совершившая земельную революцию в этих местах, возникновение станции Таловая, деятельность помещика-землевладельца Огаркова, близость к тракту Бутурлиновка—Бобров — объективно привели к освоению территории, на которой сегодня находится поселок [1]. Основали его жители сел Озёрки, Козловка, Гвазда, Никольское, переехавшие сюда в 1922 году.

Словарный состав любого языка отражает его прошлое и настоящее. Материалом исследования являются женские уличные имена — самобытные и точные слова, собранные в полевых условиях с помощью опроса информантов — коренных жителей поселка Высокого, возраст которых составляет 70—90 лет. В статье используется упрощенная транскрипция. Звук «г» в говоре фрикативный.

Неофициальные антропонимы до настоящего времени еще достаточно не изучены. Следует отметить, что впервые в науке историей происхождения прозвищных именовании занимался русский ученый Н.М. Тупиков. Ему принадлежит завершенная с попыткой анализа классификация прозвищных имен. В неоконченном труде А.М. Селищева «Происхождение русских фамилий, имен и прозвищ» представлена первая классификация «личных имен и прозвищ» до XVII века, от которых образованы фамилии и современные прозвища.

О.П. Дмитриева считает, что сами носители даже обидных прозвищ принимают их как неизбежное, стихийное явление, существующее независимо от их желания, мнения [2].

Неофициальные антропонимические единицы, зафиксированные в поселке Высоком, интересны разнообразием. В них отразилась народная мудрость и неповторимость речи. Описанию мужских уличных фамилий данного населенного пункта уже посвящена статья, вышедшая в «Русской речи» в 2014 году [3]. Теперь же обратимся к женским уличным именам.

Графиня — имя по называнию мужа «графом»: «Графиня фсяды фсе но-васти знала, фсе аба фсех у ней была извесна».

Лебеда — имя по названию травы: «Так муж звал сваю жану. Тады йисть была нечига: либяду ели, рубили, из ние борш варили. Муш ей гварил:

Машк, збирай либяду, збирай. И ана боли других жэншин йие збирала, вот и приляпилась к ней “Лебеда”».

Пальма — имя женщины по кличке собаки: «Тады па дивевни бегала сабачтя Пальма. Злюшшая была, так и глядела: на какого прахожага кинутца. Так и этая бабёнка: любила ругацца с людьми, любила завясти скандал, устроить попусту. Вот люди йие стали тожа Пальмай звать, как энтаю сабаку».

Пипка — имя по маленькому, красивому носу: «Пипка уж давно на пенсии, мужа пахранила, а сама фсё за рулём ездия. Да сих пор красата йие ни пакидая».

Хлопка — имя по непоседливости, постоянным хлопотам: «Хлопка замуш так и ни выхадила, а фсяды в дяхах. Так работала и работала».

Колхозница — имя по членству в колхозе: «Калхозница жэншина крупная, трудяга. Агарот бальшой, ф поли работала».

Манюшка — по имени бабушки Марии: «Сама бапка малинтя была, да ишшо с палачтий сторблиная хадила. Маня, Манюшка — так йие звали в моладасти. А када уш ана матрей стала, а тады и бапкай — фсех йие дитей, да унучат звали Манюштины».

Коровёнка — имя по особенности голоса, который ассоциировался с мычанием коровы: «У Каравёнки голас был асобай, да и характерная ана была».

Маленькая — имя по росту женщины: «Маня Малинькая в дитсаду прарботала на прачти, бяльё мыла».

Левая — имя по умению отца делать все левой рукой: «Левая красивая, волосы чёрнаи, жукавыи. Девак многа наражала, ани дружнаи».

Литина — по имени бабушки Лии: «Бапка Литина была тихая, смиренная, ростам высокая, худиньгия, а такая добрая. Тады дитей у ва фсех па многа была, к ним частеньтя сасецкии дятишти бегали. И никада ат ней грубасти какой нихто ни слыхал».

Лёстина — по имени матери семейства Лиды: «Йие имя была Лида, а как уш так пирвярнули и стали звать Лёстя. А дочирю йиеву Лёстина звать».

Мамина — имя по особой любви сына к матери: «Сашка дюжа мать сваю любил, ва фсём йие слухал. Дажи звали яго маминьтин сыночик. Када падрастать стал, начали звать Мамин, а уш када яго и в живых ня стала, ягову жану завуть Мамина».

Риммина — по имени матери семейства Риммы: «Риммина фсяды в багацтви жила, ток даставалась ей эт ниялхко. Ана работали памнога: он сам фсю жизнь на ферми яшачил, да и ана скок кароф дяржала, даила».

Кардонская — имя по проживанию семейства на окраине деревни, на кардоне: «Дет Ваньтя с бапкай Оний (Аней) жили весила. Как нямнога самагончика выпьють, так: “Вань, даставай гармоны!” Дет даставал абыкнавеннаю хромку, ана вынала платочик ис хвартика, и пашли танцы. Весила

у них была. Люди услышут гармошку: “Хто эт?” Да эт Кардонская са сваем висялятца».

Кубанская — имя по бывшему проживанию семейства на Кубани: «Ани тады жили на Кубани, а следам суды паприехали, эт вить уш давным-давно была, а сразу как йих начали звать Кубанский, так и да ныни завуть. Спярьва дет помир, а сама Кубанская ш долга жила. Дитей йихних многа, дружнаи фсе».

Кожушкова — имя по твердости и трудолюбию отца семейства: «Ани з Гвазди пириехали. А у деда йихнига натура была как кажух. Такой трудяга. Фсё на гароди абрабатвал вручная, никаких трактароф ни признавал. И жана яму такая ш падабралася. У ней фамилия Матвеева была, а звали Кажушкова, да и дачирей такжа».

Аншэчиха — имя по умению мужа играть на деньги: «Ей эта имя приляпилась ат Аншэка. Он скок разоф играл ф карты, стока и выигравал. Аншэчиха бяздетная. Ну у ней плименники хорошаи».

Буржуиха — имя по большому богатству: «Буржуиха дитей в люди вывила, па тем вримаам павыфчила. Ани у ней у власти стаяли».

Бычиха — имя по упорному, твердому характеру мужа: «У Бычихи судьба-судьбинушка чижолая: работала в звяне, мяшти на сабе таскала, сколь-тя грыжей у ней павылизла. А некаму была работать. Ана и за бабу, и за мужука».

Брусиха — имя по службе отца в Брусиловской армии: «Ох и завадная Брусиха была в молдасти: фсяды на фсех гулянках с песний, с пляскай, з задоринкай».

Великаниха — имя по высокому росту мужа: «У Великанихи судьба трудная: ана дефкай вышла замуш на дитей, патом сваго радила. Муш па-топ, а ана асталась с кучий дитей. Фсем памагала, фсех сагрывала».

Гагариха — имя по мечте мужа полететь в космос: «Гагариха вышла за Яшку, а он ф страительсти уж дюжа фсё панимая, уме'я фсё. Сколь-тя он папирастроил дамоф, да крыш пирыакрыл. А рани хател ф космас палятеть».

Голубиха — имя по быстроте мужа, которого сравнивали с голубем: «У Голубихи в раду дефки. Ани па природы красивыи. У Маньти был во-лас русый, с рыжинкай, аш блестял на солнце».

Дунаиха — имя по службе отца на реке Дунай: «Дунаиха трудяга была. Сыны у ней хорошаи, дочь выфчилась, жила в Варонижи. Ана у ней вра-чом наверна работала».

Золотиха — имя по называнию мужем жены «золотой»: «Залатиха тру-жаница, с сынам живе, са снахой ладя. Муш йие дюжа любил, называл “залатая ты мая”».

Захариха — жена по имени мужа Захара: «Захариха сабе маладую снаху взяла, ей лябо и пятнацати гадоф ни было. Ну у них дастатак был, а люди хлеба ни наядалися».

Зайчиха — имя по фамилии Зайцевы: «У Зайчихи дети красивые, ана сама трудяга. Ф поли работала, да и дома фсяды луку, картошти многа сажала. Муш рана у ней помир. Аднэй трудна пришлось».

Ильчиха — жена по имени мужа Ильи: «Ильчиха была очинь красивая, смуглая. Красату ана дятям пирдала и дабрату».

Капитаниха — имя по званию мужа-капитана: «Капитаниха уж дюжа худюшшая была, да и любила пависялицца. Усы у ней были, как у мужа».

Карандашиха — по умению отца хорошо рисовать: «Крандашиха малинтя, а шустрая. Рисавали в раду харашо у них».

Китаиха — имя по разрезу глаз мужа, как у китайца: «Китаиха в дитсиду работала, ани там акала жить. Муш у ней бальшой, высокая был. Да балежня яго забрала. Ана с дочирей типерь живе».

Комсомолиха — имя по жизненной позиции мужа — комсомольца-активиста: «У Камсомолихи был муш камсамол. Тады вить были камсамолы. Эт кады Ленин фсех взял в работу, а капиталисты ишь астались, йих начали калушматить. Вот камсамолы йих кулачили».

Корреспондениха — имя по мечте мужа стать корреспондентом: «Йие муш гварил: “Я буду кариспандентам, ну у няго ни палучилась. А прозвишша так и асталась: Кориспандент и Кариспандениха”».

Королиха — имя по красоте и статности мужчины, называемого в народе Королем: «Каролиха дитей многа радила, да фсе ани у ней разлятелись па гарадам: адин сын ваеннай, дочь вышла за ваеннага, третий сын редактарам ф Калаче работая. Муш рана помир. Дастатка ана харашага ни видала».

Красноштаниха — имя по тому, что отец носил штаны красного цвета: «Краснаштаниха памучилась: у сына наги ня стала, дети вить далжны за радитилями ухаждать, а тут ана яго дахажвала. Скока здаровия дети атрывают?».

Кутячиха — имя по пристрастию мужа к спиртным напиткам: «Кутячихи многа пришлось пирживать, мужанёк любил пакутить зачастуя, а то и каждый день».

Курюниха — имя по профессии птичницы: «Курюниха — баба прабивная, парядачная была. Ф птицы толк знала, ну вить ана с ней работала».

Левониха — жена по имени мужа Левона: «Левониха многа дитей радила, тожа хто где: хто тут живе, хто паразьехался».

Мазаиха — имя по маленькому росту, крепости и подвижности мужа: «Мазаиха спакойная жэншина, воспитатилим работала, никада пра нийе ниhto плахога ни сказал».

Михедиха — имя по мужу Михеду: «Михедиха с мужам харашо пражили, стипенна, спакойна. Дети апасля них харашаи астались».

Патрулиха — имя по службе мужа на корабле патрульным: «У Патрулихи судьба нипрастая: дети памучили, да и низдаровия зашла рана».

Полеводиха — имя по профессии мужа — полевода, агронома: «Паляводиха дома работала, дитей троя у них, а он вечна на работи. То сеф, то уборка».

Прорабиха — имя по профессии мужа — прораба по строительству: «Прарабиха за ним, как за каминнай стяной. Он никада йие ни абия, живутъ харашо».

Познячиха — жена по фамилии мужа Позднякова: «Пазнячиха баба крупная была, трудяга, а йиеф спакойнай мужучок был. Фсю жизнью трахтаристам атработал, то ф поли, то в атради на рямонти, фсю жизнью ф сальрки, да в мазути. Так вить ф сяле шафяра работаютъ».

Санитариха — отец — санитар по животноводству: «Санитариха стипенная, бальшая жэншина. Муш ей памагал ва фсём. Дочти на ние пахожий».

Счетоводиха — имя по профессии мужа — счетовода (учетчика): «Считоводиха десить девак радила, фсе красивыйи, умний. Дружуть фсе, у ва фсех семьи харошайи».

Селичиха — имя по мужу, работавшему почтальоном: «Силячиха была нибальшэнинтига роста. Дочь йиева работала прадафшицей в магазини. Да уш памерли ани».

Федосиха — имя по фамилии Федосовы: «У Федосихи троя дитей: две дочери и сын».

Чивилиха — имя по шустрости мужа: «Чивилиха парядачная была, ана у няго ня первая жана. Первая памярла. А другая пашла на чужих дитей, да у ней и свайи тожа были».

Таким образом, нами рассмотрено 50 антропонимов, функционирующих в данном населенном пункте. Представленные лексические единицы содержат культурные ценности прошлого. Мотивами их образования, на наш взгляд, являются: наименования профессий, должностей, жизненная позиция (12); особенности характера, внешности, роста (9); особые умения членов семьи (7); официальные имена близких и родственников (6); места проживания и нахождения (5); фамилии носителей (3). Социальный статус, любовь к окружающим, финансовая составляющая, одежда, развлечения и мечты представлены единичными прозвищами.

Кроме того, важно отметить, что все названные лексические единицы обладают богатой словообразовательной системой. Уличные фамилии, восходящие к женским именам, не являются исключением из общей словообразовательной антропонимической традиции [4. С. 155]. Доминируют имена, образованные при помощи форманта -их- (33). Уменьшительно-уничижительное и пренебрежительное обращение также характерно для русского разговорного просторечья. Немногочисленны прозвищные именования, образованные при помощи формантов -ин- (5), -ск- (2). Антропонимы с -к-, -ниц-, -юшк-, -ов-, -ёнк- зафиксированы единично.

Особое, индивидуальное обращение по уличному имени оживает в восприятии со стороны образ русской деревни со своим укладом,

нравами и обычаями. Более того, члены социума старшей возрастной группы в общении между собой практически не употребляют официальных имен и фамилий, потому что называние «по-уличному» им более понятно. Например, в поселке много семей, носящих одну фамилию и имя. Поэтому для конкретизации определенных событий, связанных с каким-либо представителем указанного населенного пункта, достаточно употребить его неофициальное имя.

Необходимо согласиться с мнением Л.Н. Верховых о том, что термин уличная / дворовая фамилия имеет социальный характер, поскольку говорить о наличии данной фамилии можно было только в отношении небогатых людей, чаще всего крестьян. Знатные, богатые люди раньше других получили официальную фамилию, выполнявшую идентификационную функцию, поэтому в существовании уличных фамилий состоятельных людей не было необходимости. В настоящее время бытование уличной фамилии больше распространено в сельской местности, там, где основную часть населения составляет крестьянство [Там же. С. 152–153]. Кроме того, одним из факторов, не способствовавших образованию подобных фамилий от полных женских имен явилась отстраненность женщин от различных административных дел, где необходимо было употребление личного имени в официальной форме [Там же. С. 155–156].

Итак, уличные имена составляют фрагмент региональной языковой картины мира. Существование живой системы неофициального именования еще раз свидетельствует о том, что имя многолико и у него много тайн, известных только русской народной мудрости, оно содержит важную информацию о силе и богатстве языка, созданного предками.

Литература

1. Гриднева Л.Я., Гриднева Л.М., Бочарников М.И. Высокий. Время, события, люди. 1922–2007. Таловая, 2007. С. 3–4.
2. Дмитриева О.П. Прозвище как неофициальное именование человека // Воронежское лингвокраеведение. Выпуск 3. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2016. С. 106.
3. Недоступова Л.В. Уличные фамилии в Воронежской области // Русская речь. М., 2014. № 3. С. 107–110.
4. Верховых Л.Н. Уличные фамилии с. Абрамовка Таловского района Воронежской области // Воронежское лингвокраеведение. Выпуск 3. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2016.

Дары в былинах

© И. П. ЧЕРНОУСОВА,
доктор филологических наук

В статье рассматриваются типичные для былинной картины мира виды даров, олицетворяющие красоту и богатство: драгоценные металлы и камни, а также пушнина и ткань. Дар в былинах представляет собой один из универсальных способов регулирования общественных отношений.

Ключевые слова: фольклорные формулы, лексические и лексико-грамматические формулы, дар, былинная картина мира.

The article investigates typical of the epic tale picture of the world kinds of gifts symbolising beauty and wealth: precious metals and gemstones as well as furs and cloth. The gift in epic tales is a universal way of managing social relationships.

Keywords: folklore formulas, lexic and lexico-grammatical formulas, the gift, epic tale picture of the world.

Читая былины, мы погружаемся в особенный эпический мир, который непосредственно не соотносим с реальным миром и в известной степени противостоит ему — это идеализированный образ ирреального («параллельного», подобного земному) мира, лежащий в основе мировидения носителей фольклорной традиции. Но понять этот мир невозможно без учета историко-этнографической действительности, подвергшейся перекодировке.

В былинной картине мира, являющейся разновидностью фольклорно-языковой картины мира, находят отражение традиционные идеалы и ценности, что достигается идеализацией воображаемой действительности. Былинная картина мира представляет собой устойчивую систему, большая часть которой состоит из константных элементов – фольклорных формул. К ним мы относим лексические и лексико-грамматические формулы. *Лексические формулы* характеризуются лексико-семантической тождественностью (постоянством своего словесного наполнения), *лексико-грамматические* – семантико-синтаксической идентичностью (стабильностью семантики и структуры).

Изучение формул, зафиксированных в фольклорных текстах, представляет большой научный интерес, так как в них сконденсированы устоявшиеся художественные и социальные ценности, отобранные и отшлифованные длительной фольклорной традицией, поэтому информация, содержащаяся в них, является наиболее важной и ценной.

Базой эмпирического материала послужили авторитетные собрания, русского эпоса, обладающие исключительной историко-культурной и научной ценностью: Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3-х томах [1]; Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым [2]; Беломорские былины, записанные А. Марковым [3]; Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: в трех томах [4].

Лексическая формула *красно золото, чисто серебро и скатен жемчуг / камня драгоценные*, олицетворяющая красоту и богатство и представляющая собой эталон подарка, входит в состав лексико-грамматической формулы: *Насып-ь(те)/-ай (возьми / дадим / наклади) [три мисы / телеги / чаши / подсумки] красн-а/-ого золота, ч/чист-а/-ого серебра (злата-серебра) и скат/чн-а/-ого жемч/цуг-а(-у) (каменя драгоценного)*.

В некоторых случаях используется композит *злато-серебро*, который является выражением обобщенного родового понятия *драгоценности* «посредством сочетания двух лексически однородных видовых наименований» [5].

Дары князя – замаскированная оплата ратной и иной деятельности богатырей, поэтому им предлагают деньги: золотую казну. Вариант формулы (*злато-серебро, камня драгоценные*) включает в себя не только монеты и слитки, но и изделия из драгоценных металлов и камней. Р.С. Липец предполагает, что дары на эпических пирах представляют собой «оговоренную заранее плату воинам-дружине» [6. С. 248].

В качестве варьируемых элементов формулы отмечены фонетические варианты (*чиста – циста, скатна – скачна, жемчуга – жемцуга*) и контекстуальные синонимы (*насыть – возьми, дадим, наклади; мисы – телеги, чаши, подсумки* – общее традиционное значение «емкости для передачи даров»). Названия емкостей являются факультативным элементом формулы.

Глубинная культурная информация анализируемой фольклорной формулы кроется в историко-этнографическом контексте. Р.С. Липец отмечает, что устойчивая формула даров в былинах — «не фантазия сказителя, а конкретная историческая деталь» [Там же. С. 259]. Исследователь проводит аналогию даров в былинном мире с дарами в исторической действительности. В доказательство этому приводит работы Д.В. Айналова, сопоставившего известия византийских источников с русскими летописями (текстом и миниатюрами) для выяснения вопроса о «дарах» княгине Ольге в X в. от императора и обратившего внимание на способ передачи даров — в золотом блюдце, что являлось при византийском дворе традицией [Там же]. Д.В. Айналов пишет: «В придворном Уставе византийского двора, в 15 главе второй книги, два раза подробно перечисляются денежные подношения княгине Ольге и ее свите... Начальная летопись..., действительно, говорит о многих дарах, полученных княгиней Ольгой, — в том числе, о 500 и 200 миллиарисиях на золотом блюдце» [7. С. 290]. «Рисовальщик миниатюр Радзивилловской летописи изображает дары Ольге в Царьграде под видом сосуда, продолговатых неопределенного вида предметов, вроде ларцев, и что самое любопытное, под видом чаши, наполненной, по-видимому, монетами». Автор отмечает, что дань Олегу на миниатюре в той же летописи, возможно, также изображает монеты в сосуде: «...Вместо гривен, которые он требовал, греки несут стакан, вазу и большой с двумя ручками сосуд» [Там же. С. 294].

Традиционное значение анализируемой лексико-грамматической формулы в былине: вручение даров необходимо с целью задобрить противника, чтобы осуществить свои намерения; во многих случаях — для защиты Родины и для спасения жизни. Здесь «дар — один из универсальных способов регулирования отношений внутри социума» [8.]. Вербальные контексты уточняют это содержание.

Вручение даров военному противнику для отсрочки нападения с целью успеть подготовиться к защите Родины (Курсив здесь и далее наш. — И.Ч.):

— Ай же солнышко да Владимир князь!
Ай послушай-ко что я скажу.
Ай возьми-ко насыпь ты топеричко
Ай как перву телегу ордынскую,
Ай насыпь-ко красного золота,
Ай насыпь-ко другу телегу чистого серебра,
Ай насыпь-ко третью телегу мелкого
да крупного скатного жемчугу,
Ай кати-тко в подарочках
Ко безбожному царю да ко Калину,
А проси-тко ты строку на три месяца.
А ежели б дал он нам строку на три месяца,

Ай как съезжу я к чисту полю,
А как я сберу свою дружину да хоробрую,
А как сберу я тридцать молодцов да без единого,
А тогда я съезжу ко безбожному царю ко Калину,
В рать его силу да великую.
Ай тогда да я попробую,
А я да отведаю,
А вряд больше приеде он
Ай ко славному ко городу ко Киеву

[1. Т.І. С. 635].

Емкостями с золотом, серебром и жемчугом также меряется и подно-
сится дань, платится пошлина и совершается выкуп:

— Ты Владимир князь наш стольнѣ-киевской!
Приноси-тко ты нам дани за двенадцать год,
За двенадцать год да с половиною,
А двенадцать креченей, двенадцать лебедей,
Насыпай-ко мисы чиста серебра,
Ай другие мисы красна золота,
Третьи мисы насыпай-ко скатна жемчугу

[1. II. С. 71].

«Ай же вы, дружки-братья корабельшики!
Вы насыпьте одну мису чиста серебра,
Другую насыпьте красна золота,
А третью насыпьте скатна жемчуга,
Положите на дощечку золоту казну
И бросьте дощечку во сине море.
Я двенадцать лет по морю ежживаль,
А Поддонному царю пошлины не плачивал:
Верно пошлины он от меня требует!»

[4. Т.ІІ. С. 25].

«Ах ты зла баба зубатая!
Отдавай-ка дочушку Офимьюшку;
Захочу, Офимью за себя возьму,
Захочу, Офимью за службу отдам за Панюточку.
А возьми-ка на выкуп своих детушек:
Первую мису наклади злата-серебра,
Другую мису скатна жемчуга,
Третью мису камня драгоценнаго»

[4. Т.І. С. 329].

Другие случаи предложения или обещания вручить дары связаны с на-
деждой на спасение от смерти:

«Ты новгородские да новой староста!
Ты возьми-тко мису злата серебра,
А другу бери да скатна жемчугу,
Оставь моего да сына родного»

[1. Т. III. С. 457].

Когда семья Соловья-разбойника предпринимает попытку улестить Илью Муромца, предлагая ему подарки в качестве выкупа за отца, богатырь обычно не соглашается, но даже если принимает подарки, считая их заработанными, все равно Соловья не отпускает, а везет в Киев:

Она кланеитце, Соловьёва молода жона,
А тому она Ильи, да Ильи Мурамцю:
— *Ты возьми-ко у мя мису красна золота,*
Ты возьми у мя другу хоть циста серебра,
Ты возьми у мя третью-ту скатна жемцюга.—
«Мне не надобно твою да красно золото,
Не возьму я у тебя да чисто серебро,
Не возьму я у тебя да скатна жемцюга»

[3. С. 35].

«Не снимайте шалыг подорожних:
Не вась-то стоять вашъ батюшка,
А попадь во стремена во черкасския!
А лучше насыпте чашу красна золота,
А другую насыпте чиста серебра,
А третью чашу скатна жемчуга,
Приходите с разговором-прелестью,
Улещите мужика, уговаривайте». <...> Улещают Илью, уговаривают:
— Ай же ты, удалый, добрый молодец!
Отдай-ка нам батюшку,
А на-тко тебе *злата и серебра!* —
Принимал он эти подарочки великие,
Принимает, сам выговаривает:
«Это, братцы, мое заработное,
А не отдам я вашего батюшку:
Он будет опять разбой держать»

[4. Т. II. С. 85–86].

В лексической формуле: *Сорок сороков черных соболей, Второе сорок бур-настых лисиц / мелкою зверю смету нет. Камка заморская / узорчатая / белохрущатая/ золоченая* — представлены совершенно реалистические

подарки, отражающие реальную торговлю Древней Руси того времени: пушнина (*сорок сороков черных соболей, сорок бурнастых лисиц*), для княгини Евпраксии — *камка* (шелковая ткань восточного происхождения, в данном случае речь идет о какой-то особенной дорогой камке с необыкновенными узорами и разводами, царьградского и иерусалимского изготовления, сделанной по «замыслам» Соловья Будимировича) [9. С. 174]. Это «товар восточного происхождения, шедший на Русь преимущественно через Царьград, быть может при посредстве венецианских купцов, имевших большое число торговых заведений в Константинополе» [10. С. 119]. «Сорок» в анализируемой фольклорной формуле означает «множество» [9. С. 358].

И подносит князю свое дорожи подарочки:

Сорок сороков черных соболей,

Второе сорок бурнастых лисиц;

Княгине поднес *камку белохрустную*

Не дорога камочка — узор хитер:

Хитрости Царя-града,

Мудрости Иерусалима,

Замыслы Соловья сына Будимировича;

На злате и серебре — не погнется

[2. С. 11].

А на-ко ти подарочки великие мои,

А на ти *сорок сороков моих черных соболев,*

А ино *мелкого зверю еще смету нет.*

А на-тко ты княгиня да Опраксия,

А на-тко ты подарочек великий.

А возьми-тко ты флаки да *заморскии камки.*

А заморскии камочки золочены

[1. Т. I. С. 499].

Князь Владимир и его жена Апраксия всегда очень довольны подарками. Владимир хочет отблагодарить Соловья Будимировича, но тот отказывается, а высказывает свою просьбу: построить в саду Забавы Путятичны златоверхий терем, что рассматривается как иносказательное сватовство.

Таким образом, из даров, представленных в былинной картине мира, наибольшее значение имеют драгоценные металлы и камни, а также пушнина и ткань. Во всех случаях дары в былинах — способ регулирования экономических, политических и социальных отношений между членами общества внутри социума и между представителями разных государств.

Литература

1. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года: В 3 т. Изд. 4-е. М. – Л., 1949–1951.
2. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М. – Л., 1958.
3. Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901.
4. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым / Под ред. А.Е. Грузинского. В 3 т. Изд. 2-е. М., 1909–1910.
5. *Багликова И.В.* Композиты в фольклорном тексте (на материале былин Печоры): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Курск, 2006. С. 11.
6. *Липец Р.С.* Эпос и Древняя Русь. М., 1969.
7. *Айналов Д.В.* Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. Ч. II // Известия ОРЯС. Т. XIII. Кн. 1 и 2., 1908.
8. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т./ Под общей ред. Н.И. Толстого. М., Т.П. 1999. С. 16.
9. *Пропи В.Я.* Русский героический эпос. М., 1958.
10. *Лященко А.И.* Былина о Соловье Будимировиче и сага о Гаральде. Петроград, 1922.

*Липецкий государственный педагогический
университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского*

Традиции русского фольклора в сказке И.С. Шмелева «Преображенец»

© Я.О. ДЗЫГА,
доктор филологических наук

Статья посвящена изучению фольклорных традиций в сказке И.С. Шмелева «Преображенец». Трансформация народнопоэтических принципов в литературном произведении связана с идейно-эстетическими установками писателя. Следование традиции сказывается в употреблении узнаваемых образов, мотивов и сюжетных поворотов, в характере оценочности и стилистических особенностей.

Ключевые слова: И.С. Шмелев, традиция, народная сказка, сюжет, стиль.

The article is devoted to the study of folklore traditions in the tale of I.S. Shmelev "Preobrazhenets". The transformation of the folk and poetic principles in a literary work is connected with ideological-aesthetic attitudes of the writer. Following the tradition impacts the use of recognizable images, motifs and plot twists, the nature of evaluation and stylistic features.

Keywords: I.S. Shmelyov, tradition, folk tale, plot, style.

Интерес И.С. Шмелева к миру народной поэзии проявлялся на протяжении всей жизни, начиная с первой прочитанной в детстве маленькой книжечки издания Ступина под названием «Малютка» с пословицами, поговорками, загадками, народными песнями, стихами Пушкина, заканчивая обращением к фольклору в зрелые годы. Драматические события истории актуализировали в творчестве писателя жанр сказки, без обращения к которой казалось невозможным воссоздание облика бытия, до неузнаваемости искаженного сначала военными, а затем и революционными потрясениями.

В 1919 году в Алуште Шмелев создал несколько политических сказок, в числе которых «Преображенский солдат» (с 1924 г. — «Преображенец»). Здесь писатель продолжил солдатскую тему, властно заявившую о себе в цикле рассказов «Суровые дни» (1914–1916), посвященном событиям

Первой мировой войны. Но в отличие от героев книги, персонаж крымской сказки далек от традиционных народнопоэтических представлений о величии духа и героизме русского солдата. Авторский замысел подчеркивает название произведения, пережившее трансформацию от стилистически нейтрального «Преображенский солдат», вызывающего ассоциации историко-героического характера, до уничижительно-разговорного «Преображенец», содержащего, помимо прочего, намек на дискредитацию ожидаемого эффекта от процесса преобразования.

Как и в народной сказке, основой произведения Шмелева является история приключений традиционно безымянного героя. Сюжетообразующая идея нравственного испытания безграничной свободой психологически мотивирует поведение персонажа и привносит в повествование фантастический элемент. Фольклорный мотив восполнения потери и попыток обретения утраченного связан с темой лишенных вектора поисков: «поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что». Путь солдата соотносим также со сказочным мотивом нарушения запрета и следующих за этим бед.

Ущерб, понесенный героем Шмелева, очевидно, случился в результате превращения «преображенского солдата» в «преображенца». При этом скорость и характер процесса указывают не только на сближение с традицией, но и отличие вполне земных метаморфоз от ирреальных сказочных «обращений». Здесь поиски недостающего — одновременно реализация лишенной духовного содержания, циничной и заносчивой свободы: «Уж чего-чего не пытал гвардеец преображенский: и стекла сапогом бил, и фонари-то из монтекристи резал, и суконце господское в вагонах обдирать принимался и... На чугунного коня у вокзала лазил, а настоящей радости нет и нет!» [С. 567].

Очередное «изобретение» героя в попытке утверждения «полной» свободы — гастрономические изыски дорогих ресторанов: «Пошел по ресторанам ходить, самое господское требовать. И шинпанское вино пил, и поросенка в сметане зараз четыре порции осадил, и юстрицы жевать принимался, и зернистую икру с глубокой тарелки ложками вылебывал, сладкими пирожками заедал.. — а настоящего чего нет и нет!» [С. 439]. Механическое, неаппетитное поглощение блюд «барской» кухни подчеркивает противоестественное искажение процесса приема пищи, профанирующего саму идею наслаждения высокой кулинарией. Художественный эффект усиливается нагнетанием словесного ряда, контрастным сведением семантически и стилистически разнородных понятий, оттеняющих разрушительность самодовольно-куражливой вольности солдата, губительной даже для естественных проявлений человеческой природы.

Значимость потери, обнаружившейся отсутствием подлинной жизни, до поры не увязывается преображенцем с категориями нравственными,

вызывая недоумение охваченного революционным хаосом русского «простеца» (И.А. Ильин): «С чего такое?» [С. 567]. Отсюда дикие метания героя, циничные до жестокости поступки и неизменный результат: «любопытно, а настоящего чего нет», «нет тебе настоящего удовольствия».

Безуспешные попытки обретения утраченного выражаются в беспечных, хаотичных перемещениях солдата. Глаголы со значением движения придают действию динамичность, подчеркивают напряженность ситуации, неожиданный характер порой весьма страшных событий. Герой Шмелева «крутился», «накатался», «навалялся», «пошел», «стал лазить», «стал топтаться», «ездил», «водил», «подымался». Беспорядочные перемещения персонажа подчеркивает их разнонаправленность (по кругу, вверх, вниз) и калейдоскоп пространственных планов: от «закоулков», «вагонов» и «подвалов» до поездок на «автомобиле» и полета на «ероплане». Даже место традиционного зачина в произведении занимает указание на круговорот полураспавшейся жизни в ситуации вседозволенности: «Крутился солдат по Питеру на полной своей свободе» [С. 567].

Движение по вертикали приобретает особую значимость в освоении пространства. Направление вверх традиционно связано с манифестацией сакральных границ, духовным ростом. В оскверненном пространстве захваченного революцией куражливового Петербурга сущностной смысл направления от низа к верху кошунственно профанирован: «Стал с товарищами по погребам лазить, из бочонков вино посасывать, ан — пожарные налетели да из кишки наверх и выбили, а наверху-то из пулеметов поливают. И свобода, а не поймешь!» [С. 567]. Но даже в искаженном, карнавальном виде движение вверх на время пробуждает задавленную бесчинствами душу героя: «И на ероплане подымался выше каланчей-соборов. И у самой Иглы Адмиралтейской крутился, — вот-вот отдались! — на Питер на весь плевал... — чуть душа поиграла. А как на землю спустился — опять невесело!» [С. 567].

В полном согласии с фольклорной традицией пространственные изменения в сказке Шмелева определяют динамику времени. Пространственные категории доминируют даже тогда, когда солдат спит и соответственно не меняет своего положения в материальном мире.

Суетный, многолюдно-шумный петербургский хронотоп отмечен издевательским поведением героя, ускоряющим течение времени. Как и бессмысленные передвижения солдата, оно торопливо и беспорядочно. Тесную связь времени с действием демонстрируют глаголы, указывающие на быструю смену событий: «Играл-играл да и напоролся на патрулек: насилу через пятые ворота выдрался» [С. 568]. В целом временная протяженность выступает как ряд «встреч» и связанных с ними событий. Это одинаково актуально для обоих миров шмелевской сказки: реального мира пореволюционного Петербурга и идеального иномира из сна героя.

Нелинейное течение сказочного времени допускает возвраты и повторения, в контексте которых сама смерть героя возможна как обратимое изменение, например, сон. После посещения доктора преображенский солдат «вертелся-вертелся на своей койке — нет сна. Разе уснешь — визг-гогот! Пошел — хватил пива с одеколоном, завалился на койку и заснул как мертвый» [С. 570]. В художественном пространстве шмелевского произведения, отражающем перевернутую реальность пореволюционного безвременья, подлинным оказывается именно сновидение героя, представляющее возможность для полноценной реализации его внутренних сил. В центре нравственной иерархии заблудившегося в революции персонажа традиционные ценности веры, долга, дома. Не случайно в эпизоде с ожившим Медным Всадником слово «честь» возникает трижды.

Сон вскрывает сущностный смысл «своего» и «чужого» мира героя. Солдат «живет» в обоих мирах. В реально-бытовом, наделенном признаками разрушения и небытия, герой не может избавиться от разъедающей душу скуки. Идеальный мир сновидения возвращает ему забытую радость, утрату которой не могли восполнить никакие «изобретения» и «игры».

Противоположные типы реальности раскрываются при описании Петербурга. С одной стороны, хаос и шумное беззаконие охмелевшего от шальной свободы народа, с другой — чистота и упорядоченность веками устоявшейся жизни, «как раньше». Торопливый, переменчивый мир пореволюционного города становится препятствием для внутренних изменений героя, увлекая в круговорот сомнительных развлечений и опасных забав. В то же время устойчивая размеренность Петербурга из сна преображенца предоставляет возможности для актуализации «нравственного пространства» [2]. В сновидении городской пейзаж как бы расчищается, освобождаясь от пошлого, ненужного и наносного, что заслоняет настоящее «свое» преображенного солдата.

С пространственно-временной точки зрения это «свое» представлено рядоположенными событиями и персонажами. Сновидческий хронотоп отражает этапы внутреннего движения героя, ценностные доминанты которого связаны с образами Николая Угодника, Медного Всадника и «Царя Николая». За границами «своего» мира начинается мир чужих, в народнопоэтической традиции связанный с миром мертвых. В произведении Шмелева речь идет о душевном омертвлении и нравственно безотчетной жизни.

Антитеза между мечтой и реальностью как сюжетобразующий элемент народной сказки является доминантой литературного повествования. Это ярко демонстрируют пространственно-временные категории произведения. Так, символически значимая пространственность Петербурга оттеняет человеческую несостоятельность преображенца. Противоположение хронотопических образов-состояний (грязь — чистота, шум — тишина, суета — неподвижность, многолюдье — безлюдность) является не только

сущностной характеристикой образа города, но и важным приемом психологического изображения.

Голос души, задавленный выморочной повседневностью, естественно и закономерно воскрешает во сне героя парадную форму, чистый, погруженный в величественное молчание город, вымечтанную встречу. В противовес угнетающей реальности здесь все вызывает к душе, обращает к небу, реальное и чудесное рядом, сосуществуют. Не случайно сквозным в описании петербургского хронотопа является сакральный по происхождению мотив праздника: «Видит Преображенский солдат, что идет он по Питеру, в полной парадной форме, — в высокой каске, в тугих штанах, в сапогах с жаром, с палашом, как на смотр. <...> А город, как для парада, как перед праздником, — чистый-чистый. Выметено — ни скорлупки. Чистый снежок да камень» [С. 570]. Уместно вспомнить, что мотивы, связанные с празднеством, а также его устройством (заключение брака и последующее торжество, пир на весь мир по случаю чудесного спасения героя, победы в бою и т.д.) типичны для русских сказок.

Значимым хронотопическим приемом психологизма в произведении Шмелева является цветовая символика. Представление о душевном состоянии героя дает окрашенность предметного мира. Так, пространство солдатской казармы не просто безысходно одноцветно. Семантика лексики, определяющей его однотонность, актуализирует концептуальные значения нечистоты («грязь»), выжженного места, пожарища («чернота-копоть»), сажи от дыма («гарь-копоть»). Неокрашенная пространственность лишает жизнь преображенца яркости и выразительности, служит дополнительным поводом для душевной вялости и скуки. Появление красок ничего не меняет в повествовании. Пестроцветье дискредитировано тем, что оно «чужое», незаконно присвоенное преображенным солдатом. Безусловно «его» только усиленная пространством «закоулков» чернота ночи, под покровом которого герой «гуляющую публику» приостанавливал: «То какого-нибудь замечательного буржуа потрясет, а в бумажнике-то — всяких сортов-колеров напихано: и царские, и с дворцами, и ярлычки-канарейки — сороковки; то часы золотые на цепише, то портсигары голубые-золотые-серебряные» [С. 567].

Угнетающей черноте, в которой протекает реальная жизнь преображенца, противопоставит радостно-разноцветный мир идиллического города: «А день зимний, морозный, иглами в лицо колет. И река-Нева — зимняя, снежная, голубая-зеленая, — где послуло. И розовое за ней в дымах. А за розовым — дымно-снежным — колокольни-шпили глядятся, закутаны, — золотом проблеснут где-где. Глядит преображенный солдат на белую Неву — здорово-крепко взяло!» [С. 570].

Совпадение с фольклорной традицией отчетливо проявляется в использовании лексем со значением времени. Это указание времени суток («к ночи», «на зорьке», «к обеду»), лексика с «семантикой предситуации»

[4. С. 116] («а вот и Зимний Дворец», «тут и понял»), языковое обозначение конкретных отрезков времени («дня три», «двенадцатый час», «пять суток»), лексика с семантикой неожиданности («слышит вдруг»). Вариантность выражения временных отношений проявляется в использовании лексем, прямо не содержащих указания на временную определенность («вертелся, вертелся на своей койке», «прибавил шагу»).

С точки зрения времени сознание героя направлено в прошлое, когда «душа играла». Противоположение прошлого настоящему ярче всего демонстрирует сон солдата, в котором праздничный Петербург встречает его давно знакомым, родным, узнаваемым. Мотив памяти обнаруживает себя соответствующей лексикой: «натужился — его вспомнить», «всё, как раньше», «словно давно когда-то, в первое время своей службы», «всё те же», «самое страшное и вспомнил», «знакомый голос». Темпоральные характеристики имплицитно присутствуют в представлениях героя о плохом и хорошем, получая временную определенность в истории с дурной болезнью: «Придет время — объявится!», «Пришел срок дурному объявиться, — а его нет и нет».

Двоемие в произведении Шмелева напрямую сопрягается с народно-поэтическими традициями, хотя и получает реалистическое объяснение во сне героя. Это обстоятельство сближает произведение не только с волшебными, но и с бытовыми сказками. Тем не менее в пользу первых говорит расстановка персонажей (солдат, царь), наличие героев-помощников («Микола-Угодник»), чудесные превращения (оживший памятник). Не обошелся писатель и без традиционной для фольклора троичности: три дня «перемогался» солдат до визита к доктору, ходил «при троих часах», три встречи знаменовали узловые моменты сна героя.

Образ часового у Медного Всадника соотносим с фольклорным образом медведя. Это обстоятельство находит текстуальные подтверждения в описании «мохнатого старика с ружьем»: «Стоит медведем, не шелохнется, в недвижных ботах-кеньгах, будто увяз в камне. И все — медвежье на нем, и все недвижно: медвежья шапка — ведром мохматым, и тулуп-камень, и воротник медвежий — мохнатый камень <...>» [С. 571].

От сказки — стилистическая маркированность повествования Шмелева. Отсылкой к народнопоэтическим традициям являются лексические единицы со значением уменьшительности: «винца всякого попил», «сабелькой головки бутылочкам срубал», «семечки <...> в горсточку поклевывать», «тоненькая», «солдатык», «патрулек», «зорька» и др. Эмоциональная оценочность подобной лексики особенно востребована в контексте полемики прочтения традиции.

Ориентация на жанр народной сказки связана с использованием различного рода повторов. Тавтологические словосочетания как средство языковой выразительности в произведении Шмелева отличаются удивительным многообразием. Это прежде всего повтор знаменательных частей

речи, преимущественно глаголов со значением движения, реже — существительных, прилагательных, а также местоимений и частиц: «крутился-крутился», «играл-играл», «гулял-гулял», «вертелся-вертелся», «чистый-чистый», «сталь сталью», «чего-чего», «нет и нет», «вот-вот».

Гораздо более продуктивным в контексте литературной сказки оказывается употребление семантически сопряженных пар лексем, элементы которых вносят в повествование дополнительный оттенок значения. Прежде всего это повтор связанных по смыслу глаголов («оглядел-обсмотрел», «лузгать-поплевывать», «орали-призывали», «забьется-затрепыхается», «сигают-прыгают», «пропили-поделили»), существительных («ревизия-допрос», «каланчей-соборов», «глаза-думы», «визг-гогот», «колокольни-шпили», «боль-счастье»), прилагательных («голубые-золотые-серебряные», «голубая-зеленая», «розовым-дымно-снежным», «тонкий-легкий») и наречий («здорово-крепко», «лихо-властно», «где-где»). Художественный прием использования семантически близких слов является не только отсылкой к фольклорной традиции, но и яркой приметой индивидуального стиля писателя.

Крестьянское происхождение служилого человека подчеркивает просторечная лексика («надоть», «пятыя», «этажи», «зямельный», «ослобоните», «выпучил», «гогочут», «неладно», «помога», «хватил») и синтаксические конструкции («да вдруг заскучал и заскучал», «ан — пожарные налетели», «к добру ай к худу»). Эмоционально-характерологическую функцию выполняет также обращение к простонародной служебной лексике («ан», «да», «ай», «уж»), широкое использование междометий («эй», «ну», «ой», «ух», «эх», «ах»), грамматических форм с частицей «то» («девки-то», «сон-то»).

Отсылкой к стилистике народной сказки с ее яркостью и эмоциональностью служит интонационное решение произведения Шмелева. Рассказ о злоключениях преображенного солдата изобилует восклицательными и вопросительными конструкциями: «А ну, как нос провалится?! В деревню, в полной парадной форме, при багонах да галунах, при троих часах, и вдруг — без носу?.. Девки-то засмеют, стервы!» «Чегой-то, — скажут, — ай у тебя немцы нос обточили?» [С. 569].

Помимо четко различимых традиций русской народной сказки в истории преображенного солдата можно усмотреть отголоски Евангельской притчи о блудном сыне. Правда, «образ пути» героя указывает скорее на неудавшееся возвращение, чем на концептуальное прочтение евангельского сюжета. Сновидец хотя и понял, что «сон-то, пожалуй, приятный был», так и не покался перед «отцом», не заслужил прощения: «А лампадку Миколу Угоднику так и не справил, — все недосуг было» [С. 572]. Все же, по мнению И.А. Ильина, есть надежда, что светоносная сила «первобытной духовности» героя «будет искать и найдет в себе новые пути» для преодоления внутреннего распада и хаоса [2. С. 372].

Таким образом, воздействие фольклорных традиций можно обнаружить на всех уровнях повествовательного пространства сказки Шмелева, включая образы, темы, мотивы, повороты сюжета и стилистические особенности. Развитие и трансформация народнопоэтических принципов в художественной системе литературного произведения обусловлены временем создания и идейно-эстетическими установками писателя. Актуальность обращения к фольклорным жанрам в первые пореволюционные годы связана с катастрофичностью общественно-политической ситуации и надеждами на возрождение Святой Руси, которые питала нравственная философия сказки, отражающая подлинные черты народной психологии и социальные стремления народа.

Литература

1. *Шмелев И.С.* Собр. соч. В 5 т. Т. 8 (доп.). М., 2000.
2. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. Таллин, 1992. Т. 1. С. 437.
3. *Зворыгина О.И.* Время в русской литературной сказке // *Русская речь*. 2009. № 3. С. 116.
4. *Ильин И.А.* Собр. соч. В 10 т. Т. 6. Кн.1. М., 1996. С. 372.

Московский экономический институт

Обожатель. Поклонник. Рачитель

© И. С. УЛУХАНОВ,

доктор филологических наук

Слово *обожатель* образовано от глагола *обожати* в конце XVIII века.

Поклонник образовано от глаголов *поклонити* и/или *поклонитися*. Оно приобрело значение «ухажер, почитатель» в XVIII веке.

Существительное *рачитель* образовано от глагола *рачити*. В современном языке оно имеет значение «тот, кто усердно заботится о ком-чем-либо» и является устаревшим.

Ключевые слова: разговорное, шутовское, конкуренция однокоренных синонимов, выход из употребления, развитие нового значения, архаизм, синтаксическая сочетаемость.

The word *obozhatel'* is derived from the verb *obozhati* in the end of the XVIII century.

Poklonnik is derived from the verbs *pokloniti* and/or *poklonitisya*. The word has acquired the meaning «follower, admirer» in the XVIII century.

The word *rachitel'* is derived from the verb *rachiti*. In the modern language it has the meaning «he who eagerly cares for somebody/something» and is obsolete.

Keywords: colloquial, humorous, concurrence of cognate synonyms, obsolescence, development of a new meaning, archaism, syntactic cooccurrence.

Обожатель

Слово *обождатель* всегда имело и имеет в современном языке значение «человек, который обожает кого-н., поклонник»: «Любой из Ольгиных *обождателей* имел основания ненавидеть моего отца» [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)] – [1]. Указанием этого значения, пометой *разг. шутил.* и иллюстрацией *Ваш верный обожатель* исчерпывается описание этого слова в новейшем Толковом словаре русского языка [2]. Это, надо полагать, наиболее употребительное значение слова *обождатель* в настоящее время.

В других словарях современного языка указываются и другие значения, сопровождаемые другими пометами: «Большой любитель, почитатель чего-н. (простореч.) » [3. С. 682]; «Тот, кто обожает, очень любит кого, что-л.» (разг., устар.) [4. С. 552]. Стилистические пометы в [4] представляются более адекватными.

Судя по фиксациям в текстах, слово *обождатель* появилось в конце XVIII века: «Не без причины опахало падает из рук красавицы; сие часто дѣлается для испытанія ея *обождателей*. Они всѣ за ним бросятся с великою скоростью» [5. С. 7]; «Жансенисты, с *обождателями* Галиканской церкви вѣчно спорят» [6. С. 154].

Производящий глагол *обождати* зафиксирован в [7. С. 516] только в значении, соотносящемся со словом *Богъ* – «приобщать к божественной сущности»: христось явился намъ. *обождая* собою человечество [8. 36 в].

В Словаре русского языка XI–XVII веков значение «любить, почитать» не указывается. Словарь приводит следующие два близкие между собой значения (9. С. 115): «1. Наделять божественной сущностью: Яко же бо желѣзо разжизается, а огонь не ожелѣзается, тако же божие естество *обождает* плоть» [10. С. 375]; «2. Приближать, приобщать к богу: Престоя прѣстоу троича и причащениемъ же *обожаемъ* и просвѣщаемъ лучами от туду пушаемыми» [11. С. 052].

Лишь Словарь Академии Российской 1789–1794 годов впервые фиксирует значение, близкое к современному (сохраняя значение, связанное с Богом): «Обожаю... 1) Воздаю честь, приличествующую самому Богу... 2) В разговорах и в стихах употребляется вместо отменно кого люблю, отменно почитаю» [12. С. 258].

В конце XVIII – начале XIX века сочетаемость слова *обождатель* могла воспроизводить сочетаемость производящего глагола: *обождатель Магомеда* [13]. Затем слово утрачивает способность сочетаться с управляемыми словами [14. С. 96], сочетающимися с мотивирующим глаголом.

Поклонник

Слово *поклонникъ* рано зафиксировано в письменности – в XI веке («Придетъ година и нынѣ есть, егда истиннии *поклонници* поклоняться отцу духъмъ и истиноу» (Ио. IV. 23) [15. С. 31].

Наряду с ним в ранних памятниках отмечены синонимы с суффиксом *-тель*: *поклонятель*, *поклонятель* и *поклонитель*. Эти слова фиксируются редко (см. [16. С. 155, 159, 161]); по-видимому, они были вытеснены более частотным *поклонникъ*.

У слова *поклонникъ* многие словари разных эпох [17. С. 35; 18. С. 160; 19. С. 306; 20. С. 241] отмечают с небольшим различием в формулировках значения «поклоняющийся Богу, как Богу, какому-нибудь божеству, святыне; почитатель Бога». Словари нового времени [19. С. 306; 20. С. 241; 21. С. 136] добавляют к этому значению возможность управления названиями светских реалий (*поклонникъ красоты, старинного романа, таланта* и т.п.).

В [21. С. 136] впервые появляется значение «ухажер, почитатель», помеченное в [21. С. 136] знаком, означающим в данном случае появление нового значения.

Изменение синтаксической сочетаемости выглядит следующим образом: глагол + Дат.п. → имя с *-ник* + Род.п.: *поклоняться режиссеру* → *поклонник режиссера* или глагол + Дат.п. → имя с *-тель* + определяющее относительное прилагательное, мотивированное существительным, называющим того, кому совершается поклонение, ср.: *поклонник божии*. Единичны случаи сохранения у существительного управления Дательным падежом: «мы же ему [Христу] *поклонници*» [22].

Рачитель

«Этимологический словарь славянских языков» [23. С. 136] возводит слово *рачитель* наряду со многими близкими по форме и значению словами других славянских языков к праформе **orčiteljь*. При этом, правда, делается оговорка: «Праславянская древность проблематична: вероятны заимствования в сербохорватский, словенский и русский из церковнославянского» [23. С. 136]. **orčiteljь* образовано с помощью суффикса *-telь* от праслав. **orčiti*, к которому восходят многочисленные славянские слова со значениями «хотеть», «заботиться», «привечать» и мн. др. (см. [23. С. 136, 137]).

Суммируя описания семантики слова *рачитель*, имеющиеся в [24. С. 357, 358] и в [25. С. 120], можно выделить следующие значения этого слова в XI–XVII века: «1. Тот, кто стремится (к чему-либо)»: «Ты же иже небеснаго жития желатель. ангелскаго пребывания *рачитель* [так!]» [26. С. 40]; «2. Поклонник, почитатель, последователь»: «[слова монаха царю Авениру] всякому убо безаконью издавъ душу свою. нужно и немлостивно. убиваеши служащая богу. и благочестья *рачителя* ничимже не обидая тебе» [27. 87 а]. «3. Тот, кто заботится о ком-чем-либо; попечитель, помощник»: «Хръсолифъ... болящим чръвомъ *рачитель* есть, рекше цѣлитель» [28. С. 154]. «4. Тот, кто испытывает любовное влечение,

вожделение, страсть»: «и оклеветана бывши [св. Евдокия] отъ своихъ *рачителевъ*» [29. 1 г].

В новое время количество значений слова *рачитель* уменьшается, а слово постепенно переходит в разряд архаизмов. [30. С. 90] указывает только два значения, а все словари XIX–XXI веков — только одно значение. Приведем некоторые формулировки из этих словарей.

«1). Тот, кто радуется кому; тщательно печется о ком или о чем; 2) Любитель» [30. С. 90];

«Тот, кто заботится о ком-чем-н.» [31. С. 1045];

«Радеющий о чем-либо» [32. С. 59];

«Радетель, старатель, усердник, заботник» [33. С. 9];

« (книжн. устар.) Тот, кто заботится или кому поручено заботиться о ком-чем-н.» [34. С. 1300];

«Устар. Тот, кто усердно заботится о ком-чем-л. || Бережливый, хозяйственный человек» [35. С. 687];

« (устар.) Человек, рачительно заботящийся о ком-чем-н.» [36. С. 820].

В XX–XXI веках слово фигурирует как архаизм. Это отражено соответствующими пометами в словарях XX–XXI веков. Интересно, что производные от слова *рачитель* (*рачительный*, *рачительно*, *рачительность*) не приобрели свойств архаизмов, а являются достаточно употребительными словами современного языка.

Рачитель — одно из сравнительно немногих слов на *-тель*, имеющих в диалектных словарях: «Рачитель. Помощник; наследник. Уржум. Вят., 1882» [37. С. 348].

В отличие от мотивирующего глагола *рачити*, управляющего Винительным падежом («Не тако бо рачитель блуднѣ *рачить* свою *хоть*, якоже Богъ каюшаяся приемлетъ душа» [38. С. 28], существительное *рачитель* управляет формами Родительного падежа («радуитесь домовѣ страннолюбивии. и христолюбивии... радуитесь моихъ *словесъ рачители*» [39. 131 в] и Дательного падежа («и аще убо естъ *рачитель цѣломудрию*» [40. 195 б]). *Рачитель* в отличие от *рачити* может сочетаться с относительным прилагательным, мотивированным тем существительным, которое называет объект воздействия слова *рачитель* (*рачитель христовъ* = *рачитель христа*): естъ убо пѣрвыи петръ. теплыи *рачитель христовъ*, вторыи же павель съсудъ избранныи» [41. 98 б].

Инфинитивом могут управлять как *рачити*, так и *рачитель*: «она же [мать Феодосия]... съ гнѣвъмъ великъмъ въпияше. О нуже старьца сего яко имьи сына моего и съкрывыи въ пещерѣ не *рачить* ми его *явити*» [42. 32 в]; «*Могила Петр* — митрополит киевский, жил в XVII веке и был великий *рачитель собирать древности*» [43].

В редких случаях встречается абсолютное употребление обоих слов: «покаявсь единъ ею [братьев, брошенных в темницу] глагола другу

своему. бра(т) смиривъся еда утро умрева. и поидевъ къ богу. онъ же не *рачаше* (“не слушался”) » [44. 105 в]; «[Жена] *рачителей* привлачить» [45. С. 33].

Литература

1. Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru)
2. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2007.
3. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1938. Т. II.
4. Словарь русского языка. М., 1982. Т. II.
5. Смесь, новое еженедельное изд... СПб, 1769.
6. Адская почта, или Переписки храмононого (так) беса с кривым. Ежемесячное изд. 1769 г. СПб, 1769.
7. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2002. Т.V.
8. Палея толковая, 1406, РГБ, Тр. — Серг., № 38.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1987. Вып. 12.
10. Кормчая Балашева, с прибавлениями — Рукоп. БАН. 21.5.4. XVI в., с прибавл. XVII в.
11. Месяц сентябрь. || Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 гг. Труд И.В. Ягича. Изд. ОРЯС АН. СПб, 1886, С. 03–0242, 1096, XII в.
12. Словарь Академии Российской. СПб, 1789. Ч. I.
13. *Крылов И.А.* Почта духов.
14. *Хохлачева В.Н.* К истории отглагольного словообразования в русском литературном языке нового времени. М., 1969.
15. Остромирово евангелие 1056–1057 гг. СПб., 1843.
16. Словарь русского языка XI–XII вв. М., 1991. Вып. 17.
17. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2004. Т. VII.
18. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1990. Вып. 16.
19. Словарь церковнославянского и русского языка. Санкт-Петербург, 1847. Т.III.
20. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. III.
21. Словарь русского языка XVIII века. Санкт-Петербург, 2015. Вып. 21.
22. Григория Богослова 16 слов с толкованиями Никиты Ираклийского, к. XIV в., ГИМ, Син., № 954.
23. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 2005. Вып. 32.
24. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2013. Т. X.
25. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1997. Вып. 22.
26. Пандекты Никона Черногорца, 1296 г. ГИМ, Син., № 836.

27. Сборник житий и слов, XIV–XV вв., ГПБ, Соф., № 1365, 255 л. (л. 1в – 135 г. – Житие Варлаама и Иоасафа).
28. *Истрин В.М.* Александрия русских хронографов. Исследование и текст // Чт. ОИДР. 1894, XII в., сп. XV–XVII вв.
29. Пролог мартовской половины, 1383, РГАДА, ф. 381, № 172 (Тип., № 367).
30. Словарь Академии Российской. СПб, 1794. Ч. V.
31. Словарь языка Пушкина. М., 2001. Т. III.
32. Словарь церковнославянского и русского языка. СПб, 1847. Ч. IV.
33. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. IV.
34. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1939. Т. III.
35. Словарь русского языка. М., 1983. Т. III.
36. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2007.
37. Словарь русских народных говоров. СПб, 2000. Вып. 34.
38. Златоструй и отрывок Торжественника, XVI в. Рукоп. РНБ, ф. 173 (МДА), № 44.
39. Григория Богослова 16 слов с толкованиями Никиты Ираклийского, вт. пол. XIV в., ГИМ, Син., № 954.
40. Кормчая Рязанская 1284 г., РНБ, Ф.п.I, 1.
41. Пролог мартовской половины, 1383 г., РГАДА, ф. 381, № 172 (Тип., № 367).
42. Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.
43. *Новиков Н.И.* Опыт исторического словаря о российских писателях (1772) – [1]
44. Пролог «Лобковский» сентябрьской половины, 1282 г., ГИМ, Хлуд., № 187.
45. *Жмакин В.* Митрополит Даниил и его сочинения. Ч. 2 // Чт. ОИДР, 1881. Кн. 2. Прил. С. 3–55. XVI в.

*Институт русского языка
им. В.В.Виноградова РАН*

«От терпения опытность...»

© А. С. ПОДЧАСОВ,
кандидат филологических наук

В статье рассматриваются понятия «терпение» и «опытность» из послания апостола Павла к Римлянам. Автор доказывает, что заложенный в оригинальном тексте смысл слов апостола Павла может быть неправильно понят носителями современного русского языка. Это объясняется не только лингвистическими причинами, а именно, несовпадением объемов греческих и русских понятий, но и культурологическими различиями. Автор наглядно показывает, как поверхностное прочтение текста ведет к его неверному истолкованию.

Ключевые слова: культура, терпение, опытность, мужество, *hupomone*, *dokimé*, переплавлять, искусство.

This article examines the words «perseverance» and «experience» in the context of Apostle Paul's Epistle to the Romans. The author proves that the original meaning of Apostle Paul's words can be misunderstood by speakers of modern Russian. The real issues are not only linguistic, that is the meaning of Greek and Russian words do not always coincide, but also cultural. The author demonstrates how a casual reading can lead to misinterpretation.

Keywords: culture, perseverance, experience, courage, *hupomone*, *dokimé*, refine, art.

Хорошо знакомый нам афоризм апостола Павла «от терпения опытность» является ярким примером тех трудностей, с которыми мы сталкиваемся при толковании древних текстов. На первый взгляд, смысл сказанного кажется нам понятным, оба слова нам хорошо знакомы, даже обыденны, поэтому ничто не «цепляет» наше внимание. На самом деле под мнимой простотой мысли и узнаваемостью формы слов скрывается совсем не очевидный для нас смысл. В своем послании к Римлянам апостол Павел написал: «И не этим только, но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения — опытность, от опытности — надежда» (Рим.5:4).

Давайте задумаемся над тем, как мы понимаем слово *терпение*. В современном русском языке это культурно-нагруженный, базовый концепт

с широким спектром значений, которые присутствуют в нашем сознании и готовы «по первому поводу всплыть на поверхность», вне зависимости от конкретного употребления данного слова [1]. *Терпение* предполагает тяжелое переживание, нравственное страдание [2]. Оказавшись в стесненных обстоятельствах, человек может либо начать бороться, не обвиняя никого в своих злключениях, мужественно перенося муки, обиды; либо «задеревенеть», «застыть», и «поплыть по течению», отдаться на волю обстоятельств.

Именно с этим связаны два основных значения в славянских языках слова *терпение*, известного с XI века: 1) «выносить страдание» и 2) «столбенеть», «застывать», «делаться неподвижным». Например, украинское «потерпати» — «оцепенеть от страха» [3]. При этом, по предположению Л.В. Успенского, именно второе значение было основным.

Терпение в первом значении, как активная жизненная позиция, соответствует пониманию этого концепта в церковно-славянском языке и в православной традиции. В этом значении *терпение* ассоциируется с мужеством, самоотверженностью и неустранимостью души, готовностью переносить все встречающиеся сложности охотно и великодушно. Как писал преп. Серафим Саровский, «терпение есть трудолюбие души, а трудолюбие состоит и в добровольных трудах, и в перенесении невольных (скорбных) искушений. Законом терпения служит любовь к трудам; опираясь на них, ум надеется получить обетование будущих благ» [4]. Согласно Г.И. Шиманскому, *терпение* есть «постоянство в добре, твердость и мужество души, проявляющиеся в безропотном, охотном и великодушном перенесении жизненных трудностей, скорбей и искушений, допускаемых Богом для научения христианина смирению, любви и преданности воле Божией и Его святому Промыслу» [5].

Употребление слова *терпение* в таком значении характерно для пословиц и поговорок: «Терпение дает уменье», «терпенье и труд все перетрут», «всякое дело терпением можно одолеть», «терпение приносит спасение», «терпение все преодолет», «на всякое хотение имей терпение» и других.

В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова второе значение концепта, а именно, «становиться неподвижным», «столбенеть», «деревенеть», вовсе не зафиксировано. *Терпение* толкуется как «способность терпеть, сила, напряжение, с которыми кто-н. терпит что-н.», и как «настойчивость, упорство в каком-н. деле в ожидании результатов, перемены» [6]. Можно предположить, что в русском языке первой половины XX века, нашедшем свое отражение в словаре, понимание *терпения* как явления пассивного не было актуализировано. Но оно уже появляется в 1-м издании «Толкового словаря русского языка» под редакцией С.И. Ожегова, и без изменения дошло до 21-го издания под редакцией Н.Ю. Шведовой: «Мириться с наличием, существованием кого-чего-н., поневоле допускать что-н. *Приходится т. беспокойных соседей. Не терпит возражений кто-н.*

(не любит, когда возражают) (Курсив здесь и далее наш. — А.П.) » [7]. По наблюдениям исследователей, такое осмысление концепта чаще всего вербализуется в публицистике [8].

Теперь давайте рассмотрим оригинальный греческий текст послания апостола Павла. Из многочисленных синонимов, которые могут быть переведены на русский язык словом «терпение» апостол Павел выбрал свое любимое — *hupotone*, которое в Священном Писании встречается исключительно в его посланиях. Оно является однокоренным с глаголом *hupotono* (образованным с помощью приставки *hupo* = под + *meno* = оставаться на месте) и употребляется для обозначения стойкости при воздействии извне, готовности добровольно пойти против своего естества и добровольно «пребывать под обстоятельствами». Древнегреческое слово «скорбь» (*thlipsis*) дословно означает «давление», «сжатие», «стеснение». Таким образом, скорби и беды ставят человека в стесненные обстоятельства и оказывают на него давление, а *терпение* — это такой запас прочности, который позволяет его выдержать. Важно обратить внимание на то, что *hupotone* не предполагает пассивности, значений «ощепенение» или «онемение» у этого слова нет.

Итак, согласно апостолу Павлу, плодом *терпения* является *опытность*. Что же такое *опытность*? Известно, что начиная с XII века слова с корнем «пыт», такие, как глагол *испытати*, характерные для простонародной речи, проникают в письменные документы и в церковную лексику. В дальнейшем они вытесняют из письменных текстов, в том числе из богослужебных книг, слова с корнем «искус», например, *искусство* и *искушение*. Ко второй половине XVIII века они уже употребляются в переносном смысле для обозначения суммы знаний и навыков, и используются вместо слов *знать* и *ведать*, вытесняя их из употребления. В настоящее время известны следующие основные значения слова *опыт*: «1) совокупность практически усвоенных знаний, навыков, умения; 2) отражение в человеческом сознании объективного мира, получаемое восприятием, отражение общественной практики, направленной на изменение мира; 3) воспроизведение какого-нибудь явления, создание чего-нибудь нового в определенных условиях с целью исследования, испытания; 4) попытка осуществить что-нибудь, пробное осуществление чего-нибудь» [7]. Имея в виду эти значения, давайте посмотрим, какое слово выбрал апостол Павел для своего послания. Это *dokimé*, которое имеет общее значение «испытание, опыт и доказательство», но в его контексте, если судить по грамматической форме слова, речь идет не о процессе испытания (*dokimazo*), которое проходит человек, а о его результате (*dokimos*). *Dokimé* употреблялось, когда речь шла об одобренном, прошедшем испытание на чистоту металле. Таким образом, апостол Павел говорит о состоянии человека, подвергшегося испытанию и достойно его выдержавшего. По представлению древних, человек, как и драгоценный металл, должен пройти процесс

переплавки, во время которой примеси и шлаки отделяются от его драгоценной сути. В Ветхом Завете древнегреческому слову *dokimé* близко по значению древнееврейское *tsaraph*, которое, среди прочих значений, таких как «испытание», «плавильщик», «переплавлять», «очищать», «плавильщик», обозначает процесс очистки серебра, которое подвергается нагреву, расплавляется и теряет форму. В результате этого процесса удастся удалить примеси и получить метал высшей пробы. В метафорической форме такой же переплавке подвергаются и люди. Вот как об этом пишет библейский пророк Исаия: «и сядет *переплавлять* (*tsaraph*) и очищать серебро, и очистит сынов Левия и переплавит их, как золото и как серебро, чтобы приносили жертву Господу в правде» (Мал.3:3).

Похожая цитата из пророка Захарии: «И введу эту третью часть в огонь, и *расплавлю* (*tsaraph*) их, как *плавят* (*tsaraph*) серебро, и очищу их, как очищают золото: они будут призывать имя Мое, и Я услышу их и скажу: “это Мой народ”, и они скажут: “Господь — Бог мой!”» (Зах.13:9).

Dokimé и есть результат такой переплавки. В самых ранних рукописных переводах греческих текстов на русский язык *dokimé* переводилось словом «искусство», которое восходит с славянскому «*кѹсѹти*» со значением «испытывать», «подвергать испытанию». Таким образом, «искушенный человек» — это тот, кто прошел испытание. Именно такой перевод мы находим в Острожской и Елизаветинской Библиях, в которых читаем: «терпение же искусство, искусство же упование». В то время, в XVI–XVIII веках, слово *опыт* еще не имело абстрактного значения. Например, его нельзя было «накапливать» или «передавать», его нельзя было получить в результате научной деятельности. Оно употреблялось, когда речь шла о проверке качества материальных предметов. Лишь значительно позже, начиная с середины XVII века, слово *опыт* стало употребляться в отвлеченном значении «испытание/экзамен/доказательство» [9]. Таким образом, современное понимание того, что значит *опытный человек*, существенно отличается от того, что имеется в виду в переводимом послании. В нашем понимании это человек, который, благодаря общению с другими людьми и в результате столкновения с различными жизненными обстоятельствами, приобрел знания, которые позволяют ему видеть истину, так сказать, отделять зерна от плевел. На самом же деле, такое значение слово *опытный* приобрело сравнительно недавно, в XVIII–XIX веках, когда человек стал претендовать на самостоятельность в понимании морально-этических и онтологических вопросов. До этого монополия на истину в этих аспектах принадлежала церкви.

Итак, по мысли апостола Павла, *опытность* — это состояние человека, который мужественно прошел горнило испытаний. Это результат активной жизненной позиции того, кто не уклонился от трудностей, добровольно остался в стесненных обстоятельствах, выдержал все, и вышел победителем. В выбранном апостолом Павлом слове *hypotone* нет

пассивности, в объем этого понятия не входят значения «столбенеть», «застывать», «делаться неподвижным», которые могут актуализироваться в русском слове *терпение*. Но трудность в понимании слов «от *терпения опытность*» возникает не только из-за несовпадения объема греческих и русских понятий. Прежде всего она объясняется культурологическими различиями, в результате которых греческие слова обозначают непонятные нам, требующие истолкования жизненные реалии.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Русский язык. М., 1972. С. 17.
2. *Барилловская А.А.* Лексическое выражение концепта «терпение» в истории и современном состоянии русского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2008. С. 13.
3. *Успенский Л.В.* Почему не иначе? Этимологический словарь школьника. Режим доступа: <http://www.pochemyneinache.com/alfavit/18/str318.html>.
4. *Прп. Серафим Саровский.* Наставления // Летопись Серафимо-Дивеевского м-ря. 2-е изд., СПб., 1902. С. 79.
5. *Шиманский Г.И.* О терпении. М., 2012. (Серия «Христианский взгляд») Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/53548.html>.
6. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. М., 2013. С. 676.
7. *Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова. «Словарь Ожегова». Изд. 21-е, испр. и доп. и доп. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1949–1994. Режим доступа: <http://alcala.ru/slovar-ozhegova/slovar-ozhegova.shtml>
8. *Барилловская А.А.* Лексическое выражение концепта «терпение» в истории и современном состоянии русского языка». Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2008.
9. *Смирнова Е.М.* Концепт «опыт» в истории русской культуры. Дисс. ... канд. культурологии. М., 2013. С. 34.
10. *Семенов А.В.* Этимологический словарь русского языка. Режим доступа: <http://www.slovorod.ru/etym-semenov/sem-t.htm#tje>

МГУ им. М.В. Ломоносова

«И.И. Срезневский и русское историческое языкознание:
опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения»

© О. В. НИКИТИН,
доктор филологических наук

В научном обзоре дается хроника международной конференции «И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения». В статье рассматриваются ключевые проблемы этого форума. Особое внимание уделено историческим связям идей И.И. Срезневского и традиций славяно-русской филологии XIX века с современными достижениями отечественной науки.

Ключевые слова: научная конференция, славяно-русская филология, лексикография, история русского языка, лингвистическое источниковедение, русские народные говоры, история языкознания.

The scientific review provides a chronicle of the international conference «I.I. Sreznevsky and Russian historical linguistics: experience and prospects. To the 205th anniversary of the birth». The article examines key issues of this forum. Special attention is paid to the historical relations of the ideas by I.I. Sreznevsky and traditions of Slavic-Russian Philology of the nineteenth century with the modern achievements of domestic science.

Keywords: scientific conference, Slavic-Russian Philology, lexicography, history of the Russian language, linguistic source studies, Russian folk dialects, history of linguistics.

*[Она] наука должна быть основой и судьей
всех наших успехов...*

И.И. Срезневский

Имя легендарного русского ученого, почетного доктора всех духовных академий России И.И. Срезневского (1812–1880) уже прочно вошло в летописную историю науки и просвещения России и других славянских стран. Но и в современном мире продолжают обращаться к изучению его наследия, не только исторических, филологических, но и общечеловеческих проблем, у истоков которых стоял тонкий, благородный и пытливый ум нашего замечательного соотечественника. Прежде всего он радел о русском языке, который в первой половине XIX столетия только начинал свое вхождение в культурное пространство славяноведения. Срезневский знал и чувствовал духовную мощь этой стихии и в одной из работ так высказался: «Язык — не

только орудие познавательной и мыслительной силы человека, но и сама эта сила. Без всякой другой науки человеку еще можно обойтись; без знания родного языка, или хотя бы чужого, заменившего родной, обойтись нельзя: это знание — свидетельство на его право быть сочленом в народном обществе, свидетельство его человечности». Таким призывом и была проникнута конференция, собравшая ученых, деятелей культуры, краеведов и филологов, библиотекарей и учителей на той земле, в которой родились предки Срезневского и куда он ушел на вечный покой.

21–23 сентября 2017 года в Рязанском государственном университете имени С.А. Есенина проходила Международная научно-практическая конференция «И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы», приуроченная к 205-летию выдающегося ученого XIX столетия, первого в России доктора славяно-русской филологии Измаила Ивановича Срезневского, одного из самых значительных историков русского языка, впервые изучавшего его, по словам академика А.А. Шахматова, «в живой и нерасторжимой связи» с другими славянскими языками. Книга «Мысли об истории русского языка» стала его научным открытием в этой области, а «Материалы для словаря древнерусского языка» — истинным примером лексикографического подвига.

Организаторами конференции выступили Российский фонд фундаментальных исследований, Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Правительство Рязанской области и Московский государственный областной университет.

Конференция привлекла ученых из разных учебных заведений и научно-педагогических учреждений России (Москвы, Санкт-Петербурга, Рыбинска, Ижевска, Уфы, Великого Новгорода, Вологды, Тулы, Рязани, Ярославля, Саранска и др.), Великобритании, Эстонии, Чехии, Македонии, Болгарии.

В первый день конференции, 21 сентября, состоялись ее открытие и пленарное заседание. Выступившие с приветствием ректор РГУ имени С.А. Есенина А.И. Минаев и первый заместитель министра образования Рязанской области О.В. Колесник поздравили ученых и педагогов, подчеркнув значимость изучения русского языка и его истории в современном обществе. Приветствие прозвучало от представителей администрации Шиловского района, где располагается родовое село предков знаменитого слависта Срезнево.

Основатель и директор Музея академика И.И. Срезневского в РГУ имени С.А. Есенина Н.В. Колгушкина прочитала проникнутое искренней благодарностью к участникам приветственное слово от потомка языковеда профессора графики из Германии Бориса Фрёлиха, который чтит свои русские корни, знает из рассказов матери, что его предки отличались любовью к языкам и рисованию, и связывает с этим выбор своей профессии.

На пленарном заседании прозвучало три доклада. Член-корреспондент РАН С.А. Мызников (Санкт-Петербург) рассказал о диалектной лексике

в проблематике историко-этимологических исследований на примере словарных помет таких лексем, как *слуд*, *напарье*, *ташка*, об изучении памятников русского диалектного слова, назвал некоторые забытые словари XIX века, призвал слушателей понимать лексикографические источники как особый информативный тип текста. Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова д.ф.н. М.И. Чернышева (Москва) посвятила выступление современным достижениям и проблемам русской исторической лексикографии. Она подчеркнула, что Институт — наследник традиций академика Срезневского. Ученый рассказал о разных жанрах исторических словарей, в том числе и о новом проекте по составлению «Словаря русского языка XIX века». Профессор Г.В. Судаков (Вологда) ознакомил слушателей с особенностями речевого этикета Древней Руси, реконструированного по берестяным грамотам и разговорникам иностранцев XII–XVII веков.

Затем участники после небольшого перерыва продолжили работу в трех тематических секциях под председательством М.И. Чернышевой (Москва), Н.А. Тупиковой (Волгоград) и С.А. Мызникова (Санкт-Петербург): «Проблемы славяно-русской исторической лексикологии», «Проблемы источниковедения», «Русские народные говоры: история и современное состояние». В первой секции в прениях активное участие принимал также профессор МГОУ О.В. Никитин.

После заседаний участники и гости конференции побывали на экскурсии в историческом центре города и Рязанском кремле, которую провела доцент кафедры русской литературы РГУ имени С.А. Есенина, известный рязанский краевед, член Ученого совета историко-архитектурного музея-заповедника «Рязанский кремль» И.В. Грачева.

Следующий день работы конференции, 22 сентября, состоялся на факультете русского языка и литературы РГУ имени С.А. Есенина. В первой половине дня научные сотрудники, преподаватели, аспиранты и студенты слушали доклады участников из разных городов в трех секциях: «Проблемы славяно-русской исторической лексикологии» под председательством профессора И.А. Малышевой (Санкт-Петербург), «Русская и славянская лексикография» под руководством Г.В. Судакова (Вологда).

Наиболее многочисленной и очень интересной по составу участников стала пятая секция «Жизнь и научное наследие И.И. Срезневского». Здесь участники воодушевленно говорили о научном подвиге Срезневского через призму его личности, духовного и нравственного служения. Присутствующие могли узнать об архивных данных, открывающих взаимоотношения декана Санкт-Петербургского университета Срезневского и цензора Никитенко в период студенческих волнений. Горячий темперамент, нестигаемая воля, бескомпромиссность — такие черты живого облика ученого представила перед слушателями ведущий научный сотрудник ИРЯ РАН Л.Ю. Астахина (Москва).

Беспристрастная любовь ко всем славянским языкам, ясное осознание трудной, почти подвижнической, жизни ученого, жажда учения в европейских центрах университетской науки у лучших профессоров, таких как Ф. Бопп, И. Розенкранц, П. фон Боллен, А. Поп и др., в Тильзите, Галле, Дрездене, Праге, Лейпциге — отличала молодого Срезневского, о чем подробно и увлекательно рассказал проф. О.В. Лукин (Ярославль). Е.О. Матвеева (Москва) и А.Б. Чернышев (Рыбинск) сделали темой выступления заложенные в трудах Срезневского основы культурологии.

Профессор кафедры современного русского языка МГОУ Н.В. Халикова анализировала некоторые аспекты научной речи П.А. Флоренского, базовые метафоры которой существуют и в работах Срезневского, давшего «образ языка» как живого организма под влиянием мировоззрения «сочувствующего языку» народа.

Присутствующие живо обсуждали и доклад директора Музея академика И.И. Срезневского заслуженного учителя РФ Н.В. Колгушкиной о принципах духовного и интеллектуального семейного воспитания в доме Измаила Ивановича и Екатерины Федоровны Срезневских, о «Словаре древнерусского языка» как общесемейном деле, которое после смерти академика было подхвачено его восемью детьми (ставшими, надо сказать, выдающимися деятелями науки и культуры России), но прежде всего — Ольгой и Всеволодом. Кстати, Ольга Измайловна получила за эту работу небывалое для женщины по тем временам звание — члена-корреспондента Академии наук.

После этого доклада слово взял председатель секции проф. О.В. Никитин. Он рассказал, что именно Нина Васильевна когда-то стала одним из тех энтузиастов, которой удалось возродить популярность Срезневского на Рязанской земле. В далеком теперь 1989 году это имя здесь практически забыли. Однако школьная учительница была уверена, что надо устранить эту историческую несправедливость.

«В XX веке имя Срезневского было в тени, он — выходец из рода священников и почетный академик всех духовных академий, поэтому сведения о нем были неполными, а могила его в Срезневе заброшена. Значительную часть документов уничтожили, найти какие-либо материалы оказалось очень сложно. Только ученое сообщество сохранило память о нем, что и неудивительно: ведь ни один ученый, который занимался русским языком, не мог обойтись без его трудов. Встал вопрос: с чего начать? И тогда мы решили посмотреть, что писали газеты, когда Измаила Срезневского не стало. Перевернули архивы, подняли прессу XIX века, и в результате стал хоть немного понятен масштаб этой личности. О нем писали выдающиеся люди своего времени, все газеты Москвы и Санкт-Петербурга на протяжении 10 дней после смерти публиковали статьи о его вкладе в развитие науки, отмечая, что его уход — огромная потеря для государства», — рассказывала Н.В. Колгушкина.

Нина Васильевна вспоминала, как начиналась эта подвижническая работа: «Следующим этапом по возрождению имени великого филолога стал

поход рязанских школьников в Срезнево, тогда никому не известное село, на окраине которого в заброшенной могилке покоился прах ученого, чьи-ми заслугами гордились все слависты. Сейчас даже странно вспоминать, насколько запущенным в то время было место захоронения Измаила Ивановича. — Там, на могилке, мы с учениками дали клятву, что сделаем все возможное для того, чтобы Рязанская земля знала имя Срезневского». Со временем И.И. Срезневский стал гордостью нашего края, премия его имени ежегодно вручается вот уже десять лет, а в Рязанской области работают два музея, посвященных Срезневскому...». Везде на этом нелегком, но благородном пути Н.В. Колгушкину поддерживал любимый муж, который и в этот раз стал участником конференции.

Во второй половине дня рассуждения ученых о русском слове продолжились на берегу Оки в селе Константиново, в музее-заповеднике С.А. Есенина. Организаторы дали возможность всем желающим послушать рассказ экскурсовода об истории дома Есениных, его отношениях с местным священником при храме Казанской иконы Божией Матери, учебе в школе, первых стихах, увидеть экспонаты каждого из зданий музейного комплекса.

Особое настроение охватило всех экскурсантов на высоком берегу Оки, откуда открывался дивный вид на извилистую реку, пойменные луга и перелески, где, казалось, всё еще разливается пророческий есенинский голос...

Третий день конференции проходил по традиции в селе Срезнево Шиловского района. Участников и гостей тепло приветствовали у храма Казанской иконы Божьей Матери представители местной администрации, священник иерей Григорий Рогожкин, прихожане, директор Музея академика И.И. Срезневского в Шиловском районе Рязанской области Людмила Николаевна Евтюхина. Здесь род священников Срезневых служил из поколения в поколение на протяжении двух столетий. Музей решили сделать в отреставрированном здании бывшей школы. Сегодня Срезнево стало одним из популярных экскурсионных маршрутов по Рязанскому краю. Ныне здесь находится целый мемориал, в который входят музей, храм, часовня, место захоронения Измаила Ивановича.

Прежде всего ученые побывали у мемориала великого слависта. Священник отслужил литию. Затем Н.В. Колгушкина, Е.В. Генералова, Т.А. Исаченко поделились своими чувствами, которые вызвали у них судьба и научный подвиг Срезневского и его сподвижников. Последним взял слово проф. О.В. Никитин, который сказал, что «имя Срезневского живет в памяти многих людей потому, что он был не просто ярким лингвистом и первопроходцем в славистике, а мыслителем, деятелем, духовно возрождавшим былую славу России. И наш долг — помнить это и продолжать его дело».

Почему прославленный филолог завещал похоронить себя именно в Срезневе, смог бы объяснить, наверное, только сам Измаил Иванович, — «Срезнево — мой милый сердцу уголок».

Участники конференции ознакомились также с историей села и его новомучеников в экспозиции Музея академика И.И. Срезневского в Срезневе, расположенной в здании местной школы, построенной в память ученого еще до революции, а позднее восстановленной после десятилетий разрухи и теперь функционирующей как музейный и культурно-образовательный центр.

С заключительным докладом, нацеленном на передачу духовной эстафеты дела Срезневского нынешним поколениям ученых, выступил О.В. Никитин на круглом столе в Срезневе. Он был посвящен Николаю Ивановичу Гречу, подтвердившему всей своей жизнью предназначение русского языка и в биографии каждого творчески мыслящего человека, и в летописи нашего общества. С особым чувством воспринимались слушателями проникновенные и страстные слова Н.И. Греча на фоне сельского храма, обрамленного высокими белоствольными березами, за которыми склонялись вековые деревья деревенского сельского погоста. Участники конференции пили чай из самовара, сидели на деревянных лавках за обычными столами и вспоминали вместе замечательное время, проведенное под пологом имени Срезневского на щедрой и благодатной Рязанской земле.

По материалам научно-практической конференции будет издан сборник трудов, но работа по изучению наследия академика Срезневского продолжается: собраны новые свидетельства о его потомках из разных стран, обрабатываются архивные материалы, воссоздаются малоизвестные факты из биографии ученого. Особое внимание в этом направлении было привлечено к книге директора музея Н.В. Колгушкиной «Академик И.И. Срезневский в культурном пространстве России» (Рязань, 2011), в которой впервые по собранным автором уникальным свидетельствам и документам XVIII–XX веков воссоздана летопись его рода и контакты Срезневского с Н.В. Гоголем, В.И. Далем, Л.А. Загоскиным, Д.И. Менделеевым, Ф.Г. Солнцевым и другими знаменитыми деятелями русского просвещения. Главы этой замечательной книги представили потаенные страницы истории отечественной науки и культуры: «И.И. Срезневский в кругу современников», «К поискам родословной семьи Срезневского», «И.И. Срезневский в кругу семьи», «Потомки рода Срезневского», «Срезневедение в школе» и другие.

Замечательно, что к началу конференции силами рязанских коллег был подготовлен проспект «Музей академика И.И. Срезневского», куда вошли некоторые новые факты и открытия, сделанные в последние годы директором музея Н.В. Колгушкиной.

Завершились юбилейные мероприятия, приуроченные к 205-летию со дня рождения Срезневского, но память о нем не угаснет никогда, как не может исчезнуть любовь к близким и вера в то, что благодатный огонь его духовного света озарит новыми идеями дорогу к истинному слову, проповедником и вдохновителем которого был Измаил Иванович Срезневский.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР В.Г. КОСТОМАРОВ, академик РАО

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю.Л. ВОРОТНИКОВ, член-кор. РАН,
М.В. ГОРБАНЕВСКИЙ, д.ф.н., профессор
Л.К. ГРАУДИНА, д.ф.н., профессор
В.П. ГРЕБЕНЮК, д.ф.н., профессор
А.Ф. ЖУРАВЛЕВ, д.ф.н., профессор
Н.И. КЛУШИНА, д.ф.н., профессор
М.А. КРОНГАУЗ, д.ф.н., профессор
О.В. НИКИТИН, д.ф.н., профессор
И.Г. МИЛОСЛАВСКИЙ, д.ф.н., профессор
М.А. ОСАДЧИЙ, д.ф.н., профессор
В.Ю. ТРОИЦКИЙ д.ф.н., профессор

Номер оформили художники: *Н. Беланов, В. Леонов, Л. Серикова* ©

Заведующая редакцией
Т.Г. Дмитриева, к.ф.н.

Художественный редактор
В.А. Леонов

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, т. (495) 695-27-35
e-mail: [rus-rech@mail.ru](mailto:russ-rech@mail.ru), сайт [http:// russkayarech.ru](http://russkayarech.ru)
